

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный университет просвещения»

На правах рукописи

Цепелева Алина Николаевна

Особенности перевода на русский язык социокультурного
компонента английских художественных текстов

Специальность 5.9.8. –
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Епифанцева Наталия
Глебовна

Мытищи – 2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Литературно-художественный текст и особенности его перевода: лингвистический и экстралингвистический аспекты.....	13
1.1. Литературно-художественный текст и его характеристики (на материале романов С.Р. Snow “The Masters” и “Corridors of Power” и их переводов на русский язык)	14
1.1.1. Художественная литература, художественный текст и его основные характеристики.....	14
1.1.2. Соотношение информативного / эстетического компонентов художественного текста: переводческий аспект.....	24
1.1.3. Социокультурный компонент как фактуальная составляющая художественного текста: модель перевода.....	33
1.2. Лингвокультурологический аспект перевода художественных текстов.....	45
1.2.1. Лингвокультурология: сущность, основы и отношение к переводу.....	46
1.2.2. Синтезирующая роль лингвокультурологии: связь языка и культуры.....	56
1.2.3. Принцип лингвокультурного равенства языков в переводе текстов художественной литературы.....	63
Выводы по главе 1	68
Глава 2. Средства передачи социокультурного компонента английского художественного текста на русский язык.....	73
2.1. Сопоставительная характеристика социокультурного компонента романов С.Р. Snow “The Masters” и “Corridors of Power” и их русских переводов.....	73
2.1.1. Определение и тематическая классификация социокультурного компонента исследуемых текстов.....	73

2.1.2. Тематическая классификация социокультурной лексики.....	76
2.1.2.1. Роман “The Masters” («Наставники»)	77
2.1.2.2. Роман “Corridors of Power” («Коридоры власти»)	95
2.2. Средства достижения адекватного перевода социокультурного компонента с английского языка на русский	120
2.2.1. Социокультурная адаптация художественного текста.....	120
2.2.1.1. Роман “The Masters” («Наставники»)	122
2.2.1.2. Роман “Corridors of Power” («Коридоры власти»)	131
2.2.2. Интерференция и средства ее компенсации в англо-русском переводе социокультурной лексики.....	134
2.2.2.1. Роман “The Masters” («Наставники»)	136
2.2.2.2. Роман “Corridors of Power” («Коридоры власти»)	139
Выводы по главе 2.....	144
Заключение.....	150
Список литературы.....	154

Введение

Диссертация посвящена проблеме передачи социокультурного компонента в англо-русском художественном переводе, при этом, рассматриваются произведения с ярко выраженной тематической направленностью, то есть маркированные в плане жанровой принадлежности. В настоящее время лингвистический подход к переводу, в частности, к художественному считается общепризнанным, но он не противостоит рассмотрению основной переводческой проблемы – адекватности перевода в прагмакоммуникативном и лингвокультурологическом аспектах. Перевод в этом плане рассматривается как процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, участники которой проявляют себя как полноправные представители собственной культуры, причем, сам процесс направлен на воссоздание коммуникативного эффекта исходного текста, «репрезентируемого» в другой языковой и культурной среде.

Межкультурная коммуникация основана на принципе национальной самоидентификации, паритетности культур, отказа от следования устоявшимся стереотипам в переводе, культурной экзальтации и культурного синкретизма. В результате межкультурной и межъязыковой коммуникации происходит обмен духовными и материальными ценностями на международном уровне, что способствует установлению диалога культур между носителями разных языков. Проведенное исследование отличается актуальностью темы, научной новизной, теоретико-методологической обоснованностью. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью адекватного перевода социокультурного компонента литературно-художественного текста профессиональной направленности, что представляет научный интерес, в то же время требует уточнения по ряду положений общей теории перевода, художественного перевода и лингвокультурологии. Эти факты позволяют считать тему актуальной, требующей специального исследования. В

диссертации рассматриваются также вопросы равноправия и паритетности языков в переводе художественной литературы в соответствии с основным принципом межкультурной коммуникации.

Степень разработанности темы исследования. Вопрос об адекватной передаче социокультурного компонента в художественном переводе включается в общую проблематику переводоведения, которая получила освещение в классических и современных научных работах (публикациях и диссертационных исследованиях) отечественных и зарубежных специалистов. По проблеме специальной лексики в формате литературно-художественного произведения была защищена кандидатская диссертация Ю.В. Жемановой на материале англо-русского перевода романов А. Хейли [Жеманова, 2020], структурно-семантическая характеристика военной лексики рассмотрена на материале англоязычной прозы в диссертации А.Н. Гамова [Гамов, 2021]. Обзор опубликованных трудов свидетельствует о научном интересе к проблеме лингвокультурологического аспекта перевода и необходимости изучения ряда вопросов, требующих уточнения и дальнейшей разработки. Среди них, такие как интеграция культуры и языка в рамках лингвокультурологического, прагмакоммуникативного, социокультурного аспектов в межкультурную коммуникацию, исследование которых проводится в диссертации на стыке гуманитарных наук и дисциплин. Междисциплинарный характер и диффузность современных научных направлений допускает комбинаторику аспектов и планов исследования (в рамках общего лингвистического подхода). Так, основной вопрос диссертации – выявление средств адекватной передачи социокультурного (фактологического) компонента при художественном переводе – решается в разных аспектах в зависимости от этапа перевода: в аспекте лингвокультурологической характеристики текста на этапе его интерпретации переводчиком, и социокультурной адаптации текста на этапе представления читателю текста, перекодированного переводчиком.

Вопрос об адекватной передаче социокультурного компонента в художественном переводе изучается на основе трудов в области:

- теории перевода – И.Р. Гальперин [Гальперин, 2007], Н.К. Гарбовский [Гарбовский, 2010], Л.Л. Нелюбин [Нелюбин, Хухуни, 2003];
- теории художественного перевода – С. Влахов, С. Флорин [Влахов, Флорин, 2009], Г.Р. Гачечиладзе [Гачечиладзе, 1980], Н.Г. Епифанцева [Епифанцева, 2013, 2017, 2019], В.Н. Комиссаров [Комиссаров, 2002], И.А. Лиходкина [Лиходкина, 2018], А.В. Федоров [Федоров, 2002], А.Д. Швейцер [Швейцер, 2009].

Вопрос о средствах передачи социокультурного компонента в художественном переводе исследуется с учетом положений таких современных направлений лингвистики, как:

- лингвокультурология – Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999], В.В. Воробьев [Воробьев, 2008], В.А. Маслова [Маслова, 2001], Е.А. Огнева [Огнева, 2019], Ю.С. Степанов [Степанов, 2018], В.Н. Телия [Телия, 1996], Р.М. Фрумкина [Фрумкина, 1995];
- социо- и прагмакоммуникативная лингвистика – С.Г. Тер-Минасова [Тер Минасова, 2000], А.Д. Швейцер [Швейцер, 2009]; Л.К. Латышев [Латышев, 1988];
- дискурс художественного текста – Н.Н. Михайлов [Михайлов, 2006].

В работе учитываются результаты анализа ряда положений лингвофилософии языка, значимых для развития лингвокультурологии как междисциплинарной науки – В.М. Алпатов [Алпатов, 1999], Л.Г. Зубкова [Зубкова, 1989], Н.Б. Мечковская [Мечковская, 1998], О.А. Радченко [Радченко, 2006], а также диссертационные работы, освещающие проблему жанровой, структурно-семантической характеристики и особенностей перевода специальной лексики «профессиональных» романов – А.Н. Гамов [Гамов, 2021], Ю.В. Жаманова [Жаманова, 2020].

Научная новизна исследования состоит в теоретическом осмыслении используемого в рамках лингвистического подхода нового – межкультурного аспекта перевода с английского языка на русский социокультурного компонента, отличающегося профессиональной направленностью. Впервые

социокультурный компонент рассмотрен как информативная (фактуальная) составляющая литературно-художественного текста. Информативная составляющая репрезентирует реалии действительного мира, отраженные в художественном произведении.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют научные труды отечественных и зарубежных лингвистов в области:

- общей теории перевода и художественного перевода – И.С. Алексеева [Алексеева, 2004], Л.С. Бархударов [Бархударов, 2013], Л.И. Борисова [Борисова, 2016], И.И. Валуйцева [Хухуни, Валуйцева, Осипова, 2016], В.В. Виноградов [Виноградов, 1980], В.С. Виноградов [Виноградов, 2001], С. Влахов, С. Флорин [Влахов, Флорин, 2009], Н.К. Гарбовский [Гарбовский, 2010], Г.Р. Гачечиладзе [Гачечиладзе, 1980], А.Е. Гусева [Гусева, Кузнецова, 2017], Н.Г. Епифанцева [Епифанцева, 2023, 2022, 2019], В.Н. Комиссаров [Комиссаров, 2002], О.П. Крюкова [Крюкова, 2016], М.Н. Левченко [Левченко, 2018], И. Левый [Левый, 1974], А.А. Лебедева [Лебедева, 2016], И.А. Лиходкина [Лиходкина, 2018], О.И. Максименко [Максименко, 2016], Р.К. Миньяр-Белоручев [Миньяр-Белоручев, 1996], Л.Л. Нелюбин [Нелюбин, Хухуни, 2003], И.Я. Рецкер [Рецкер, 2010], Л.К. Свиридова [Свиридова, 2013], А.В. Федоров [Федоров, 2002], И.Н. Филиппова [Филиппова, 2017], Р.Р. Чайковский [Чайковский, 2008], А.Д. Швейцер [Швейцер, 2009] и другие;
- в области культурологического аспекта перевода – Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999], М.М. Бахтин [Бахтин, 1986], А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1996], В.В. Воробьев [Воробьев, 2008], Ю.А. Евграфова [Евграфова, 2021], И.Г. Жирова [Жирова, 2022], В.Г. Костомаров [Костомаров, 2005], Е.Л. Кузьменко [Кошечая, Кузьменко, Макарова, 2017], В.А. Маслова [Маслова, 2001], Н.Н. Михайлов [Михайлов, 2006], Е.А. Огнева [Огнева, 2019], В.В. Ощепкова [Ощепкова, 2015], Ю.С. Степанов [Степанов, 2018], Л.А. Телегин [Телегин, Телегина, 2017], В.Н. Телия [Телия, 1996], Р.М. Фрумкина [Фрумкина, 1995], Л.М. Шатилова [Шатилова, 2014] и

другие.

В работе используются следующие общенаучные и специальные лингвистические **методы исследования**: диалектический (общенаучный) метод как учение о наиболее общих законах природы, общества, мышления; общие лингвистические методы – описательный метод как система исследовательских приемов при анализе элементов иллюстративного материала; сопоставительный метод для сравнения элементов исходного и переводного текстов; специальные лингвистические методы – семантический и контекстуальный анализ при анализе текстового окружения единиц иллюстративного материала; компонентный анализ исследуемых языковых единиц при толковании актуализированных и контекстных смыслов; социологические приемы – прием нормативно-стилевых характеристик, указывающий на профессиональную (социальную) принадлежность, прием тематических групп при составлении классификации социокультурного компонента. А также методы и приемы смежных направлений, такие как методы, характерные для корпусной лингвистики: описание языка в его речевом проявлении, анализ перевода с опорой не на один элемент (слово или предложение), а на корпус текстов. Но главный признак корпусной лингвистики – квантитативный подход – не применяется ввиду того, что преследуемая цель состоит в анализе и решении переводческих проблем.

Объектом исследования в работе выбран английский художественный текст профессиональной тематики как лингвистический материал, раскрывающий особенности отдельных сфер национальной культуры, наглядно демонстрирующий возможности использования принципа межкультурного перевода для передачи с английского языка на русский социокультурного компонента, отражающего в художественном произведении профессиональную реальность. Анализ работ, посвященных межкультурному аспекту перевода, показывает, что художественный текст профессиональной направленности в качестве иллюстративного материала может служить доказательной базой выдвинутой в исследовании гипотезы о социокультурном компоненте как

фактуальной составляющей литературно-художественного текста.

Предметом исследования является социокультурный компонент литературно-художественного текста профессиональной тематики на английском и русском языках в сопоставлении, с целью выявления особенностей перевода социокультурного (фактуального) компонента сравниваемых языков.

Материалом исследования выбраны тексты романов английского писателя C.P. Snow “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] и “The Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс], каждый из которых отличается четко выраженной профессиональной тематикой: роман “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] – тематикой сферы английского вузовского образования, “The Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс] – сферы госуправления и властных структур Англии.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей передачи на русский язык социокультурного (фактуального) компонента английских художественных текстов профессиональной тематики с определением средств достижения адекватности перевода.

Для достижения данной цели представляется необходимым решить **следующие задачи:**

- в рамках сравнительно-сопоставительной лингвистики как основного направления исследования подтвердить правомерность использования межкультурного принципа при передаче с английского языка на русский социокультурного компонента, отличающегося профессиональной направленностью;
- уточнить определение социокультурного компонента и раскрыть его содержание в художественных текстах исследуемого типа;
- представить семантическую классификацию социокультурных компонентов по теме «Университетское образование в Англии»; «Властные структуры Великобритании»;
- на основе сплошной выборки романов английского писателя C.P. Snow “The

Masters” и “The Corridors of Power” отобрать основную лексику, представляющую исследуемые сферы лингвокультуры;

- провести сопоставительный анализ данных социокультурных компонентов в английском литературно-художественном тексте и в его русском переводе;
- выявить лингвистические средства и приемы для достижения адекватного перевода художественного текста, содержащего социокультурный компонент, ограниченный профессиональной сферой.

Гипотеза исследования базируется на общетеоретическом положении современной лингвистики о функционировании языка как социокультурного кода, предназначенного для трансляции информации. В художественном переводе социокультурный (фактуальный) компонент отражает реальность, зафиксированную в литературно-художественном тексте автором. В исследуемых текстах внутритекстовая реальность характеризуется тематической маркированностью. В процессе перевода социокультурный компонент подвергается двойной интерпретации переводчиком как адресата английского текста и как адресанта переводного текста. В работе доказывается целесообразность лингвокультурной характеристики художественного текста в процессе его перевода.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что уточнение понятия «социокультурный компонент» как «фактуальной составляющей» и выявление особенностей его перевода в художественном тексте, а также рассмотрение этого понятия в лингвокультурологическом плане дополняют общую теорию перевода. Данные, полученные в результате сопоставительного анализа тематически маркированных художественных текстов, позволяют систематизировать языковые средства для достижения их адекватного перевода, а также соотнести результаты исследованного материала с общепринятыми теоретическими положениями. Аргументированное доказательство валидности межкультурного подхода в переводе, а в более широком масштабе, в межкультурной и межъязыковой коммуникации,

подтверждают тезис языкового равноправия, что имеет ключевое значение в настоящее время, в период глобального распространения, не всегда оправданного, английского языка в мире.

Практическая значимость. В результате исследования представлена сопоставительная характеристика социокультурного компонента двух сфер в России и в Англии – системы высшего образования и государственно-политического устройства – которая, кроме научного значения, полезна для анализа современного состояния высшего образования и политического устройства современного общества.

Практическую ценность представляет комментарий перевода иллюстративного материала, раскрывающий сущность и особенность системы университетского образования и властных структур современной Англии, а также так называемых «ложных эквивалентов перевода», обусловленных социокультурными различиями сопоставляемых лингвокультурных пространств: английского и русского.

Результаты исследования можно рекомендовать для их включения в программы семинаров для работников системы высшего образования, в учебные вузовские программы для студентов и аспирантов гуманитарной направленности, для работников иных сфер экономики, которым необходимы сведения о национальных особенностях английской действительности, в частности в сферах образования и общественно-политического устройства. Возможно использование полученных результатов на практических занятиях и лекционных курсах по переводоведению, а также в спецкурсах по подготовке переводчиков и специалистов со знанием иностранного языка и особенностей иноязычной культуры. Результаты исследования также могут быть применены при составлении словарей лингвокультурной направленности и практических пособий для переводчиков.

Структура диссертации соответствует логике исследования и включает введение, две главы, заключение, список литературы.

Апробация результатов работы. Основные положения и результаты

научного исследования прошли апробацию во время аспирантской практики, на заседании кафедры романистики и германистики ИЛиМК МГОУ (пр. № 16 от 21.06.2021), на заседании кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики ИЛиМК МГОПУ (пр. № 8 от 26.12.22) и были представлены в докладах и выступлениях на международных практических и научных конференциях в 2017–2023 гг., в 14 публикациях, включая 5 статей, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

В **Заключении** подводятся итоги работы и обобщаются выводы. Намечаются перспективы исследования по этой тематике. В настоящее время получила распространение лингвокогнитивная концепция художественного текста как конструкта, представленного ключевыми концептами, которые отражают содержательно-концептуальную информацию текста. Содержательно-фактуальная информация, составляющая социокультурный компонент художественного текста, служит выявлению содержательно-концептуальной информации.

Методологическая база перевода социокультурного компонента основана на принципе диалога культур, который предполагает отказ от экзальтации исходной или переводной лингвокультуры в пользу паритетности языков и лингвокультур, а также сохранение их национальных особенностей. Реализация диалога культур требует применения межкультурного принципа в переводе.

В **списке литературы** перечислены работы ведущих отечественных и зарубежных авторов, источники иллюстративного материала, лексикографические источники, а также интернет-ресурсы, использованные в диссертационном исследовании.

Глава 1. Литературно-художественный текст и особенности его перевода: лингвистический и экстралингвистический аспекты

В первой главе исследуются вопросы, связанные с лингвистическим и экстралингвистическим аспектами перевода литературно-художественных текстов, в частности, текстов профессиональной тематики (романов С.Р. Snow “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс], “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс]).

Главное внимание уделяется переводу социокультурного (фактуального) компонента – знаниям в области национально-культурных особенностей страны, материальной культуры, социально-политической структуры, географии, истории. Уточняется определение и содержание понятия лингвокультурологии как современной междисциплинарной науки на основе культурологии с лингвокогнитивным вектором развития.

Рассматриваются:

- характеристики литературно-художественного текста;
- особенноститекстов профессиональной тематики;
- социокультурный (фактуальный) компонент как объект художественного перевода в лингвокультурологическом аспекте;
- принцип лингвокультурного паритета в переводе.

Необходимость характеристики текстов художественной литературы вызвана ее двояким определением в зависимости от того, на каком элементе ставится акцент: литература или художественность. Также неоднозначно определяется литературный жанр, который определяется как род (в противоположность виду) и как жанровая разновидность (в связи с развитием художественной литературы на протяжении ее существования). Требуется уточнения неоднозначное по содержанию и отношению к смежным дисциплинам определение лингвокультурологии и социолингвистики.

1.1. Литературно-художественный текст и его характеристики (на материале романов C.P. Snow “The Masters”, “Corridors of Power” и их переводов на русский язык)

1.1.1. Художественная литература, художественный текст и его основные характеристики

Художественная литература в процессе своего формирования на протяжении тысячелетий истории от поколения к поколению накапливала и передавала эстетические, нравственные, философские ценности, выполняя тем самым свою основную – эстетическую функцию. К характерным стилевым чертам художественной литературы относятся: образность, эмоциональность; вымышленная изображаемая действительность (fiction); единство коммуникативной и эстетической функций; авторская индивидуальность языка и стиля.

Художественная литература – понятие сложное. Если при ее интерпретации акцент ставится на слове «литература» (от *лат.* «буквенное письмо»), то это – произведения письменности, имеющие общественное значение, и художественная литература, наряду с публицистикой и научной литературой, идентифицируется с литературным языком и определяется как его функциональный стиль. В действительности в художественной литературе используется не только функциональная разновидность литературного языка, но и элементы просторечия, диалектизмы, жаргонизмы всех видов, включая социальный и профессиональный жаргон, а также отраслевая терминология. Отбор и использование языковых средств в художественном произведении подчиняется эстетическим целям, которые ставит перед собой автор-писатель.

«Акцентируя внимание на художественности как основной характерной черте художественной литературы, она определяется как вид искусства,

средство постижения окружающего мира и выражения мировоззрения и идеалов общества. Так, в русском языке XIX в. художественная литература чаще называлась «изящной словесностью» и воспринималась как «явление искусства, эстетически выражающее общественное сознание и формирующее его» [Цепелева, 2018]. В таком понимании «художественная литература сопоставима с другими видами искусства, например, музыкальным и изобразительным, с которыми ее объединяет такая характерная черта, как художественный стиль» [Ортега-и-Гассет, 1991]. Художественный стиль понимается как соотносимый с культурой сквозной принцип связи определенного содержания и формы, который придает произведению внутреннюю цельность, общую тональность и колорит. Стиль – это своеобразный метод художественного переживания времени, который формирует образную систему, опирающуюся на выразительные средства, свойственные данной эпохе. Признаки и характерные черты художественного стиля словесности, следующие:

- форма и вид: письменные, в виде монолога (диалога, полилога), описания, повествования;
- сфера общения: словесно-художественное творчество;
- функция: единство коммуникативной и эстетической функций с целью воздействия на воображение, чувства и мысли человека;
- жанры: эпический, лирический, драматический.

Особенности художественного стиля:

К особенностям художественного стиля относятся следующие характеристики:

- образность, авторская индивидуальность, недопустимость стандарта, выразительность, эмоциональность и динамизм;
- использование лексики и фразеологии других стилей (публицистики, научного и отраслевого, разговорного стилей, просторечия, диалектов);
- использование в большей степени, чем в других стилях, изобразительно-

выразительных средств, а также выразительных синтаксических средств.

По богатству, разнообразию и выразительным возможностям языковых средств художественный стиль стоит выше других стилей, являясь наиболее полным выражением литературного языка (см. Табл. 1).

Таблица 1 – Художественный стиль в литературе

Характерные черты	Образность, использование средств выразительности и средств других стилей
Жанры: типология (принципы классификации)	– принадлежность к роду литератур; – объем произведения; – способ построения образа
Языковые средства	Тропы и фигуры речи в большей степени, чем в других стилях
Типы речи	Описание, повествование, рассуждение

Художественные жанры

Языковая, функциональная, а также художественная особенность – черты художественного текста. Они наглядно представлены в разных литературных жанрах, рассматриваемых в сопоставлении, например, в романе / детективе, которые имеют совершенно разные языковые, функциональные и художественные особенности. «Всякий художественный текст может выполнить свою социальную функцию лишь при наличии эстетической коммуникации в современном ему коллективе» [Комиссаров, 1980, с. 180].

Каждому жанру художественной литературы свойственна своя категория перевода. По категориям перевод можно разделить на: перевод романа, перевод детектива; перевод стихотворений, перевод художественной прозы и другие разновидности. Разделение категорий перевода по жанрам носит условный характер. Особенность каждого жанра воздействует на сам процесс перевода и его результат. Жанровая типология основана на разных принципах. В художественной литературе жанр определяется на основе следующих

признаков:

- принадлежность произведения к литературному роду (который, в свою очередь, определяется преобладанием эстетического качества, например, сатирического, патетического, трагического);
- объем произведения;
- способ построения образа (документальность, символика, аллегория), различаются жанры: эпический (роман, рассказ, героическая поэма), лирический (ода, элегия, стихотворение, песня), драматический (драма, комедия).

Разделение прозаического / стихотворного видов текста – прозы и поэзии, основанное на признаке особой рифмованной, ритмически организованной речи поэтического текста, считается основным в жанровой типологии. По принципу объема произведения выделяются роман, повесть (рассказ); по принципу формы восприятия адресатом (визуальное / аудиовизуальное) роман противопоставлен поэзии и пьесе (драме, трагедии, комедии); поджанры выделяются на тематической основе. В романе выделены поджанр исторического романа и, в этих рамках, военно-исторический (документальный) роман, ЖЗЛ, научная фантастика (science-fiction), детектив; по гендерному признаку выделяется в особый жанр женский (любовный) роман; по возрастному признаку выделяется как поджанр приключенческая литература (для юношества) и сказка (для детей младшего возраста). Вопрос о жанре «профессионального / производственного романа» решается в настоящем диссертационном исследовании на материале романов С.Р. Snow “The Masters”, “Corridors of Power” и их переводов на русский язык.

В художественном произведении автор воплощает свой замысел, создавая образ(ы), материализуя свои мысли и придавая им конкретную форму в виде текста. Творческий успех определяется в литературе, как и в других видах искусства, талантом автора, но зависит также от его мастерства, умения использовать художественные средства «воспроизведения реальности в искусстве», созвучия философско-эстетического кредо писателя общественным

настроениям и запросам. Эмотивно-эстетическая функция художественной литературы предполагает обязательное владение автором национальной языковой картиной мира.

Художественной литературе как виду словесности противопоставляется научная литература (в классификации перевода – противопоставление художественный / специальный виды перевода). Научная литература отражает научную деятельность как одну из форм общественного сознания, функция которой состоит в научном объективном познании действительности, а также в теоретической интерпретации и систематизации полученных знаний с дальнейшим их практическим применением. От художественной литературы ее отличают такие черты, как фактуальность, отсутствие вымысла (гипотеза в научном поиске определяется не как вымысел, а как научно обоснованное предположение с последующей доказательной базой, подтверждающей ее непротиворечивость существующей научной теории или опровергающей эту теорию). Критерием различия служит также особый язык со специфической лексикой (около четверти контента научного текста составляют термины, остальная часть контента характеризуется лексико-грамматическими особенностями, свойственными специальной литературе).

Произведения художественной литературы в плане формального выражения представляют собой письменные тексты. Литературно-художественный текст с учетом коммуникативных и экстралингвистических характеристик определяется как дискурс. «Дискурс – идеологически оформленная речевая деятельность языковой личности, которая формирует вербальное пространство той или иной науки или искусства во взаимодействии с другими участниками этой деятельности или результат этой деятельности. Текст (совокупность текстов) с учетом их коммуникативных и экстралингвистических характеристик можно определить как дискурс» [Серио, 2001, с. 549–562].

Художественный текст имеет свои специфические черты, прежде всего – это креативный характер внутритекстовой действительности по отношению к

внетекстовой реальности. В любом литературном жанре, включая реалистическое направление, внутритекстовая действительность создана воображением и творческим порывом автора, то есть представляет собой вымышленный мир. В этом вымышленном мире изображаемая действительность соотносится с реальной опосредованно, преломляясь через индивидуальное авторское восприятие, преобразуясь в соответствии с интенцией автора, то есть концептуализируясь. Для художественного текста важна образно-эмоциональная, субъективная сущность фактов, явлений. Художественная форма текста содержательна, индивидуальна и оригинальна, она выбрана и используется автором как форма имитации реальности для выражения иного содержания.

Так, в исследуемом тексте: романе английского писателя C.P. Snow “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] с фотографической точностью воспроизведена обстановка колледжа университета Кембриджа. В какой-то момент читатель начинает верить в реальность изображенного мира, появляется ощущение, что это публицистика, представляющая реальные факты и события в действительном, а не в вымышленном мире, но на вымышленный характер внутритекстовой реальности указывает сам автор в Предисловии, говоря о собирательном образе университетской жизни Кембриджа и Оксфорда или другого университета страны, представленного в романе. Точность и детальность описания процедуры избрания ректора, организации учебного процесса, бытовых условий и работы преподавателей наполнены содержанием, нацеленным на реализацию эмотивно-концептуальной функции романа.

Текст редко бывает цельным с точки зрения лингвистических особенностей, которые он содержит. Отражая различные аспекты реального мира, текст как бы отчасти «уподобляется» им, используя элементы тех функциональных стилей, которым он подражает.

Место художественного стиля в общем стилевом ряду в плане стилистического единства текста представлено на рисунке 1 (см. Рис.1).

Рисунок 1 – Стилистическое единство текста

Иллюстрацией переключения стилистического регистра могут служить примеры из исследуемого романа “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс].

Разговорный стиль персонажей романа Элин и Льюиса Элиота: “She asked:

– What is he going to do? I shook my head:

– He’s told me nothing.

– I haven’t been able to see him.

She was crying out for sympathy, and yet she would reject it.

– I said, as astringently as I could make myself – Yes, it’s bad. It’s part of the situation.

– I mustn’t see him till he’s decided, one way or the other. You understand, don’t you?

– I think so.

– I mustn’t influence him. I mustn’t even try.

– Then she gave a crisp, ironic, almost cheerful laugh, and added: – Do you believe I could?” [Snow, 1964, Электронный ресурс].

Дискуссия политиков – Дугласа Осбалдистона и министра лорда Гилби на тему «расширения атомного проекта Великобритании»:

“Minister, said Osbaldiston, I really think it’s time we got a *Cabinet decision* on the “A” –. He gave the codename of the missile.

On the “A” –? Gilbey repeated thoughtfully, in the manner of one hearing a new, original and probably unsound idea.

We’ve got as much agreement as we shall ever get.

We oughtn’t to rush things, you know, Gilbey said reprovingly. Do you think we ought to rush things?

We got to a conclusion on paper eighteen months ago.

Paper, my dear chap? I’m a great believer in taking people with you, on this kind of thing.

Minister, said Osbaldiston, that is precisely what we’ve been trying to do. Do you think we ought to weary in well-doing? Do you really, *Sir Douglas*?

The “Sir Douglas” was a sign of gentle reproof” [Snow, 1964, Электронный ресурс].

Компоненты художественного текста (произведения) следующие:

- авторский замысел, определяющий тематику и проблематику;
- композиция, включающая сюжет, конфликт, систему образов; структуру;
- жанр, диктующий выбор языка художественного текста, использование образных средств.

Авторский замысел – начало творческого процесса, возникающее в воображении автора представление о содержании и форме будущего произведения. Автор реализует свой замысел, создавая художественные образы, материализуя свои мысли и придавая им конкретную форму в виде текста. В замысле проявляются мировоззрение автора, соответствие его философско-эстетических взглядов общественным настроениям и запросам. В процессе создания произведения замысел может быть изменен. Проблематика связана с авторским замыслом, реализуется в изображении характеров, художественном конфликте.

Композиция – построение художественного произведения – обусловлена его содержанием и во многом определяет его восприятие. Композиция считается важным организующим элементом художественной формы, придающим произведению единство и цельность, соподчиняющим его компоненты друг другу и целому. Формальная композиция – взаимосвязь расположения фрагментов текста (единиц композиции); мотивированное расположение единиц композиции, сохраняющих один способ изображения: диалог, характеристика персонажа и другие моменты. Композиция как речевая организация – система взаимосвязанных и художественно упорядоченных точек зрения (отношения субъекта сознания к его объекту). Взаиморасположение и взаимодействие единиц композиции образуют композиционное единство с системой образов, структурой произведения (его построением, архитектурой). Художественный образ как результат осмысления автором каких-либо явлений, процессов, отражает и обобщает действительность, раскрывает в единичном типичное. В художественных образах автор выражает свое представление о жизни, понимание ее закономерностей и тенденций.

Для языка художественного текста характерно использование большого количества стилистических фигур и тропов (оборотов речи, в которых слово или словосочетание употреблено в переносном смысле), например: тропы: эпитет (образное определение); метафора (употребление слова в переносном значении для определения предмета или явления, схожего с ним отдельными чертами; сравнение (сопоставление двух явлений, предметов; гипербола / литота (преувеличение / преуменьшение); перифраза (замена однословного названия описательным выражением; аллегория (иносказание, намек); олицетворение / овеществление (перенесение свойств человека на неодушевленные предметы / перенесение свойств неодушевленных предметов и фаунонимов на человека); стилистические фигуры: анафора / эпифора (повторение отдельных слов или оборотов в начале / конце предложения); параллелизм (одинаковое построение предложений); антитеза (оборот, в

котором резко противопоставлены понятия); оксюморон (сопоставление взаимоисключающих понятий); асиндетон / полисиндетон (бессоюзие / многосоюзие); риторический вопрос (не требующий ответа); обращение; фигура умолчания (многоточие).

Насыщенность художественного текста тропами и стилистическими фигурами определяется его типологической принадлежностью: в поэтическом тексте насыщенность выразительными средствами выше, чем в прозаическом тексте. Художественная проза в этом отношении не однородна и представлена двумя типами: классической и орнаментальной прозой. Классическая проза основана на принципе семантико-логических связей, на соблюдении последовательности в изложении мысли. Орнаментальная проза основана на ассоциативно-метафорическом типе связи, она характеризуется системой насыщенной образности, метафорическими «украшениями». Такая проза часто использует изобразительные ресурсы поэтических текстов. Авторы орнаментальной прозы выступают своего рода экспериментаторами литературной формы, обращаясь к активному словотворчеству или к архаике синтаксиса и лексики, используя гротеск и имитацию художественной формы. В любом случае это гипертрофированное понимание формы, когда слово становится предметом лингвистического эксперимента. Повышенная образность орнаментальной прозы как своего рода украшательство создает впечатление суперобразной речи, в высшей степени живописной, изобразительной в прямом смысле слова. Однако с когнитивных позиций орнаментальная проза может быть истолкована как способ выражения сущности художественного мышления, эстетического моделирования действительности.

Итак, художественный текст определяется как особая знаковая система, отличающаяся выраженностью, ограниченностью и структурностью компонентов. Он имеет автора (адресанта), адресован читателю (адресату), характеризуется вымышленной внутритекстовой действительностью (конструируемым текстовым миром). В процессе взаимодействия адресанта с

картиной мира адресата выявляются основные черты дискурса. Картина мира, передаваемая текстом, создается не только автором, но и его адресатом, его интеллектом, культурой, образованием, эмпатией, мировоззрением. Этот факт играет важную роль в переводе. В переводном художественном тексте удваивается элемент «адресант-адресат», так как переводчик выступает адресатом исходного текста и адресантом по отношению к читателю переводного текста. Кроме того, учитывается также различие между понятиями адресат и реципиент, тем, кому адресовано художественное произведение и тем, кто его фактически получил.

1.1.2. Соотношение информативного / эстетического компонентов художественного текста: переводческий аспект

Художественный текст, обладая функцией эстетического воздействия, выделяется на фоне остальных типов речевой коммуникации, где информативное содержание выступает начальным, независимым фактором.

«Художественный текст как результат речемыслительной деятельности также несет в себе информацию, но его информативность имеет свои особенности» [Огнева, 2019, с. 19–27]. Особенности информативности художественного текста определяются его основными конституирующими характеристиками – воображаемой внутритекстовой действительностью и совпадением коммуникативной и эстетической функций. От других типов текста художественный текст отличается тем, что он выполняет эстетическую функцию, определяющую художественность произведения, которая индивидуальна и реализуется в пределах одного текста.

Информативность художественного текста выявляется посредством прагма-функционального анализа информативных составляющих: «содержательно- концептуальной информации, содержательно-фактуальной информации и содержательно-подтекстовой информации» [Гальперин, 2007].

«Для извлечения информации важен также контекст, затекст» [Цепелева, 2020]. В теории коммуникации термин «информация» используется для обозначения новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях, то есть не всякое сообщение несет новую информацию. Ряд вопросов, касающихся информативности, выходят за пределы лингвистического анализа. Один из них вопрос новизны информации, которая с течением времени устаревает, а рассматриваемая в синхронном плане степень новизны информации будет различаться для людей с разным уровнем осведомленности. Другой вопрос – ценность информации, которая убывает в процессе многократного повторения. Поэтому так ценны шедевры мировой литературы, художественные произведения, которые для каждого поколения содержат информацию, несут новые сведения.

В коммуникативно-прагматическом плане информация художественного текста разделяется на:

- содержательно-фактуальную;
- содержательно-концептуальную;
- содержательно-подтекстовую.

Первый вид, содержательно-фактуальная информация, содержит сообщения о фактах, событиях, процессах, происходящих (происходивших, которые произойдут) в окружающем нас мире, каким его представляет в своем воображении автор художественного произведения. Такая информация может содержать сведения о событиях, конфликтах, происшествиях, отношениях на разных уровнях, одним словом, о жизни во всех ее проявлениях, представленной в высшей степени достоверно. Содержательно-фактуальная информация эксплицитна, то есть выражена вербально. Лексические единицы этого вида информации обычно употребляются в прямом, предметно-логическом значении.

Содержательно-концептуальная информация служит источником для интерпретации авторского замысла, индивидуально-авторского понимания отношений между явлениями, событиями внутритекстовой действительности,

их причинно-следственной связи, значимости и взаимодействия, включая отношения между отдельными действующими лицами. Содержательно-концептуальная информация представляет собой творческое переосмысление автором событий, происходящих в реальности, и их перенос в вымышленный мир художественного произведения. Внутритекстовый мир подражает реальному миру, приближенно отражая объективную действительность в ее реальном воплощении. Содержательно-концептуальная информация не всегда однозначна и ясно выражена. Она дает возможность разных толкований. Так, в романе “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс] авторская мысль о власти, определяющая замысел романа, звучит в монологе старейшего члена английского Парламента: *“Old Thomas Bevill used to lecture me, in his Polonius-like fashion, on the forces driving the great politician she had known. He rolled out his Victorian phrases: one force, Bevill used to say, was a consciousness of powers. Another, and a rarer one, was a consciousness of purpose. For men seeking excuses for themselves, that was the best of all”* [Snow, 1964, Электронный ресурс].

«Старик Томас Бэвил – этот новоявленный Полоний – когда-то, просвещая меня, объяснял, какие качества приводили к власти великих политических деятелей его времени. Первое качество, говорил Бэвил, неторопливо роняя фразы, – это умение правильно оценить расстановку сил. Второе – куда более редкое – умение ясно видеть свою цель. Для людей, ищущих оправдания своим поступкам, это ценнее всего» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Различие между содержательно-концептуальной и содержательно-фактуальной информацией можно представить как различие между информацией бытийного характера и эстетико-художественной информацией. Индивидуальное понимание взаимосвязи явлений и фактов, их интерпретация не всегда удаются при первом чтении текста. Информация наполняется более глубоким содержанием при повторном чтении текста с акцентом на отдельные фрагменты (единицы композиции). Понятие «концептуальность» указывает на выявление информации в объеме целого текста. Содержательно-

концептуальная информация выявляется в монологе, диалоге, хотя и неполно, нередко в эпилоге. Таким образом, содержательно-концептуальная информация не сводится к идее художественного текста, она соотносится с идеей произведения и представляет собой сочетание авторского замысла и интерпретации содержания текста.

В настоящее время в рамках лингвокогнитивного направления существует современное видение процессов замысла и реализации художественного текста как конструкта, исключительно индивидуального построения преломленной в сознании автора реальности, населенной действующими лицами-типажами, которые совершают поступки, раскрывающие авторский замысел. Реальность, конструируемая в художественном тексте, представляет внутритекстовое пространство, она фиктивна, но основана на реальном лингвокультурном пространстве, охватывающем носителей данного языка и культуры. Работая в формате широкого реалистического направления, автор использует потенциал памяти для воссоздания окружающей действительности. В исследуемых романах описываемая действительность представлена профессиональной сферой с конкретной точностью. В романе “The Masters” («Наставники») воспроизводится в деталях проведение ученого совета университета, место каждого профессора в зависимости от возраста (по старшинству) и занимаемой должности, процедура голосования и прочее. В романе “Corridors of Power” («Коридоры власти») предельно конкретно описана кризисная ситуация, обсуждаемая во властных структурах Великобритании при решении вопроса атомного вооружения страны.

Содержательно-подтекстовая информация представляет собой скрытую информацию, она имплицитна, выявляется из фактологической составляющей посредством ассоциативных связей и коннотативных значений лексических единиц и способности предложений в рамках сверхфразового единства приращивать смыслы. В основе содержательно-подтекстовой информации заложена способность человеческого мышления к параллельному восприятию

действительности в нескольких плоскостях, применительно к внутритекстовой действительности – способность к восприятию двух не связанных между собой сообщений. В этом состоит сущность эстетического восприятия художественного текста. По мнению Л.С. Выготского, одновременная реализация двух смыслов, объединенных в одном действии, отчетливо можно наблюдать в басне [Приводится по: Гальперин, 2007].

Характеризуя форму изложения художественного текста, отметим, что она несет дополнительную информацию, имеет значение и выражается как в художественном, так и в эстетическом познании действительности. При этом, эстетическая ценность текста и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя в идеале полностью отражаются в содержании.

«Производственный / профессиональный / отраслевой роман» как литературный поджанр

В диссертационном исследовании вопрос о содержательно-фактуальной информации художественного текста рассматривается на материале романов С.Р. Snow “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] и “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс] и их переводов на русский язык Ч.П. Сноу «Наставники» [Сноу, 1988, Электронный ресурс] и «Коридоры власти» [Сноу, 1988, Электронный ресурс]. В настоящее время в художественной литературе получил распространение как тематическая разновидность жанра так называемый «производственный или профессиональный роман». Его особенность состоит в том, что содержательно-фактуальная информация текста включает в себе сведения о производственном процессе, а в роли персонажей выступают участники производства или непроизводственной сферы деятельности человека: в сфере высшего образования, как в романе “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] или во властных структурах, как в романе “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. В романе “The Masters” («Наставники») [Snow, 1959, Электронный ресурс] автор в реалистической манере описывает университетскую жизнь вымышленного университета, собирательного образа,

который в романе выступает как *Кембридж*, престижный университет Англии, основанный в Средневековье как монастырский колледж, он и до наших дней располагается в зданиях 500-летней постройки, сохранил Устав и религиозно-исторические традиции. Фактуальная составляющая (социокультурный компонент) текста содержит информацию о событиях во время подготовки и проведения процедуры избрания нового главы колледжа. Описываемая в романе ситуация представлена как реальная жизнь коллектива преподавателей, имеющих разный квалификационный статус, различные политические взгляды и различающихся между собой личными качествами, но объединенных общими заботами финансирования образования, поиска спонсоров научных исследований, наконец, повышения своего заработка. Содержательно-концептуальная информация – мысль о власти, борьбе внутри совета наставников за пост ректора, в которой побеждают личные моральные и нравственные качества – звучит в событиях всего романа, но особенно ярко в эпилоге. Ее выявление невозможно без анализа содержательно-фактуальной информации, представленной в тексте как жизнь, учебный процесс и работа ученого совета Кембриджа. В то же время, несмотря на наличие вузовской терминологии роман “The Masters” – это не справочник университетской жизни, а высоко художественное произведение, по поводу конкретных деталей автор замечает в Предисловии, что университет, описываемый в романе, это своего рода

«условный Кембридж», образ, сочетающий черты нескольких старинных английских университетов. Специальная лексика и термины сферы высшего образования используются в тексте в преломлении авторского видения мира и соответственно основной – концептуальной – задаче, они несут авторский отпечаток и не всегда эквивалентны действительной терминологии.

В романе “Corridors of Power” («Коридоры власти») [Snow, 1964, Электронный ресурс] содержательно-фактуальная информация (его социокультурный компонент) представляет исторический момент в политической жизни Великобритании конца 50-х гг. прошлого века, когда

решался вопрос об атомном вооружении страны и развитии системы доставки атомного оружия (ракетостроения). Несмотря на присутствие специальной терминологии политической, военной и атомной тематики текст не утрачивает своих художественных достоинств. Содержательно-концептуальная информация текста – мысль о власти, о недопустимости использования ситуации в целях карьерного роста и достижения вершины власти, об ответственности госчиновников за принимаемые решения, выявляется также с помощью содержательно-фактуальной информации.

Произведения профессиональной тематики существуют в отечественном искусстве, в частности, в драматургии и кино эпохи социалистического реализма, например, кинофильм «Доживем до понедельника», пьесы

«Иркутская история», «Сталевары», в которых действие основано на профессиональной тематике, а персонажи решают по ходу действия не только производственные, но и эстетические проблемы, вызывая у зрителя эффект присутствия.

Современный читатель образован, его жизнедеятельность обусловлена высокими технологиями, экологическими вызовами и многими социальными проблемами. В художественной литературе, отражающей современное мировоззрение и эстетику, происходит смена тематики. Так называемый «производственный роман, реально отражающий жизнь современного общества, оказавшегося под давлением технического прогресса, претендует на статус литературного жанра и не останавливается в своем развитии» [Епифанцева, 2019].

Художественный текст профессиональной тематики и его перевод отличаются сложным составом лексики. Кроме основного состава общелитературной нейтральной лексики и литературно-разговорной лексики для передачи диалогической речи он включает специальную (отраслевую) литературно-книжную лексику, которая используется в специальном переводе. Так, исследуемый роман “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] содержит специальную лексику сферы высшего образования Англии: college,

master of the college, Rector, Dean, bursar, underporter, Lodge, square... Перечисление составных частей используемого в «профессиональном» романе языка говорит о его контаминированном характере и наличии пласта отраслевой (специальной) лексики. Специальная лексика придает художественному произведению больше убедительности, достоверности, приближая вымышленные события романа к реальности публицистического текста. Стремление автора романа к реальному воспроизведению жизненной ситуации можно объяснить определением художественной литературы и ее предназначением, состоящем в эмотивно-эстетическом воздействии на читателя, воспринимающего отраженную действительность за реальность. В то же время наличие специальной (отраслевой) терминологии служит поводом для выделения такого рода литературы в отдельный поджанр «отраслевого / профессионального романа».

Отраслевую лексику, отражающую производственный процесс или непроизводственную деятельность (в романе “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] – учебная и научная работа преподавателей университетского колледжа), можно считать основной составляющей социокультурного компонента. Так, читатель романа в русском переводе знакомится с традиционными предписаниями Устава колледжа – с проведением выборов нового главы колледжа в университетской церкви в присутствии епископа, при этом, дается описание обязательного для профессоров облачения: мантия и квадратная шапочка с кисточкой; с заседанием Совета колледжа, своего рода круглого стола с фиксированным для каждого члена Совета местом, в зависимости от старшинства и занимаемой должности; с перипетиями, связанными с денежным обеспечением колледжа, когда нравственные начала вступают в конфликт с соображениями финансового порядка. Если речь идет о научной работе, направлениях научных школ, то автор приводит названия реально существующих университетов и лабораторий, с которыми сотрудничают преподаватели колледжа. Интересно для нашего читателя описание организации учебного процесса и детали быта

преподавателей. Профессора занимают квартиры на территории колледжа, тогда как глава колледжа располагает Резиденцией, роскошь которой вызывает всеобщее восхищение, но содержать которую он должен за свой счет. В то же время, глава колледжа должен отказаться от других видов заработка, что значительно сокращает его доход. В колледже открыта столовая для преподавателей, где они обедают по предварительному заказу, причем, заказать можно алкоголь (что, судя по содержанию романа, не исключение, а повседневная практика). В результате насыщенности текста профессиональной лексикой (в нашем случае, лексикой сферы высшего образования), происходит контаминация видов словесности и «изменение пропорций между такими различительными признаками специального / художественного перевода, как фактуальность / фабульность» [Михайлов, 2006, с. 47]. Реальное представление производственного или непроизводственного процесса, использование специальной лексики, производственные или учебные и научно-исследовательские проблемы, которые занимают персонажей – все это создает впечатление достоверности, фактуальности. Но это беллетристика, творческий вымысел автора с целью повлиять определенными средствами на читателя посредством эстетического восприятия художественного текста. Поэтому отраслевой компонент в художественном тексте – это не признак, а призрак фактуальности, своего рода имитация реальности в художественном пространстве. Даже признавая смещение акцента на фактуальность в профессиональном романе, следует сказать, что главное в художественном тексте – не фабульность («подражание» действительности), а метафоричность языка (скрытый смысл), который и выступает посланием автора читателю.

Итак, из теоретического анализа семантической структуры художественного текста можно сделать вывод о наличии трех видов заключенной в нем информации:

- содержательно-фактуальной (социокультурного компонента, фрагмента национальной языковой картины мира, которая в исследуемых романах тематически акцентирована);

- содержательно-концептуальной (замысел, философско-эстетические взгляды автора, которая выявляется при поддержке содержательно-фактуальной информации);
- содержательно-подтекстовой информации, свойственной только художественному тексту.

1.1.3. Социокультурный компонент как фактуальная составляющая художественного текста: модель перевода

Алгоритм процесса перехода с одного языка на другой, кроме собственно перевода, включает этап предпереводческой подготовки и этап оформления перевода. «Первый этап включает: прочтение оригинала, его жанровую характеристику, анализ тематики текста, сбор сведений лингвокультурного (страноведческого) характера» [Нелюбин, 2012]. Письменная форма работы предоставляет переводчику на этом этапе больше времени и более широкие возможности. Этап оформления перевода состоит из редактирования перевода, его подготовки к печати. При использовании компьютерных технологий первый этап не исключается, а этапу редактирования уделяется больше внимания, так как перевод экспрессивных языковых средств, переносного значения фразеологических единиц, подтекста, скрытого смысла выполняется с применением ИТ не на должном уровне и требует вмешательства человека-переводчика.

Прочтение текста как художественного заключается в способности читателя расшифровать метафорический смысл описываемых профессионально маркированных ситуаций, диалогов, высказываний автора, то есть обработать содержательно-концептуальную информацию текста. В настоящее время расшифровка метафорического смысла художественного текста стоит как задача машинного перевода. Считается, что содержательно-фактуальная информация (фактуальность текста), канва сюжета художественного

произведения уже могут быть успешно переведены компьютерной программой. Проблемой остается перевод содержательно-концептуальной информации – скрытого смысла произведения художественной литературы. На примере текста, не столь насыщенного специальной лексикой, попытаемся доказать значимость и роль переводчика в процессе не только художественного осмысления содержания текста, но и перевода фактуальной составляющей художественного текста – его социокультурного компонента. Текст романа C.P. Snow “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс].

“The quarters chimed, first from a distance away, then from Great St Mary’s, then from the college clock, then from a college close by. The last whirr and clang were not long over when, soft footedly, Bidwell came in. The blind flew up, the room was all a glare; Bidwell studied his own watch, peered at the college clock, uttered his sacramental phrase: That’s nine o’clock, sir. I muttered. From beneath the bed clothes I could see his rubicund cunning peasant face, open and yet sly. He said: It’s a sharp old morning, sir. Do you lie warm enough in bed? – Yes, I said. It was true. That bedroom, niche like and narrow as a monastic cell, had not been dried or heated in 500 years. When I returned to it from some of our food and wine, it seemed a curious example of the mixture of luxury and bizarre discomfort in which the college lived. Yet, in time, one missed the contrast between the warmth in bed and the frigid air one breathed, and it was not so easy to sleep elsewhere. I put off ringing up the Lodge until the middle of the morning, but at last I did so. I asked for Lady Muriel (the Master came from a Scottish professional family; in middle age he married the daughter of an earl), and soon heard her voice. It was firm and loud. We shall be glad to see you, Mr. Eliot. And I know my husband will be. I walked across the court to the Lodge, and in the drawing room found Joan, the Royces’ daughter. She interrupted me, as I tried to sympathize” [Snow, 1959, Электронный ресурс] (см. Табл.2).

Таблица 2 – Сравнительная таблица переводов фрагмента романа С.Р. Snow “The Masters”

<i>Фрагмент романа С.Р. Snow “The Masters” в переводе А. Кустяковского</i>	<i>Машинный перевод того же фрагмента романа “The Masters”</i>
«Часы за окном начали отбивать четверти – сначала где-то вдалеке, потом на церкви Пресвятой девы Марии, потом у нас и, с небольшим запозданием, в соседнем колледже. Через несколько минут бой часов затих, комнату опять затопила тишина, но вскоре дверь отворилась и вошел, мягко ступая, Бидвелл. Подняв жалюзи, он глянул на часы Резиденции, сверился со своими и произнес ритуальную утреннюю фразу: – Уже девять, сэр. – Благодарю, – пробормотал я. Его по-крестьянски румяное лицо было хитровато простодушным. – Студеное утречко, сэр, – сказал Бидвелл. – Вам-то тепло спалось? – Вполне, – ответил я, ничуть не покрывив душой. Моя узкая, словно келья монаха, спальня не прогревалась по-настоящему уже лет пятьсот. [Сноу, 1988, Электронный ресурс]. Я не уставал изумляться, насколько точно отражает она в миниатюре бытовую жизнь всего нашего колледжа с ее причудливой» «смесью средневековой роскоши и полнейшей неустроенности. Однако со временем человек привыкает ко всему, так что морозный воздух, которым я дышал по ночам, лежа в теплой постели, превосходно убаюкивал меня, и в других условиях мне теперь просто трудно было уснуть. Я все утро откладывал звонок в Резиденцию, но часов около одиннадцати, наконец, позвонил и попросил позвать к телефону леди Мюриэл – ректор, шотландец из богатой	«Четвертаки зазвонили, сначала издалека, потом из Грейт-Сент-Мэри, потом из часов колледжа, потом из колледжа поблизости. Последнее жужжание и лязг не заставили себя долго ждать, когда, мягко ступая, вошел Бидвелл. Штора поднялась, комната была вся в ярком свете; Бидвелл посмотрел на свои часы, посмотрел на часы колледжа, произнес свою сакраментальную фразу: Девять часов, сэр, – пробормотал я. Из-под одеяла я видел его румяное хитрое крестьянское лицо, открытое и в то же время лукавое. Он сказал: – Это старое доброе утро, сэр. Ты достаточно тепло лежишь в постели? «Да,» сказал я. Это было правдой. Эта спальня, похожая на нишу и узкая, как монашеская келья, не сушилась и не отапливалась уже 500 лет. Когда я вернулся в него после нашей еды и вина, он показался мне любопытным примером смеси роскоши и странного дискомфорта, в котором жил колледж. И все же со временем начинаешь скучать по контрасту между теплом в постели и холодным воздухом, которым дышишь, и спать в другом месте было не так-то просто. Я отложил звонок в Сторожку до середины утра, но в конце концов сделал это. Я спросил леди Мюриэл (хозяин происходил из шотландской профессиональной семьи; в зрелом возрасте он женился на дочери графа) и вскоре услышал ее голос. Он был

интеллигентской семьи, женился лет в сорок на дочери графа. Ее голос прозвучал по-обычному громко и уверенно: – Приходите, мы будем рады, мистер Элиот. Муж тоже наверняка обрадуется вашему приходу. Я спустился по лестнице и пересек дворик. В гостиной Резиденции меня встретила дочь Ройса – Джоан» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].	твердым и громким. – Мы будем рады видеть вас, мистер Элиот. И я знаю, что мой муж будет. Я прошел через двор в Сторожку и в гостиной нашел Джоан, дочь Ройсов. Она прервала меня, когда я попытался посочувствовать». [Google Переводчик, Электронный ресурс].
---	--

Оставляя за рамками переводческого комментария стилистические погрешности, грамматические ошибки, перевод имен собственных, семантические нестыковки, укажем на явные фактологические несоответствия внутритекстовой реальности в машинном переводе:

the quarters chimed, the Lodge, the Master, the niche:

- the Lodge – *квартира ректора, резиденция* переведена как *сторожка*;
- the Master – *ректор колледжа* переведен как *хозяин*;
- the quarters chimed – *бой часов каждые четверть часа* переведен как *четвертаки*;
- the niche – *спальня* сравнивается с *нишей* (вместо сравнения с *кельей*).

Вряд ли найдется специалист, который бы согласился на постпереводческое редактирование такого текста. Если в переводе исходного, английского текста переводчик может использовать словари, справочную литературу или потенциал своей эрудиции, то редактируя русский текст, он вынужден доверять переводу. Действительно, перевод *хозяин дома, сторожка, спальня в стене, похожая на нишу* – такая лексика в русском языке возможна, но в другом контексте. Ясно, что машинному переводу не хватает фактуальной информации

– сведений лингвокультурного характера и социокультурной адаптации. Но эти моменты предваряют процесс перевода, а не завершают его. До настоящего времени в переводе художественной литературы предпочтение

отдается переводу, осуществляемому человеком, специалистом-филологом.

Обособленность языковых картин мира, как индивидуальных, так и коллективных, прослеживается в сравнении параллельных разноязычных текстов, в том числе и литературно-художественных, содержащих социокультурный компонент, репрезентирующий профессиональную сферу реальной действительности. Одной из особенностей языковой картины мира состоит в том, что реальная действительность отражается в разных культурных сегментах – в искусстве, религии, разных видах словесности, в том числе в художественной литературе. Это отражение индивидуально и приближенно, иногда со значительными отклонениями от реальности. Что касается искусства, то главным в моделях действительности, представленных в художественном произведении, оказываются не объективность, а образность и типичность персонажей, объединенных эстетико-философским замыслом автора. Образность отображения реального мира рассчитана на чувства человека, воспринимающего как реальный мир, так и воображаемую модель. Этот процесс характеризуется двойным неточным отражением мира: сначала создается неточная модель реальной действительности автором художественного произведения, затем созданная модель субъективно интерпретируется ее получателем, так как интерпретация художественного произведения не обязательно и не всегда совпадает с замыслом автора. В переводе процесс отражения реального мира еще более сложен, так как переводчик при передаче текста с одного языка на другой (в процессе двустороннего перевода) выступает одновременно как получатель (текста оригинала) и как автор переводимого им текста.

Прагмакоммуникативная модель перевод

Двойственная позиция переводчика (получатель / отправитель текста) может быть рассмотрена в коммуникативной модели перевода, одним из компонентов которой считается предметная ситуация первичной и вторичной коммуникации [Швейцер, 1988, с. 54]. Речь идет об одной и той же внеязыковой ситуации, представленной в текстах на разных языках.

Задействованная в разных коммуникативных актах и представленная в текстах, функционирующих в разной языковой и культурной среде, одна и та же ситуация может быть представлена с определенными различиями. Ситуативные признаки, характерные для одной коммуникативной ситуации, могут оказаться нерелевантными в другой. Анализ предметной ситуации с выявлением языковых и культурных особенностей представляет собой часть первого этапа перевода – интерпретации текста, когда переводчик выступает его получателем. На этом этапе далеко не вся информация, необходимая для передачи текста на другой язык, представлена эксплицитно. Важное значение приобретают на этом этапе эрудиция переводчика и, в частности, знания в области предметной ситуации текста. Когда представленный в тексте языковой материал недостаточен для однозначной интерпретации, для адекватного понимания текста требуется переводческий опыт и так называемые «фоновые знания». В исследуемых романах фоновые знания тематически ориентированы и ограничены профессиональной сферой. Так, в романе “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] только для перевода названия романа требуются знания из области истории Англии эпохи Крестовых походов, создания монашеских братств, открытия колледжей при монастырях. До настоящего времени семантика слов *Lodge*, *Master* скрывает духовный подтекст. Вместе с тем, традиции духовного воспитания закреплены Уставом и соблюдаются в университетской практике. В одних случаях неудачная интерпретация может стать результатом многозначности слова. Например, словарные значения *master*, подходящие для анализируемой ситуации: *formmaster* – классный наставник и *master* – глава колледжа. Переводчик находится перед выбором – в первом значении слова речь идет о школьном, а не университетском образовании; по поводу второго значения в словаре есть точное указание на то, что глава Кембриджского колледжа представлен в английском языке словом *Master*. Ситуация осложняется тем, что речь в романе идет о выборах ректора как главы колледжа, тогда как в словаре указывается, что ректор – это глава университета Кембриджа, а не колледжа.

На первом этапе роль переводчика как специалиста в области двух культур, владеющего двумя языками, «отличается от роли обычного получателя текста: он не просто осмысливает текст с позиций одного и того же языка и одной и той же культуры, его роль определяется его двуязычным и двухкультурным статусом. Воспринимая текст, переводчик интерпретирует его содержание и коммуникативную интенцию с позиций носителя другой культуры. Уже на этом этапе переводчик замечает особенности воспринимаемого текста в лингвокультурологическом плане, расхождения национальных языковых картин мира (в исследуемых текстах, с акцентом на профессиональную сферу). В тексте переводчик выделяет отрезки, сложные для переложения на другом языке и в другую культуру, в частности, элементы лежащей за текстом предметной ситуации, неизвестные, на его взгляд, получателю переводного текста. По мнению исследователей теории и практики перевода, этап восприятия исходного текста – это одновременно и этап «предперевода» цит. по Швейцер А.Д. Теория перевода (статусы, проблемы, аспекты). М.: Изд-во «Наука», 1988. 216 с.

Процесс перевода проходит еще один этап – этап вторичной коммуникативной ситуации, когда переводчик выступает как создатель вторичного текста. Этот этап, считающийся собственно переводом, зависит от многих детерминирующих выбор варианта перевода величин, одна из которых – преодоление противоречия, вызванного установкой первичного и вторичного текстов на разных получателей. Переводчик учитывает предполагаемые фоновые знания получателя текста, его культурную среду, социально- психологические характеристики. Эти факторы определяют временную и культурную дистанцию, разделяющую первичную и вторичную коммуникативные ситуации. Так, в исследуемом тексте романа “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] переводчик остановил свой выбор на первом значении (The master – наставник), хотя речь идет о выборах нового главы колледжа Кембриджского университета (в романе его должность – ректор, что не соответствует действительности).

Различия между национальными языковыми картинами мира представляют собой определенное препятствие при переводе художественной литературы. Интерференция родной культуры считается одной из причин, значительно осложняющих межкультурную коммуникацию. В исследуемом романе английская лексика: *master*, *bursar*, *square*, *rector*, *rectory*, *combination room* вызывает у русскоязычного читателя определенные ассоциации. *Master* – перевод в словаре: мастер, мэтр, класный руководитель, глава колледжа – в переводе романа: наставник; *bursar* – перевод в словаре: что-то, имеющее отношение к бурсе – в переводе романа: казначей; *square* – перевод в словаре: квадрат, сквер – в переводе романа: профессорская шапочка; *rectory* – перевод в словаре: что-то или кто-то, имеющий отношение к ректору, дом приходского священника, дом ректора, в переводе романа: резиденция главы колледжа; *combination room* – перевод в словаре: комбинированное помещение – в переводе романа: преподавательская. Лингвокультурологический подход к переводу подобной лексики, предполагающий адаптацию текста, представляется целесообразным.

В процессе перевода художественного произведения переводчик стремится «перенести» читателя в другую культуру, то есть создать равное по художественной ценности и по воздействию на реципиента произведение. Социокультурная адаптация текста перевода входит в состав используемых переводческих средств и приемов для того, чтобы добиться этой цели. Это одно из затруднений, преодолеваемых на пути создания адекватного перевода.

«Адаптация текста» как термин предполагает обязательное приспособление текста оригинала, отражающего объективную действительность, к социально-культурным условиям общественной действительности народа-носителя языка переводчика. Такая адаптация получила название социокультурной, и она определяет стратегию трансформации текста, направленную на достижение комплексной эквивалентности текста оригинала и текста перевода.

Особую роль приобретает социокультурная адаптация при переводе

художественных текстов, имеющих профессиональную направленность, так как включают в себя разные тематические типы социокультурного компонента, о которых читатель может не знать. К таким текстам относятся выбранные для исследования английские романы “The Masters”, “Corridors of Power” и их русские переводы «Наставники», «Коридоры власти».

Социокультурный компонент, обозначенный в английском романе, был адаптирован переводчиком, чтобы переводной текст стал более доступен для понимания читателя русской культуры. Социокультурная адаптация – не просто перенос читателя в незнакомый ему мир, прием адаптации предполагает сохранение художественных достоинств текста оригинала произведения.

К переводу социокультурного компонента художественного текста прямое отношение имеют такие проблемы, как «язык и культура», «язык и социальная структура», «язык и социология личности».

В концепции перевода В.Н. Комиссарова термин «адаптация обозначает способ достижения равного коммуникативного эффекта в исходном тексте и тексте перевода» [Комиссаров, 1990, с. 125]. Согласно этому взгляду на перевод, важнейшей составляющей коммуникации, в том числе межъязыковой, признается осуществление прагматического воздействия информации на реципиента. В процессе перевода переводчик стремится «передать реципиенту текста перевода прагматический потенциал исходного текста, то есть воссоздать производимый коммуникативный эффект текста средствами языка перевода» [Комиссаров, 1990, с. 209].

Эксплицирование подразумеваемой информации. На пути создания переводчиком коммуникативно равного оригиналу произведения решаются многие проблемы, одной из которых считается отсутствие у реципиента необходимых знаний социокультурного характера. Для решения этой проблемы переводчик прибегает к эксплицированию подразумеваемой в тексте оригинала информации. Для этого текст перевода дополняется соответствующими разъяснениями. По нашему мнению, этот процесс можно включить в состав приемов социокультурной адаптации текста. Социокультурный комментарий

как способ экспликации также важен в процессе перевода. С.Г. Тер-Минасова считает, что «социокультурный комментарий выступает как способ экспликации отсутствующих у реципиента знаний» [Тер-Минасова, 2000, с. 99]. По мнению автора, социокультурное комментирование используется как один из способов разрешения конфликта культур, что немаловажно на фоне современной политической обстановки в мире. Данный способ наряду с языковыми проблемами разъясняет внеязыковые факты, то есть культурные реалии и социально маркированную лексику. Необходимость в эксплицировании (комментировании) информации появляется в связи с разными факторами. В нашем случае – это наличие в исходном тексте социокультурного компонента с ярко выраженной тематической направленностью, предполагающей реалии, имена собственные, географические названия. Для передачи этих явлений в переводе используются переводческие трансформации, такие как добавление, опущение, замена, генерализация и конкретизация.

Существует два подхода к социокультурному комментированию: энциклопедический и исследовательский (творческий). Энциклопедический социокультурный комментарий представляет собой данные энциклопедического характера, взятые из справочников, которые включают в себя сведения о реалии и никак не связываются с текстом. Исследовательский комментарий наряду с конкретными фактами, касающимися реалии, содержит в себе информацию, отражающую национальные, культурные или политические коннотации данной реалии, а также связывает эту информацию с самим текстом. Таким образом, «исследовательский комментарий может носить лингвострановедческий или контекстуально-ориентированный характер» [Тер-Минасова, 2000, с.107].

Соотношение языка и социальной структуры общества также считается переводческой проблемой. В ходе исследования было выявлено, что связь между структурой национального языка и социальной структурой общества неоднозначна. Классовая дифференциация общества является причиной

возникновения социальных диалектов. Однако формы социальной дифференциации не характеризуют представителей определенного класса однозначно и прямолинейно. В одной социальной среде может существовать и диалект, и полудиалект как разные уровни языка, и их использование представителем какого-либо класса может быть обусловлено его индивидуальностью и установкой или общественной ситуацией.

Социальный диалект характеризует речь людей, принадлежащих к какой-либо социальной или профессиональной группе. В отличие от территориального диалекта передача социального диалекта при переводе возможна, так как у многих народов есть похожие или одинаковые социальные группы и профессии. Поэтому переводчик для передачи социально маркированной лексики одного языка может использовать такую же лексику языка перевода, при этом не обязательно слова должны иметь одинаковое значение.

Исследуемые романы отличаются не только наличием профессиональной лексики в описании учебного процесса колледжа английского университета. Речь персонажей романа “Masters” соответствует их профессорскому статусу: “For these societies were always making elections from their own members, they filled all their jobs from among themselves, and in those elections one’s enemies took part – for example, Jago disliked Winslow far more intensely than I Nightingale, and at that moment he knew that, until the election was over, he was partially in Winslow’s power” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. В романе “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс] госчиновники обсуждают политические проблемы, используя профессиональную лексику, что также подчеркивает их социальный статус и круг решаемых проблем: “It’s got to come from my side. It’s the only chance. Look, we both agree that we haven’t much time. In our kind of society – and I mean America too – the only things that can possibly get done are going to be done by people like me. I don’t care what you call me. Liberal conservative. Bourgeois capitalist. We’re the only people who can get a political decision through. And the only decisions we can get through will come from

people like me.

Remember, said Roger, these are going to be real decisions. There won't be many of them, they're only too real. People like you, sitting outside, can influence them a bit, but you can't make them. Your scientists can't make them. Civil servants can't make them. So far, as that goes, as a Junior Minister, I can't make them. To make the real decisions, one's got to have the real power.

Are you going to get it? I asked. If I don't,' said Roger, "this discussion has been remarkably academic" [Snow, 1964, Электронный ресурс].

Передача контаминированных форм языка при переводе представляет определенные трудности. Использование таких форм может быть произвольным и намеренным. В первом случае переводчик догадывается, какая форма подразумевалась, и переводит уже с помощью правильных форм языка. А во втором случае контаминированные формы используются чаще всего для характеристики каких-либо персонажей и являются средством создания прагматического потенциала текста. Поэтому переводчик находит способ передачи таких форм языка максимально адекватно, для этого используя уже существующие, общепринятые формы неправильной речи или придумывая новые способы. Лингвокультурология по ряду изучаемых проблем близка социолингвистике, изучающей влияние общества на язык и языка на общество. В процессе этого изучения появляются вопросы, требующие объяснения, в частности, интересна проблема культурного компонента в речи людей и способов передачи этого компонента на другие языки. С рождения человек владеет национально обусловленной спецификой использования языковых средств. Другими словами, человек владеет знаниями о стандартных, общепринятых в данном обществе коннотациях слов, которые могут быть обусловлены национально и социально.

При переводе стандартных для носителя языка коннотаций слов на другой язык переводчику требуется создать коммуникативно равное оригиналу произведение. Для достижения этой цели переводчик использует, среди прочих приемов, социокультурный комментарий.

Итак, анализ текста перевода возможен в двух аспектах: либо с точки зрения лингвистики, либо с точки зрения литературоведения. Соответственно, возможны два противоположных по сути варианта оценки качества перевода: перевод может быть либо дословно точным, но художественно неполноценным, либо художественно полноценным, но сильно отличающимся от исходного текста. Современные требования к художественному переводу, прежде всего требование к адекватности перевода, учитывают оба аспекта, но соотношение между ними зависит от предмета перевода и переводчика как творческой личности.

1.2. Лингвокультурологический аспект перевода художественных текстов

В переводоведении существуют несколько подходов к переводу, определяющих сущность и понятие перевода в зависимости от признания и распространения той или иной теории. Так, при лингвистическом подходе исследование перевода направлено на языковые явления, и перевод определяется как процесс или результат преобразований языка. В настоящее время под влиянием культурологических теорий, в результате развития новых направлений современной лингвистики — коммуникативной лингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики, психолингвистики, лингвокогнитологии — широкое распространение получила лингвокультурологическая характеристика исходного текста, основанная на постулате взаимосвязи языка и национальной культуры. Лингвистика пронизана культурно-историческим содержанием, так как своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры. В конце XX в. исследователи пришли к выводу, что «открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект, — культуре» [Фрумкина, 1995, с. 104].

1.2.1. Лингвокультурология: сущность, основы и отношение к переводу

Лингвокультурология – наука на стыке лингвистики и культурологии – исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Вместе с тем, проблемы лингвокультурологии, особенно касающиеся перевода (как художественной, так и специальной литературы), включают в себя ряд неязыковых аспектов перевода, таких, как: социолингвистический, прагма-коммуникативный, лингвокогнитивный, представляющих современные направления развития лингвистики. «Не следует акцентировать внимание на «стыковом» характере лингвокультурологии как науки, так как это не простое «сложение» возможностей двух контактирующих наук, а именно разработка нового научного направления, способного преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить новое их видение и объяснение. Поэтому это не временный союз лингвистики и культурологии, а интердисциплинарная отрасль науки, самостоятельная по своим целям, задачам, методам и объекту исследования. В теории перевода лингвокультурологическому подходу, исследующему лингвокультурную ситуацию этноса в синхронии / диахронии или в сопоставлении, уделяется должное внимание. Как специальная область науки, лингвокультурология возникла в 90-е гг. XX в. Периодизация ее становления на основе четких и непротиворечивых критериев вряд ли возможна в настоящее время: во-первых, слишком мало прошло времени, а во-вторых, оценки итогов существования науки за определенный период не могут быть объективными, поскольку они отражают субъективное мнение исследователя, занятого в определенной научной области» цит. по Швейцер А.Д. Теория перевода (статусы, проблемы, аспекты). М.: Изд-во «Наука», 1988. 216 с.

«В развитии лингвокультурологии выделяются два периода: первый период – предпосылок развития науки – эволюционировал на основе лингвофилософии языка, и второй период – оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований. Динамика развития науки

позволяет выделить третий период – развитие лингвокультурологии как фундаментальной междисциплинарной науки с лингвокогнитивным вектором.

В лингвокультурологии в современный период оформилось несколько направлений:

- лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, то есть исследование конкретной лингвокультурной ситуации;
- диахроническая лингвокультурология, то есть изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени;
- сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов;
- сопоставительная лингвокультурология, которая в настоящее время интенсивно развивается;
- лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей. (См.: Americana. Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. Н.В. Чернова. Смоленск, 1996; Рум А.Р.У. Великобритания: лингвострановедческий словарь. М., 1999; Страны Соединенного Королевства: Лингвострановедческий справочник / Сост. Г.Д. Томахин. М., 1999; Томахин Г.Д. США: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Л.Г. Ведениной. М., 1997 и другие)».

Как можно заметить, активно развивается последнее направление лингвострановедческих словарей. Так, например, английский лингвострановедческий словарь 1999 г. содержит тематические разделы, расположенные в произвольном порядке. Это языковые единицы, отражающие географические реалии Великобритании, ее климатические особенности, растительный и животный мир, историю страны, старые народные обычаи, поверья, традиции, приметы; старые легенды, символику чисел, символику цвета; свадьбы, праздники; религиозные верования, развитие денежной системы, мер длины, веса, объема, площади, историю промышленного развития, торговли, науки, техники, медицины; возникновение почтового

сообщения; историю архитектуры и градостроительства. В числе тем, нашедших отражение в словаре, можно перечислить следующие: язык, книгопечатание, письмо, студенты и студенческая жизнь, школа, национально-специфические элементы одежды, традиционная кухня, игры, народные танцы, традиционные приветствия и пожелания, этикетные фразы, национальные жесты, личные имена и фамилии, языковые единицы литературного происхождения, афоризмы, английские песни, национальный характер. На основе таких словарей изучение характера взаимодействия языка и культуры может быть достаточно продуктивным.

В конце XX в. в отечественной лингвокультурологии сложились следующие школы.

- Школа лингвокультурологии Ю.С. Степанова, которая по методологии близка концепции Э. Бенвениста, цель ее состоит в описании констант культуры в диахроническом аспекте. Верификация их содержания проводится с помощью текстов разных эпох, то есть как бы с позиции внешнего наблюдателя, а не активного носителя языка.

- Школа Н.Д. Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Эти термины культуры также конструируются с позиции внешнего наблюдателя, а не реального носителя языка.

- Школа В.Н. Телия, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов (MSLCFraz). В.Н. Телия и ее ученики исследуют языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка, то есть это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры. Концепция близка позиции А. Вежбицкой (*Linguamentalis* – ментальной лингвистики), то есть имитация речедеятельностных ментальных состояний говорящего.

- Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В.В. Воробьевым, В.М. Шаклеиным и другими исследователями, развивающими концепцию Е.М. Верещагина и

В.Г. Костомарова.

Итак, лингвокультурология определяется как гуманитарная дисциплина, которая изучает воплощенную в живой национальный язык и проявляющую в языковых процессах материальную и духовную культуру. Лингвокультурология позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель – исследование способов, которыми язык реализует в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Философия языка В. фон Гумбольдта как основа лингвокультурологии

В диссертации принимается точка зрения В.З. Демьянкова, оценивающего лингвистическую концепцию Вильгельма фон Гумбольдта как реакцию на антиисторическую и механистическую концепцию языка XVII–XVIII вв., а также на логические и университетские концепции. В своих трудах немецкий философ опирался на идеи И. Гердера о природе и происхождении языка, о взаимосвязи языка, мышления и «духа народа», а также на типологическую (морфологическую) классификацию языков Ф. и А.В. Шлегелей, ставя своей задачей выявить исторические закономерности развития языков мира, сформулировать концепцию стадийного развития языков, отражающей становление языка во времени, в зависимости от культуры той или иной цивилизации. Язык, согласно гумбольдтианству, состоит из материи (субстанции) и формы. Языковая форма далеко не сводится к внешней, звуковой форме. Наибольшее значение имеет внутренняя форма языка. Изначально язык связан с мышлением именно как общественное явление, заложенное самой природой человека.

Ввиду разносторонности лингвофилософской концепции, она нашла развитие в разных современных лингвистических течениях, которые оформились как теории американского и европейского неогумбольдтианства. Американское направление развивает проблему языка и культуры. Европейское направление ставит своей целью возрождение «подлинного» сравнительного

языкознания в духе учения лингвофилософии языка. Соглашаясь с оценкой Г.Т. Хухуни, исследовавшего лингвофилософскую концепцию, считаем, что представители этого направления разделяют субъективно-идеалистическую теорию познания в духе И. Канта, неокантианской философии, старого и современного позитивизма. «Последователи В. фон Гумбольдта, подобно И. Канту, признают существование объективного мира, не зависящего от сознания человека и воздействующего на его чувственную сферу, но результатом этого воздействия признается хаотический набор опытных данных, которые, благодаря творческой активности языка, упорядочиваются, распределяются по классам, вступают друг с другом в пространственные, временные и причинно-следственные отношения» [Беляева, Хухуни, 2017, с. 36-42].

Для нашего исследования важны следующие «положения лингвофилософии языка:

- о приоритете изучения живой речи над описанием языкового организма;
- о сочетании интереса к разнообразию реально существующих языков и языку как общему достоянию человечества;
- об отказе от описания языка только изнутри его самого, сопоставление языка с другими видами духовной деятельности человека;
- о сущности мышления, состоящей в рефлексии, то есть в различии мыслящего и предмета мысли» [Большой Энциклопедический словарь, 1997, с. 123].

Взаимодействие языка и мировидения, языка и мышления составляет основу определения понятия языка в лингокультурологии.

Согласно с вышеизложенными положениями мы можем заключить, что творческий характер языка состоит в том, что это вечно порождающий сам себя организм, в котором законы порождения определены, но объем и в известной мере также способ порождения остаются совершенно произвольными. Подобная трактовка снимает противоречие между неизменностью и изменчивостью языка: «В каждый момент и в любой период своего развития

язык представляется человеку в отличие от всего уже познанного и придуманного им – неисчерпаемой сокровищницей, в которой дух всегда сможет открыть что-то еще не прочувствованное. Язык насыщен переживаниями прошлых поколений и хранит их живое дыхание, а поколения эти через звуки материнского языка, который и для нас становится выражением наших чувств, связаны с нами национальными и родственными узами. Эта отчасти устойчивость, отчасти текучесть языка создает особое отношение между языком и поколением, которое на нем говорит» [Радченко, 2006, с. 20].

Из этого следует, что язык – «живая деятельность человеческого духа, единая энергия народа, исходящая из глубин человеческого существа и пронизывающая собой все бытие. В языке сосредотачивается не свершение духовной жизни, но сама эта жизнь. Язык – главнейшая деятельность человеческого духа, лежащая в основе всех других видов человеческой деятельности. Она есть сила, делающая человека человеком. Языки – это отражение первоначальной языковой способности, заложенной в человеке в виде некоторых смутно сознаваемых принципов деятельности и актуализирующийся с помощью субъективной активности говорящего» [Большой Энциклопедический словарь, 1997, с. 123]. Можно согласиться с оценкой положения лингвофилософии языка, данной в работах О.А. Радченко: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент переходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет далеко не совершенное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). Его истинное определение поэтому может быть только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности. В беспорядочном хаосе слов и правил, которые мы по привычке именуем языком, наличествуют лишь отдельные элементы, воспроизводимые – и притом

неполно – в речевой деятельности. Необходима все повторяющаяся деятельность, чтобы можно было познать сущность живой речи и составить верную картину живого языка. По разрозненным элементам нельзя понять то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи. Расчленение языка на слова и правила – это лишь мертвый продукт научного анализа. Определение языка как деятельности духа совершенно правильно и адекватно уже потому, что бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности и в качестве таковой» [Радченко, 2006, с. 27].

В диссертации учитывается утверждение О.А. Радченко о важности для лингвокультурологии гумбольдтианского положения о связи языка и мышления. Автор заявляет: «Мышление не просто зависит от языка вообще, потому что в известной степени оно определяется каждым отдельным языком. Язык не является произвольным творением одного человека, а принадлежит всему целому народу; позднейшее поколение получает его от поколений минувших. Языки являются не только средством выражения уже познанной действительности, но, более того, и средством познания и ранее неизвестной. Их различие не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений. В этом и заключается конечная цель всех исследований языка» [Там же. С. 16].

Наше исследование есть логическое обоснование, расширение и углубление учения Л.Г. Зубковой, считающей, что «в силу самой природы человека язык изначально связан с мышлением именно как общественное явление. Между общественной природой языка и общественным мышлением, а также социально направленным индивидуальным мышлением, существует непосредственная связь. Она обуславливается в концепции В. фон Гумбольдта следующим образом: В самой сущности языка заключен некий дуализм, и сама возможность говорения обусловлена обращением и ответом. Даже мышление существенным образом сопровождается тягой к общественному бытию, и человек стремится, даже за пределами телесной сферы и сферы восприятия, в области чистой мысли, к «ты», соответствующему его «я». Ему кажется, что

понятие обретает определенность и точность, только отразившись от чужой мыслительной способности. Оно возникает, отрываясь от подвижной массы представлений и преобразуясь в объект, противоположный субъекту. Но объективность оказывается еще полнее, когда это расщепление происходит не в одном субъекте, когда представляющий действительно видит мысль вне себя, что возможно только при наличии другого существа, представляющего и мыслящего подобно самому. Но между двумя мыслительными способностями нет другого посредника, кроме языка. Даже не касаясь потребности общения людей друг с другом, можно утверждать, что язык есть обязательная предпосылка мышления и в условиях полной изоляции человека. Но обычно язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны и другим людям. Речевая деятельность даже в самых своих примитивных проявлениях есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека. Также обстоит дело и с пониманием» [Зубкова, 1989, с. 22].

Для лингвокультурологии как научного направления также значимо положение учения В. фон Гумбольдта о связи языка и мировидения. Механизм взаимодействия языка и мировидения представлен следующим образом: «слово, вызывая представление о предмете, затрагивает (в соответствии с особенностями своей природы и вместе с тем особенностями объекта, хотя часто и не заметно) соответствующее своей природе и объекту ощущение, следовательно, непрерывный ход мыслей человека сопровождается такой же непрерывной последовательностью восприятий, которые по степени и по оттенку определяются, прежде всего, представляемыми объектами, согласно природе слов и языка. Объект, появлению которого в сознании всякий раз сопутствует такое постоянно повторяющееся впечатление, индивидуализированное языком, тем самым представляется в модифицированном виде» [Там же. С. 33].

В диссертации учитываются результаты исследования В.М. Алпатова о роли языка в формировании гумбольдтианской картины мира как отражения

национального «духа». Сравнение языков, соответственно, означает сопоставление «мировидений», картин мира, создаваемых с помощью языков. Автор выделяет три взаимосвязанных понятия (явления): «человеческая духовная сила, действие человеческой духовной силы, которая и влияет на разделение человечества на народы и племена, и различие их языков и наречий. Как язык вообще неразрывно связан с «человеческой духовной силой», так каждый конкретный язык связан с «духом народа». Язык, в отличие от диалекта, с одной стороны, и языковой семьи, с другой, есть достояние отдельного народа, а народ – это множество людей, говорящих на одном языке. Согласно этому взгляду, язык неотделим от человеческой культуры и представляет собой важнейший ее компонент. По сравнению с другими видами культуры язык наименее связан с сознанием. Идея о бессознательном развитии языка и невозможности вмешательства в него получила развитие у Ф. де Соссюра и его последователей» [Алпатов, 1999, с. 73].

Согласно гумбольдтианской лингвофилософии среди единиц языка выделяется, прежде всего, слово, что имеет исключительное значение для теории перевода. Слово определяется как исходная единица перевода, при лингвокультурологическом подходе в слове заключаются национальные особенности языка. Еще В. фон Гумбольдт обратил внимание словистов на проблему неоднозначности значения и смысла слова. Исходя из того, что любая речь членится на слова следует иметь в виду, что «слово» – не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета. Язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них. Такой способ образования понятий характерен для каждого народа, поэтому влияние национального своеобразия обнаруживается в языке двояко: в способе образования отдельных понятий и в относительно неодинаковом богатстве языков понятиями определенного рода. При этом автор исходил из разных уровней развития языков» [Радченко, 2006, с. 75–76].

Мы разделяем мнение Н.Б. Мечковской, считающей, что в лингвофилософии В. фон Гумбольдта определена взаимозависимость уровня развития языка и духовного развития народа: «На примере языка испанских басков, резко отличающегося от языков индоевропейской семьи, автор пришел к мысли о том, что разные языки – это не просто разные оболочки общечеловеческого сознания, но различные видения мира. Язык помогает человеку познать мир, и в то же время это познание зависимо от языка: «Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Человек живет с предметами так, как их преподносит ему язык. И каждый язык описывает вокруг народа, которому принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка». Другими словами, многое в представлении человека о мире обусловлено его языком» [Мечковская, 1998, с. 37].

«Таким образом, предназначение языка состоит в том, чтобы:

- осуществлять превращение мира в мысли;
- быть посредником в процессе взаимопонимания;
- служить средством для развития внутренних сил человека,

оказывая стимулирующее воздействие на силу мышления, чувства и мировоззрение говорящих. Язык, таким образом, есть орган, образующий мысль; мышление не просто зависит от языка вообще, языки – это органы оригинального мышления наций» [Большой Энциклопедический словарь, 1997, с. 123].

Итак, язык, в понимании В. фон Гумбольдта, «представляет собой напряженное живое целое своих противоположных и взаимно предполагаемых начал, пребывающее в подвижном равновесии. Гумбольдт различает в языке следующие антиномии: деятельности – предметности (жизненности – вещности), индивидуума – народа (индивидуального – коллективного), свободы – необходимости, речи – понимания, речи – языка, языка – мышления

(человеческого духа), устойчивого – подвижного, логического – стихийного, импрессионистически-индивидуального – монументального, континуального – дискретного, объективного – субъективного начал» [Большой Энциклопедический словарь, 1997, с. 123].

Лингвофилософия В. фон Гумбольдта, разносторонняя и по ряду вопросов противоречивая, имеет ключевое значение как для формирования лингвокультурологии, так и для лингвокультурного аспекта в переводе.

1.2.2. Синтезирующая роль лингвокультурологии: связь языка и культуры

Идеи В. фон Гумбольдта получили широкое распространение в науке о языке. Согласно концепции философа, язык является отражением «самого бытия» любого народа, а его культура проявляется, прежде всего, в языке. Поступательное развитие науки, изучающей ключевые элементы существования языка, дают нам возможность вслед за учеными проследить развитие приемов и методов его изучения, а также учесть в своих исследованиях точки зрения разных школ, например гипотеза Сепира-Уорфа «о власти языка» трактовалась М.М. Бахтиным как «оковы» чужого слова, а вместе с Л.С. Выготским – как личностный смысл в отношении со значением. А.А. Потребня в своем исследовании дает историческую ретроспективу попыток ученых описать взаимоотношение культуры и языка характеризуя работы братьев Гримм, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева и др. [Потебня, 1976].

В начале XX в. австрийская школа “Worter und Sachen” («Слова и вещи») направила проблему взаимосвязи языка и культуры по пути конкретного изучения слов – составных элементов языка и культуры, подтвердив важность культурологического аспекта исследования во многих областях языкознания.

На понимании взаимосвязи и единства языка и культуры в широком смысле основывается неогумбольдтианство и как его ответвление – известная

школа Сепира-Уорфа, которая постулировала значительную зависимость мышления от языка. По определению лингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, «лингвокультурология представляет собой целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отраженных в языке, контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков (народов) на основании теории лингвистической относительности». При этом культура воспринимается как «совокупный образ жизни определенных групп людей и включает все, что группа думает, говорит, делает. Это система отношений и чувств социума. Язык рассматривается не только как средство коммуникации и познания, но и как культурный код нации, позволяющий рассматривать культуру с точки зрения межкультурного подхода, поскольку он включает в себя не только видимый образ жизни людей, обусловленный историей и традициями, но и внутренний мир отдельной культуры, ее ценности и специфическое, характерное для определенной культуры восприятие мира. Категориальный или философский образ культуры отражает ее как атрибут человеческого бытия, одну из универсальных характеристик. Не существует ни человека, ни общества без культуры. Вопрос состоит в том, насколько она развита, хорошая ли она или плохая, а также каковы объективные критерии для ее оценки. Философия рассматривает культуру как всеобщую характеристику жизни человека и общества в любых формах существования и на любом этапе развития» [Сепир, 1996].

В диссертации учитывается концепция немецкого исследователя XX в., неогумбольдтианца Л. Вайсгербера, утверждающего, что язык – это «промежуточный мир» между мышлением и действительностью. Автор определяет его как различное членение языкового содержания, сквозь которое человек воспринимает действительность. Различное членение языкового содержания в специфичных для отдельных языков семантических полях составляет основу промежуточного мира, формирующего его картину мира» [Вайсгербер, 2004].

Мы разделяем мнение К. Леви-Стросса, считающего, что «язык есть

одновременно продукт культуры, ее важная составная часть и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [Леви Стросс, 2001].

Для исследования в диссертации вопроса о связи языка и культуры важно замечание В.И. Вернадского, который подчеркивал в своей концепции ноосферы «роль языка в создании новой формы биохимической энергии, называемой энергией человеческой культуры» [Вернадский, 2004].

На связь языка и культуры – основы лингвокультурологии – указывает А.Д. Швейцер, подчеркивая значимость нового научного направления для перевода.

Культура формирует и организует мысль языковой личности, формирует также языковые категории и концепты. Изучение культуры через язык – идея, которая вызывала научный интерес в последние годы: языковой материал можно считать наиболее весомой, часто самодовлеющей, информацией о мире и человеке в нем. О взаимосвязи культуры и языка писали Н.В. Иванов [2017], В.Н. Топоров [1998], Н.И. Толстой [1997] и другие. Философ языка нашего времени Х.Г. Гадамер прямо утверждал, что «язык – единственная надежда на освобождение» [Гадамер, 1991, с. 13], а М. Хайдеггер считал «не природу и окружающий мир, а именно язык первосущностью, домом бытия человека, так как язык не только отражает, но и создает ту реальность, в которой живет человек» [Хайдеггер, 1986]. Культура в современных работах рассматривается не просто как смежная с лингвистикой наука, а как феномен, без глубокого анализа которого нельзя постичь тайны человека, тайны языка и текста.

В большинстве случаев человек имеет дело не с самим миром, а с его репрезентациями, с когнитивными картинками и моделями, поэтому «мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир. Этот факт дает основание утверждать, что язык как бы незаметно направляет теоретическую мысль философов и других ученых» [Степанов, 2004].

Язык одному ему присущими способами ведет мысль по пути анализа

мира, его оценки. Хрестоматийно известно высказывание В. Даля, который приводит притчу, раскрывающую национальные особенности восприятия мира, о сидевшем на берегу греке и сквозь слезы напевавшем песню. При переводе текста песни на русский язык эстетическая составляющая теряется: «по-русски не выходит ничего, а по-гречески – очень жалко!». Лингвист, изучающий язык данной культуры, тем самым становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык.

Таким образом, в лингвистике современного периода стало возможным принять следующий постулат, который вытекает из достижений ученых – как отечественных, так и зарубежных: язык не только связан с культурой: он обусловлен ею и выражает ее. Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью, так как при помощи языка создаются реальные, объективно существующие, произведения материальной и духовной культуры. На основе этой идеи сформировалась наука – лингвокультурология.

Лингвокультурология рассматривает язык как отображение национального характера, национального менталитета народа, говорящего на данном языке. Соответственно, национальный характер определяется как отражение в психике представителей нации, исторических условий ее существования, особенности духовного облика народа, которые проявляются в поведении, восприятии окружающей среды. Национальный менталитет определяется как своеобразное видение мира, выраженное у представителей народа, а также специфическая реакция на него. Менталитет определяется политическими и экономическими процессами в истории народа.

Лингвокультурологическая основа межкультурного принципа в переводе

Лингвофилософскую основу межкультурного принципа в переводе художественной литературы составляют исследования в области лингвокультурологии. Выше были представлены фундаментальные основы такого подхода, заложенные в философии языка В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1985], далее разработанные в трудах А.М. Хайдеггера [Хайдеггер,

1986], А.А. Потебни [Потебня, 1976], Л. Вайсгербера [Вайсгербер, 1993] и ряда других исследователей.

Мы разделяем утверждение В.В. Воробьева, полагающего, что «в современный период, среди прочих вопросов взаимодействия культуры и языка, рассматриваются такие, как синтезирующая роль лингвокультурологии, комплексный характер которой позволяет рассматривать взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и представлять этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания с ориентацией на современные приоритеты норм и общечеловеческих ценностей» [Воробьев, 1997].

Другим значимым для межкультурного аспекта перевода вопросом, который разрабатывается в диссертации, можно назвать соотношение языка и ментальности нации, получившего освещение в теории В.А. Масловой и ее интерпретации в исследовании О.С. Хосаиновой. Согласно данной концепции, «все особенности культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем. Причем, большую часть информации о мире человек получает через лингвистический канал. Важно при этом подчеркнуть, что язык и культура имеют много общего. С этой точки зрения культура и язык являются формами сознания, которые отображают мировоззрение людей и всегда находятся в диалоге между собой, при этом субъектами языка и культуры являются личность или общество. Языку и культуре присуща нормативность, кроме того, одним из существенных свойств обоих явлений можно считать историзм. Связь культуры и языка прослеживается в коммуникативном процессе, а также в онтогенезе и в филогенезе. В онтогенезе у человека, приобщающегося к новому для него языку и культуре, формируются языковые способности. В филогенезе он формируется как социопсихологическая личность и языковая личность, то есть как субъект родового и общественного сообщества. Язык не способен существовать вне культуры как социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни. Он является

одним из видов деятельности человека и оказывается составной частью культуры, если последнюю рассматривать как совокупность результатов деятельности человека в различных сферах жизни: общественной, производственной, духовной. Язык, представляя собой важнейшее из всех явлений культурного порядка, является составной частью культуры, которую люди наследуют от предков и основным инструментом, при помощи которого люди могут усваивать культуру. Поэтому только с помощью естественного языка может произойти концептуальное осмысление культуры» цит. по Хосаинова О.С. Обучение студентов идиоматике иностранного языка в контексте межкультурного подхода на основе текста для чтения: на материале немецкого языка // Дисс канд. пед. наук. М., 2017. 245 с.

Среди положений, которые учитываются в диссертации, центральное место отводится концепции В.И. Карасика, представляющей лингвокультурологию как «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры», при этом, акцент ставится на сопоставительном характере изучаемых объектов, принадлежащих разным лингвокультурам» [Карасик, 2002, с. 121], а также концепции Е.О. Опариной о «транслирующей функции языка, реализующей передачу культурных ценностей и влияющей на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности. Соответственно, восприятие мира народом на каждом срезе его истории неоднородно. Культурно-национальная картина мира характеризуется разноплановостью вследствие множественности установок, интерпретаций сходных ситуаций и явлений с разных позиций. Вместе с тем, языковая картина мира предполагает наличие у носителей языка общих фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с соответствующими явлениями культуры в рамках языковой картины мира» [Опарина, 1998].

При рассмотрении вопроса о межкультурном подходе к переводу художественной литературы важным положением становится взаимосвязь и взаимодействие понятий «язык» и «культурная картина мира».

Мир и человек в нем специфично и уникально отражаются в тонкостях культуры народа и в его языке. Эта специфика закреплена в языковой картине мира, свойственной сознанию данного языкового коллектива в тот или иной исторический отрезок времени. Картину мира можно выделить, описать или реконструировать в пределах какой-либо социопсихологической единицы – от нации или этноса до какой-либо профессиональной группы или отдельной личности. Кроме того, каждому историческому срезу времени соответствует своя картина мира.

Естественному языку свойственно отражать определенный способ восприятия и организации мира. Формируемая таким способом картина мира считается «наивной», в том смысле, что она создается спонтанно, всеми членами языкового коллектива, и по многим существенным позициям отличается от научной картины. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и так далее. Выражаемые в наивной картине мира значения формируют некую систему взглядов и ценностей, своего рода коллективную философию, которая признается обязательной для всех носителей языка. Этот способ концептуализации действительности одновременно универсален и национально специфичен, что приводит к тому, что носители разных языков видят мир немного по-разному, через призму своих языков. И наивная, и научная картины мира несут на себе отпечаток обособленности, заключающейся в том, что каждый язык дает неповторимую интерпретацию действительности, закрепляя в значениях слов национальную культуру.

Согласно когнитивно-герменевтической концепции «художественный текст определяется как синергия многовекторных аспектов бытия народа в индивидуально-авторском преломлении писателя» [Огнева, 2019]. Автор использует термин «художественный текстовый мир», под которым понимается текстологическая динамическая модель развертывания реальных явлений бытия или событийно-предметных явлений вымышленных миров, репрезентированных писателем в литературно-художественное произведение.

1.2.3. Принцип лингвокультурного равенства языков в переводе текстов художественной литературы

Вопрос о лингвокультурном равенстве в переводе, в частности, в художественном переводе, актуален и значим в теоретическом и практическом планах. Интересно по этому поводу высказывание известного специалиста в области перевода Н.К. Гарбовского, считающего, что «любой перевод всегда предполагает оригинал. Из этого следует, что отношение *оригинал / перевод* есть объективная необходимость, некая постоянная, отражающая сущность данного явления. В то же время перевод представляет собой речевое произведение, оказывающееся в одном ряду с другими речевыми произведениями, существующими и постоянно возникающими в среде переводящего языка и переводной культуры. Он всегда соотносится с этими речевыми произведениями и оценивается нередко только по отношению к ним, например, литературной критикой. Что такое перевод в этом окружении? Равноправный член сообщества или чужестранец, родное дитя или подкидыш, чистокровный ариец или метис? В этой двойной относительности сама суть перевода, в ней же — основной источник противоречий, основной камень преткновения в оценке перевода, в вечных спорах о его возможностях» [Гарбовский, 2010].

Согласно концепции Г.Р. Гачечиладзе, художественный перевод должен занимать нишу где-то между дословно точным, но художественно неполноценным переводом и художественно полноценным переводом, но несхожим с исходным текстом. В теории представляется, что можно с легкостью объединить эти два принципа. Но в практике перевода такой подход невозможен из-за того, что в разных языках для описания одной и той же картины используются разные средства, вследствие чего дословная точность и художественность оказываются несовместимыми параметрами, и у переводчика нет возможности привести их в баланс.

В настоящее время существует понятие так называемого «реалистического» перевода. По определению И.А. Кашкина, «реалистический перевод заключается в воспроизведении объективной реальности, содержащейся в исходном тексте, вместе с его смысловым и образным богатством» [Кашкин, 1977, с. 532]. Нельзя не согласиться с замечанием автора о том, что «переводчику, который в подлиннике сразу наталкивается на чужой грамматический строй, особенно важно прорваться сквозь этот заслон к первоначальной свежести непосредственного авторского восприятия действительности, увидеть за словами подлинника явления, мысли, вещи, действия и состояния, пережить их и верно, целостно и конкретно воспроизвести эту реальность авторского видения» [Кашкин, там же].

Мнение И.А. Кашкина созвучно идеям известного теоретика перевода А.В. Федорова, которое нами разделяется: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное формальное и стилистическое соответствие ему» [Федоров, 2002, с. 303].

Особый акцент А.В. Федоров делает на том, что художественный текст не может складываться из отдельных отрывков, он должен воспроизводиться как целостная система: «Художественный перевод представляется чем-то бóльшим, чем просто механическая совокупность частей, по той причине, что он является плодом творчества и содержит в себе элементы творчества переводчика, поэтому основной задачей для переводчика представляется сохранение не только содержания, но и всех стилевых, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей исходного текста» [Федоров, там же, с. 175].

В своей деятельности переводчик самостоятельно отдает приоритет одной из трех целей художественного перевода. Первая – переводчик старается перевести исходный текст, пытаясь максимально передать творческую манеру и индивидуальный стиль автора. Для этого он стремится добиться той же «атмосферы» и создать такое же художественное впечатление в своем переводе, аналогичные исходному тексту. Но для достижения этого результата переводчику придется «смягчить» национально-культурные различия,

исключить из текста перевода незнакомые читателю реалии (или заменить их теми, которые ему знакомы и при этом эквивалентны по смыслу), максимально сохранив стиль автора исходного текста. Добиваясь этой цели, переводчик стремится передать читателю полное представление о творчестве писателя, его индивидуальном стиле. Но отрицательный момент в данном случае будет заключаться в том, что автор перевода не сможет показать читателю культуру и национальные традиции, представленные в исходном тексте.

Вторая цель художественного перевода состоит в том, что переводчик в работе над исходным текстом пытается максимально передать особенности культуры другого народа, ее своеобразие. Для достижения этой цели переводчику понадобится разъяснять читателю все реалии и пояснять культуру и национальные традиции, представленные в исходном тексте, чтобы у читателя было сформировано полное понимание менталитета и мотивов поведения персонажей произведения, которые пытался передать автор в своем исходном тексте. Такой перевод будет очень познавательным для читателей, которые хотят больше узнать о традициях и культуре страны автора исходного текста. Но если при этом манера и стиль автора исходного текста не будут искажены, то переводной текст сможет дать читателю полное представление и о самом произведении. Например, исследуемый роман Чарльза Перси Сноу имеет название “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. В дословном переводе это многозначное слово может звучать как: мастера, господ, хозяева, преподаватели, руководители семинаров, мэтры. Для передачи полного смысла переводчик подобрал из русского языка слово «Наставники», зафиксированное словарем как термин других сфер, но не вузовского образования. По мнению переводчика, «наставник» передает смысл должности университетского профессора – научного руководителя диплома. Можно сказать, что перевод названия романа “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] – это лучший вариант из худших.

Третья цель предполагает перевод, максимально приближенный к исходному содержанию переводимого произведения. Стремясь достичь этой

цели, переводчик вынужден прибегнуть к своего рода упрощению исходного текста для того, чтобы читатель смог лучше понять его содержание. Но в этом случае, к сожалению, культура, традиции, реалии исходного текста будут опущены, вследствие чего такой перевод будет трудно назвать художественным. Однако в настоящее время переводчики предпочитают придерживаться именно этой позиции.

Итак, художественный адекватный перевод предполагает точность перевода. Для переводчика одной из основных задач в этом случае можно считать «передачу читателю сути исходного текста, но при этом максимальную близость к основным положениям и особенностям высказываний автора исходного текста. Переводчику придется отказаться от разъяснения реалий или традиций ради сохранения объема текста, что приведет к некоторым сложностям для восприятия данного перевода читателем. По объему художественный адекватный перевод должен быть аналогичным оригиналу.

Исходя из творческих принципов автора, переводчик передает не собственное прочтение текста оригинала, а его основную идею.

Кроме того, художественный адекватный перевод предполагает ясное изложение. Причем, ясность и краткость перевода не должны идти в ущерб простоте изложения и легкости понимания текста. Перевод считается удачным, если переводной текст остается простым и ясным по форме, не содержит неоднозначных словесных конструкций, которые только затрудняют восприятие перевода» [Федоров, 2002, с. 56].

Художественный перевод предполагает использование литературного языка, в нашем случае, полное соответствие общепринятым нормам русского литературного языка. Но в связи с различиями синтаксической структуры русского языка (переводного) и английского языка (исходного) для достижения точности передачи смысла текста в переводе вынужденно изменены грамматические, в частности, синтаксические структуры. Эта необходимость обусловлена различиями языковых структур исходного и переводящего языков. Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе художественного

текста необходимо учитывать все характерные особенности текста художественного произведения оригинала, а не ограничиваться какой-либо одной задачей, то есть необходимо использовать все доступные приемы для достижения адекватности перевода.

Принцип лингвокультурного паритета в переводе

В настоящее время получила распространение концепция диалога культур как методологическая база перевода. Диалог культур в переводе предполагает отказ от экзальтации исходной или переводной лингвокультуры в пользу паритетности языков и лингвокультур, а также сохранение их национальных особенностей. Реализация диалога культур требует применения межкультурного принципа в переводе. По определению В.Н. Комиссарова, «художественным переводом называется перевод произведений художественной литературы» [Комиссаров, 1990, с. 75]. Но как замечает по этому поводу И.А. Кашкин, перевод должен быть художественным [Цит. по: Швейцер, 1988, с. 54]. Это определение предполагает художественно-эстетическую и поэтическую функции переводимого текста, поскольку в связи с их воздействием на читателя они выделяются как главные в произведениях художественной литературы. Создание художественного образа и эстетическое воздействие можно считать основной целью произведений данной категории. Художественная речь, обладая функцией эстетического воздействия, выделяется на фоне остальной речевой коммуникации, где информативное содержание выступает начальным, независимым фактором.

Художественный перевод, как и переводимый оригинал, – это произведения, обладающие художественным достоинством (в отличие, например, от научно-технической литературы). В диссертации учитывается замечание В.Н. Комиссарова о том, что «главная задача художественного перевода заключается в создании на языке перевода произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на читателя, соответствующее воздействию оригинального текста». В обычной речи (устной

или письменной) мы используем слова, которые не всегда соответствуют образному мышлению. Но именно с помощью образной лексики создается представление о художественной действительности, именно слово выступает главным составляющим элементом литературы. Образное описание, необходимость художественно передать мысль автора присутствует в любом переводном тексте, даже в некоторой степени при переводе сугубо научных трактатов» [Комиссаров, 1998, с. 102].

Особое значение для художественного перевода имеет «творческая индивидуальность переводчика», которая присутствует в каждом переводе, поэтому перевод произведения словесного искусства на другой язык всегда будет субъективным. Хотя у многих исследователей вызывает отторжение даже простое упоминание о творческой индивидуальности переводчика, без нее у переводчика не было бы индивидуального метода, индивидуального творческого принципа. Несмотря на то, что с индивидуальностью переводчика связано определенное видение и даже искажение текста подлинника, без личного вклада переводчика в принципе невозможен сам перевод художественного текста.

Итак, межкультурный принцип с его установкой на равноправие языков и культур и адекватность перевода как основной цели предполагает возможность ориентироваться в контексте иной культуры и социально взаимодействовать в ситуациях межкультурного общения. При этом перевод строится как процесс познания и передачи на переводной язык особенностей иной культуры, которая в своих отдельных областях более или менее заметно отличается от родной. Важное место в процессе перевода отводится освоению социокультурного компонента в лингвокультуре исходного языка и его интерпретации.

Выводы по главе 1

В главе 1 исследованы теоретические вопросы, касающиеся определения и особенностей перевода художественного текста, а именно, профессионально

маркированных текстов, с использованием лингвокультурологического подхода.

– Анализ характеристик художественного текста подтвердил его статус особой знаковой системы, отличающейся выраженностью, ограниченностью и структурностью компонентов. Художественный текст имеет автора (адресанта), адресован читателю (адресату), характеризуется вымышленной внутритекстовой действительностью (конструируемым текстовым миром). Для художественного текста характерно образно-эмоциональное субъективное представление сущности фактов, явлений, при этом форма художественного текста содержательна, индивидуальна и оригинальна, она выбрана и используется автором как форма имитации реальности для выражения иного содержания.

Язык художественного текста отличается использованием изобразительно-выразительных и выразительных синтаксических средств в большей степени, чем в других стилях. По богатству, разнообразию и выразительным возможностям языковых средств художественный стиль оценивается выше других стилей, являясь наиболее полным выражением литературного языка.

В плане стилистического единства языка художественный текст разнороден и содержит лексику и фразеологию других стилей (публицистики, научного и отраслевого, разговорного стилей, просторечия, диалектов: отражая разные аспекты действительности, имитируя их во внутритекстовом мире, автор использует элементы тех функциональных стилей, которым он подражает).

– Исследование лексического состава романов английского писателя C.P. Snow “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] и “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс] и их переводов на русский язык показало наличие в них большого пласта специальной лексики и терминологии, в романе “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] – по

теме высшего образования, в “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс] – по теме госуправления и структур власти. Профессиональная тематика, контаминированный состав лексики с включением пласта терминологии допускают рассмотрение вышеуказанных произведений как особого литературного поджанра «профессионального / производственного / отраслевого романа», подобно тому, как признаны «женский роман», «хоррор», «научная фантастика».

В результате насыщенности текста профессиональной лексикой (в нашем случае, лексикой сферы высшего образования и сферы госуправления), происходит контаминация видов словесности и изменение пропорций между такими различительными признаками специального / художественного перевода, как фактуальность / фабульность. Реальное представление учебного процесса в университетском колледже Кембриджа (как собирательного образа традиционного английского университета), использование специальной лексики сферы высшего образования, научно-исследовательские проблемы, которые занимают персонажей-преподавателей (в романе “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс]), или горячее обсуждение судьбы Проекта – «А» (ракеты-носителя ядерного оружия) в английском Парламенте (в романе “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс]) – все это создает впечатление достоверности, фактуальности. Но это беллетристика, творческий вымысел автора с явной целью повлиять определенным образом на читателя посредством эстетического восприятия художественного текста. Для действительности нашего времени характерен научно-технический прогресс, высокий уровень образования, широкое использование электронных технологий. В художественной литературе, отражающей реальность, происходит смена направлений литературных тем. Так называемый «производственный / профессиональный роман», реально представляющий современное общество, оказавшееся под давлением технического прогресса, отражает тенденцию появления и развития новых литературных жанров.

– Исследование особенностей перевода художественного текста

показало, что они определяются спецификой предмета перевода и особенностями перевода как психолингвистической деятельности. В структуре художественного текста выделяются две взаимосвязанные составляющие – эмотивно-эстетическая и фактуальная, но эти составляющие не равнозначны. В художественном тексте преобладает эмотивно-эстетическая составляющая, тогда как в специальном (научном или техническом тексте) – фактуальная. В отличие от специального перевода, основная цель которого состоит в точном переводе оригинала, задача художественного перевода осложняется тем, что его основная цель состоит в выполнении эмотивно-эстетической функции с тем, чтобы оказать на читателя такое же эмоциональное воздействие, которое оказывает оригинальный текст на читателя-носителя языка подлинника. При переводе фактуальной составляющей художественного текста принимаются в расчет факторы лингвокультурного и прагматического порядка, объединенные стремлением донести до читателя переводного текста философско-эстетическое послание автора, то есть основная задача остается той же и состоит в реализации эмотивно-эстетической функции.

– Лингвокультурологический подход к переводу, используемый в работе, основан на теоретических положениях лингвокультурологии как междисциплинарной науки и одного из его главных постулатов – наличия национальной языковой картины мира, отражающей национальные языковые и культурные особенности. Язык не только связан с культурой: он обусловлен ею и выражает ее. Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью, потому что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры. Национальная языковая картина мира несет на себе отпечаток обособленности, заключающейся в том, что каждый язык дает неповторимую интерпретацию действительности, закрепляя в значениях слов национальную культуру.

На этой основе социокультурный компонент можно рассматривать как содержательно-фактуальную информацию, фактуальную составляющую текста,

отражающую в художественной форме и соответствующую философско-эстетическими взглядам автора действительность. В исследуемых романах социокультурный компонент представляет тематически обозначенный фрагмент внутритекстового (вымышленного) пространства – сферы высшего образования и сферы госуправления, в котором происходят внутритекстовые (вымышленные) события. Этот фрагмент внутритекстового пространства соотносится с реальным, в нашем случае, английским лингвокультурным пространством как копия (подражание) соотносится с оригиналом.

Проблемы лингвокультурологии, касающиеся перевода (как художественной, так и специальной литературы), включают в себя ряд аспектов перевода, таких, как социолингвистический, прагмакоммуникативный, лингвокогнитивный, представляющих современные направления развития лингвистики.

Среди оформившихся направлений развития лингвокультурологии в работе используются положения сравнительной лингвокультурологии, исследующей лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов; лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих, а также положения отечественных направлений лингвокультурологии: Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкиной и ряда других исследователей.

Глава 2. Средства передачи социокультурного компонента английского художественного текста на русский язык

Во второй главе рассматриваются вопросы, связанные с определением, характеристикой социокультурного (фактологического) компонента исследуемых английских художественных текстов и особенностями его передачи на русский язык, такие, как:

- раскрытие значения исследуемых социокультурных явлений в разных лингвокультурах;
- сопоставление фактологического материала в английском (исходном) и русском переводном текстах с установлением условий и причин различий;
- определение лингвистических средств достижения адекватности перевода на русский язык тематически маркированных английских романов “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] и “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс].

2.1. Сопоставительная характеристика социокультурного компонента романов C.P. Snow “The Masters” и “Corridors of Power” и их русских переводов

2.1.1. Определение и тематическая классификация социокультурного компонента исследуемых текстов

Социокультурный (фактологический) компонент – это знания в области культуры, географии, истории, музыки и так далее, с помощью которых формируются коммуникативные компетенции в разных языках. Одним из

компонентов коммуникативной компетенции можно считать социокультурную компетенцию, которая определяется как знание национально-культурных особенностей страны, правил речевого и неречевого поведения в типичных ситуациях и умение осуществлять свое речевое поведение в соответствии с этими знаниями. Таким образом, под «социокультурным компонентом» понимается совокупность понятий, отражающих систему культурных и общественных ценностей социума, выраженных языковыми средствами» [Гальскова, 2012].

Представляя собой мир и социальный контекст, который окружает персонажей литературно-художественного текста, социокультурный (фактологический) компонент позволяет читателю поверить в реальность вымысла. Закодированное по законам жанра послание автора своему читателю содержит его мировоззренческую позицию, а талант автора в использовании деталей аутентичной лингвокультуры, сплетения реальных и нереальных фактов позволяет читателю проживать жизнь персонажа, принимая обоснованность и правоту взглядов на мир и социально значимые для автора идеи.

Данный факт ставит перед художественным переводом задачу, состоящую в максимально корректной передаче на другой язык замысла автора, который включает в себя не только содержание текста но и социокультурные элементы, из которых составлена вымышленная действительность.

К социокультурному компоненту относится картина мира, созданная и практикуемая данным языковым сообществом. Национальная картина мира может быть представлена, например, тематической системой, включающей:

- факты тем, касающихся элементов быта любого народа и человека в частности (например: рождение, смерть, семья, гендерные взаимоотношения, внутриличностные взаимоотношения различных поколений и.т.д.);
- государственное и общественное устройство: юридическая система и правовые отношения, финансы, образование и здравоохранение, пенсии и другие социальные структуры;

- культура и искусство: театр, кино, архитектура, изобразительное искусство, литература;
- история страны, традиции, обычаи, имена собственные и ряд других тематических разделов.

В социокультурном (фактологическом) компоненте отражается время, эпоха, описываемая в художественном произведении. Наша современность характеризуется техническим прогрессом, высоким уровнем образования в развитых странах, сформировавшейся системой общественных отношений и государственного управления. Эти черты современности находят отражение в искусстве, в том числе, в художественной литературе. В романах реалистического направления, к которому относятся исследуемые тексты, решаются морально-этические проблемы современного английского общества. С одной стороны, исследуемые тексты можно квалифицировать как новый поджанр – «профессиональный, индустриальный роман. В то же время современный человек (персонаж романа) – это, прежде всего, человек нашего времени, профессионал в производственной или непроизводственной сфере, и описание его трудовой деятельности и сферы этой деятельности составляют содержательно-фактуальную информацию художественного текста. Меняется эпоха, соответственно ей появляются новые черты содержательно-фактуальной информации художественного текста. Если в литературоведении обсуждается вопрос о новом индустриальном жанре, то в лингвистике он пока не стоит» [Елифанцева, 2019].

Социокультурный компонент художественного текста эмоционально как бы подтверждение правоты собственной перцепции мира.втягивает читателя в повседневную жизнь персонажа позволяя идентифицировать свои ценности, взгляды и найти в описываемой ситуации

2.1.2. Тематическая классификация социокультурной лексики

Социокультурный (фактуальный) компонент исследуемых английских романов “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс] и “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс] реалистично представляет вероятные события в профессиональных сферах высшего образования и структурах власти, происходящие в связи с избранием нового главы колледжа Кембриджа (первый роман) и решения вопроса государственной важности – создания отрасли ракетостроения (второй роман), то есть социокультурный компонент исследуемых текстов ограничен определенной тематикой. Тематическая направленность социокультурного (фактуального) компонента акцентирована за счет жанровых особенностей романов, которые в силу этих характеристик рассматриваются некоторыми авторами как «профессиональный / производственный / отраслевой» поджанр [Жеманова, 2020].

Сопоставление классификаций выявляет: общую для обоих романов концептуальную составляющую: тему отношения человека к власти; различие фактологических составляющих романов, обусловленных их различной тематической направленностью: вузовское образование / властные структуры; раскрытие содержательно-концептуальной информации – отношения человека к власти, совпадающее с кульминацией сюжетной линии, тогда как фактологический (социокультурный) компонент служит для выявления и раскрытия содержательно-концептуальной информации на протяжении всего романа; общие для обоих романов темы – сдержанность как национальную черту английского характера и вопросы воспитания.

Социокультурный компонент в структурированном виде представлен в табличной форме (см. Табл. 3).

Таблица 3 – Тематическая классификация социокультурного компонента

Роман “The Masters” [Snow, 1959, Электронный ресурс]	Роман “Corridors of Power” [Snow, 1964, Электронный ресурс]
– Структура и преподавательский состав колледжа Кембриджского университета; – верность традициям и следование положениям Устава колледжа; – выборы ректора колледжа как кульминация сюжетного развития романа; – политические и религиозные разногласия между преподавателями колледжа, их взаимоотношения; – бытовые и финансовые условия преподавателей; – сдержанность как национальная особенность английского характера.	– Структурный состав чиновников Государственного управления; – парламентское обсуждение вопроса ядерного вооружения Англии как кульминация сюжетного развития романа; – министерство, Парламент, географические названия, связанные стемой «госучреждения Англии»; – власть и политика, политические и морально-этические разногласия между госчиновниками и учеными по вопросу ядерного вооружения Англии; – вопросы воспитанности и воспитания в традициях высшего общества.

2.1.2.1. Роман “The Masters” («Наставники»)

Тематическая классификация социокультурного компонента исследуемого романа, основанная на концептуальной картине мира, имеет следующий вид:

– структура и преподавательский состав колледжа Кембриджского университета;

- верность традициям и следование положениям Устава колледжа;
- выборы ректора колледжа как кульминация сюжетного развития романа;
- политические и религиозные разногласия между преподавателями колледжа, их взаимоотношения;
- бытовые и финансовые условия преподавателей;
- сдержанность как национальная особенность английского характера.

Тематическая классификация социокультурного компонента исследуемого романа составлена на основе выявленной лексики тематики сферы высшего образования и отражает университетскую жизнь (как ее представляет себе автор).

1 Структура и преподавательский состав колледжа Кембриджского университета

Устав колледжа определяет структуру и работу учебного заведения: возрастные ограничения, накладываемые Уставом на должность ректора, представлены в романе как один из факторов, повлиявших на выбор кандидатуры главы колледжа:

“Well, we’ve got to look inside. I’m going down the fellows in order of seniority. Gay. Pilbrow. You, Despard. The statutes won’t let us have you.

I supported the new statute about the retiring age, said Despard Smith solemnly. I’ve often asked myself whether I did right. Some men of seventy are still competent to hold any position of responsibility. – You would be, interrupted Chrystal. ...But it can’t happen. He paused. Going on down the list. He added in a tone which he kept casual and matter of fact: Winslow. Winslow, you’re the next. – ...I doubt whether it is fair to ask a man to take an office with only five years to run. I should actually have seven years. I was sixtythree in October, said Winslow.

– I seriously doubt, said Despard Smith, whether it would be fair to ask you. – When is it fair to ask anyone? said Roy Calvert. His eyes were glinting with mockery: he was moved for Winslow. Before he could say more, Francis Getliffe put in: On general principles, there is something to be said for a younger man. We ought to have someone with at least ten years to go. I know you’d take that view yourself,

wouldn't you? He spoke to Winslow directly. He said at last: No doubt you're right. I was certain you'd see it that way, Winslow, said Chrystal, with relief, with excessive heartiness" [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Давайте-ка прикинем. Я перечислю наших коллег в порядке старшинства: Гей, Пилброу, вы, Деспард. По Уставу мы не имеем права избрать вас в ректоры.

– Я сам голосовал за новый пункт Устава, запрещающий людям старше семидесяти занимать административные посты, – мрачно проговорил Деспард Смит. – И до сих пор не уверен, что поступил тогда правильно. Иной человек и в семьдесят лет вполне способен справиться с любыми должностными обязанностями. – Вы бы, например, наверняка справились, – перебил его Кристл. Но Устав есть Устав. – Он помолчал. – Итак, идем дальше. – Его голос прозвучал спокойно и безразлично – слишком спокойно и безразлично, чтобы казаться естественным, подумал я. – Винслоу. Следующий по старшинству вы, Винслоу. – Это несправедливо – предлагать человеку предельно хлопотливую должность на каких-то пять лет. – На семь, – поправил Деспарда Винслоу. – В октябре мне исполнилось шестьдесят три. – Да, вряд ли это будет справедливо,

– проговорил Деспард-Смит, – если мы предложим вам баллотироваться на должность ректора. – А в каком возрасте справедливо предлагать человеку должность ректора? – с издевкой спросил Рой: он явно сочувствовал Винслоу.

Прежде чем он успел что-нибудь добавить, Гетлиф сказал: Мне кажется, что в принципе ректор должен начинать свою деятельность не позже шестидесяти. Чтобы в запасе у него было, по крайней мере, лет десять. Вы, ведь согласны со мной? – без обиняков спросил он Винслоу. Винслоу опустил голову и насупился. – Разумеется, вы правы, – после мучительно долгой паузы проговорил он. – Мне с самого начала было ясно, что вы именно так и думаете, – облегченно и чересчур задушевно сказал Кристл» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В романе раскрывается структура колледжа, в которой Совет

представлен как значимое звено университетского управления. Назначение Старшего члена Совета представлено как важное событие в жизни наставников:

“Winslow and Crawford exchanged glances, but Despard Smith opened his copy of the statutes, which lay in front of him on the table, and began to read, half intoning in a nasal voice: “When a vacancy in the office of Master shall become known to that fellow first in order of precedence he shall summon within forty eight hours a meeting of the fellows. If the fellow first in order of precedence be not resident in Cambridge, or otherwise incapable of presiding, the duty shall pass to the next senior, and so on. When the fellows are duly assembled the fellow first in order of precedence attending shall announce to them the vacancy, and shall before midnight on the same day authorize a notice of the vacancy and of the time hereby regulated for the election of the new Master, and cause this notice to be placed in full sight on the chapel door” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Винслоу и Кроуфорд переглянулись, но Деспард уже открыл лежащий перед ним Устав и начал читать – слегка нараспев и немного в нос: «Удостоверившись, что должность ректора освободилась, старший член Совета должен не позже, чем через сорок восемь часов провести собрание Совета. При отсутствии вышеназванного члена Совета или если он по каким-либо иным причинам не может выполнить свой долг, его замещает следующий по старшинству член Совета и так далее. Собрав в надлежащее время Совет, старший его член обязан объявить, что должность ректора освободилась, а также проследить за тем, чтобы официально заверенное им объявление об этом факте было вывешено на всеобщее обозрение при входе в храм колледжа не позднее полуночи дня собрания; в объявлении должна быть указана точная дата выборов нового ректора, в соответствии с предписаниями настоящего Устава» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Университетская жизнь регламентирована и организована Уставом, где прописан четкий порядок и дата выборов ректора, его обязанности, жилище, денежное обеспечение:

“He did read the statutes, not only that on the election of the Master, which

he kept till last, but also those on the authority, qualifications, residence, and emoluments. He read very audibly and well, and a good many more minutes passed. At last he came to the statute on the election. He read very slowly and with enormous emphasis. When the fellows are duly assembled the fellow first in order of precedence attending shall announce to them the vacancy.

– I hereby announce to you, – said Gay resoundingly, – a vacancy in the office of Master. – Owing to the death of Mr. Vernon Royce, there is a vacancy in the office of Master of this college. The fellows will meet in the chapel to elect a Master, according to statutes D – F, at ten o'clock in the morning of December the twentieth, 1937” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Он начал читать Устав, причем не Положение о выборах – к нему он обратился позже, – а те параграфы, где говорилось о правах, обязанностях, денежном обеспечении и жилище ректора. Он читал отчетливо и неспешно, а поэтому довольно долго. Наконец дошла очередь и до Положения о выборах. Гей принялся читать совсем медленно – словно бы декламируя: Собрав в надлежащее время членов Совета, старший из них обязан объявить, что должность ректора освободилась.

– Я объявляю вам, джентльмены, – торжественно сказал он, – что должность ректора освободилась.

– Вследствие кончины мистера Вернона Ройса должность ректора в колледже освободилась. Выборы нового ректора, согласно параграфам D-F нашего Устава, состоятся в храме колледжа двадцатого декабря тысяча девятьсот тридцать седьмого года, в десять часов утра» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

2 Верность традициям и следование положениям Устава колледжа

Отношение к религии преподавателей колледжа свидетельствует о такой черте английской культуры, как верность традициям. Колледж в средневековой Англии был учебным заведением монашеского братства, и несмотря на реформы, происходившие по разным мотивам и в разные исторические периоды, он сохранил религиозные традиции, которые соблюдаются в наше время. При этом научные исследования студентов и их

наставников не зависят от их взглядов на религию:

“The Master had spent much of his life working on comparative religion. Oddly, it seemed to have made not the slightest difference to his faith, which had stayed unchanged, as it were in a separate compartment, since he first learned it as a child” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Ректор занимался сравнительной историей религий, однако это совсем не влияло на его собственную религиозность: он оставался таким же бесхитростно верующим, как в детстве, словно ученые занятия не имели никакого отношения к его личности» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Отношение к религиозным обрядам в эпизоде, описывающем похороны главы колледжа, свидетельствует о соблюдении традиций и выражении сочувствия горю другого человека:

“The funeral was arranged for December 8th, and in the days before a sombre truce came over the college... Chrystal was busy arranging for a fellows wreath, to add to those we were each sending as individuals; Despard Smith was talking solemnly about the form of service; there was no wine drunk” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «В ожидании похорон, назначенных на восьмое декабря, колледж уныло, на примирение затих. Ни пятого, ни шестого декабря про выборы никто из нас не заговаривал. Кристл хлопотал о похоронном венке – кроме индивидуальных венков от каждого члена Совета, на гроб ректора обыкновенно возлагался венок от всего колледжа; Деспард-Смит постоянно толковал о похоронном обряде; вина после обеда мы в эти два дня не заказывали» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Традиционность уклада жизни преподавателей колледжа проявляется как в отношении религии, так и в неизменности бытового порядка – обязательное чтение послеобеденной молитвы, за молитвой следует десерт (автор подчеркивает: мужской десерт) – портвейн и орехи, поданные на серебряном блюде:

“Gay said the final grace in aringing voice, and led us slowly back to the room. On the table, a bottle of port was ready for him; though the rest of us preferred

claret, it was a rule that the college should drink port on any night when he came in to dine. As Chrystal helped him off with his overcoat, Gay's eye glittered at the sight of walnuts in a silver dish. Ah. Nuts and wine, he said. Splendid. Nuts and wine. Is the Steward here? Congratulate him for me" [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Гей звонко прочитал послеобеденную молитву и повел нас обратно в профессорскую. Там на овальном столе уже стояла бутылка портвейна; нам всем больше нравился кларет, но по установившемуся обычаю, если Гей обедал в колледже, наставники пили его любимый портвейн. Когда Кристл помог ему снять мантию и пальто, он оглядел стол, увидел орехи на серебряном блюде, и в его глазах засветилось радостное оживление. – Так-так. Мужской десерт, – сказал он – орехи и вино. Великолепно. А где же эконо́м? Я хотел бы принести ему свои поздравления» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Ежедневное потребление спиртного, общеизвестную особенность английской культуры, автор описывает как традиционность уклада жизни. При этом, культура потребления спиртного выражается в том, что в зависимости от времени суток наставники предпочитают определенные виды спиртных напитков:

“At five that afternoon, we found Brown in his rooms. It's a bit early for sherry, he said. I wonder if you feel like a glass of chablis? I opened it at lunchtime, and we thought it was rather special.

He brought out some glasses, and we sat in his armchairs, Brown in the middle. His eyes looked from one of us to the other. He knew we had come for a purpose, but he was prepared to sit there all evening, drinking his wine with enjoyment, and leave the first move to us” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «В пять часов вечера мы зашли к Брауну.

– Для хереса еще рановато, – проговорил он. – Не хотите ли выпить рюмку шабли? Я раскупорил его за ленчем, и оно показалось нам замечательно приятным. Он принес рюмки, и мы сели в кресла – Браун между мной и Роем. Он поглядывал на нас и терпеливо ждал. Зная, что мы явились к нему по делу, он, тем не менее, готов был провести с нами весь вечер, спокойно попивая вино

и дожидаясь, когда мы сами заговорим о том, зачем пришли» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Интересная подробность о традиционности Устава колледжа, согласно которому ректора назначает Епископ (Visitor), если Совет не сможет самостоятельно сделать выбор среди наставников-профессоров:

“By statute, if the fellows could not find a clear majority of their number for one candidate, it was left for the Visitor to appoint. The Visitor had always been, right back to the foundation, the bishop of a northern diocese. I was sure, by the way, that Brown and Chrystal must have thought of this possibility as soon as Jago’s majority was broken. I had myself at moments, though it took time for any of us to believe that a stalemate was the likely end” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «По Уставу, если ни один из кандидатов не набирал абсолютного большинства голосов, ректора назначал епископ – так повелось со времен основания первого кембриджского колледжа. Я, между прочим, был уверен, что Браун с Кристлом уже думали о таком исходе, да и мне эта мысль приходила в голову, однако до начала нынешнего учебного года мы еще надеялись, что нам как-нибудь удастся выйти из создавшегося тупика» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

3 Выборы как кульминация сюжетного развития романа

Согласно параграфу о выборах ректора они проходят в церкви колледжа. Если обратиться к реальности, послужившей основой для вымышленного автором собирательного образа Кембриджа, то на территории университета действительно стоит романская церковь Гроба Господня XII в. и капелла Кингс-колледжа, постройки XV–XVI вв.:

“As the old man drew near, Brown emerged from the chapel door. It was time for me to go.

When I went into the chapel there was complete silence, though most of the college were already sitting there. A long table had been placed in the nave; it was covered with a thick rich crimson tablecloth I had never seen before; and there, with Gay at the head, Pilbrow on his right hand, Despard Smith on his left, the others in order down its length, the fellows sat. The bell clanged outside: in each pause

between the peals, there was complete silence. The chapel was solemn to some by faith; but others, who did not believe, who knew what the result of this morning must be, to whom it was just a form, were nevertheless gripped by the ritual magic” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Из церкви вышел раскрасневшийся Браун – я понял, что он спешно заканчивал последние приготовления к выборам. Я накинул мантию – пора было отправляться и мне.

Когда я вошел в церковь, меня встретила глубокая тишина, хотя почти все мои коллеги уже собрались. В нефе стоял длинный стол, покрытый ярко-алой скатертью, которой я ни разу до сих пор не видел; за столом сидели члены Совета: на председательском месте Гей, справа от него Пилброу, слева Деспард и дальше, в порядке старшинства, все остальные наставники. Колокол продолжал звонить; после каждого удара в церкви воцарялась торжественная тишина: для верующих любое церковное собрание было значительным и боговдохновенным, а на неверующих магически действовала внушительная обстановка старинного ритуала» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Проведение подсчета результатов голосования и провозглашение Кроуфорда ректором колледжа. Во время подсчета голосов проявляются личные качества профессоров, их отношение друг к другу:

“There was a movement, either of relaxation or surprise. I caught Roy Calvert’s eye. There we are, said Gay. There are the votes. Have you counted them?

– Yes, said Despard Smith. Mind you count them carefully, said Gay. We mustn’t make a mistake at the last. Seven votes for Dr Crawford, said Despard Smith bleakly, Six for Dr Jago. Seven votes make a clear majority of the college, and Dr Crawford is elected.

Ah. Indeed. Remarkable. Dr Crawford. I understand – You’re certain of your records, my dear chap? – Certainly. Despard Smith was frowning. I think I must scrutinize them. I ought to make sure. Still standing, the old man held the list of votes two feet from his eyes, and checked each one beside the written slips.

I agree with you, he said genially to Despard Smith. Well done. Seven votes

for Dr Crawford. I must declare him elected. For the last time, a hush fell in the chapel. Gay stood alone, smiling, serene and handsome. Dr Redvers Thomas ArbuthnotCrawford, he called. Crawford rose. Senior Fellow, he said. – I declare you elected this day Master of the college, said Gay. – He added, with a superb and natural air: And now I give the college into your charge. – I thank you, Senior Fellow, said Crawford imperturbably. I thank the college” [Snow, 1959, Электронный ресурс].

«Все зашевелились – то ли удивленно, то ли просто облегченно переглядываясь: выборы были закончены. Рой едва заметно подмигнул мне.

– Итак, джентльмены, – сказал Гей, – я обнародовал волю каждого члена Совета. Вы подсчитали голоса? – Подсчитали, – откликнулся Деспард-Смит.

– Призываю вас проверить свои подсчеты еще раз, – распорядился Гей. – Будет непростительно, если мы совершим ошибку в самом конце. – Семь голосов за доктора Кроуфорда, – с мрачной торжественностью объявил Деспард-Смит, – и шесть – за доктора Джего. Семь голосов составляют абсолютное большинство. Доктор Кроуфорд избран ректором колледжа. – Так-так. Великолепно. Доктор Кроуфорд. Я предполагал. Вы внимательно подсчитали голоса? – Разумеется, – хмурясь, проговорил Деспард-Смит.

– Мне кажется, я должен проверить ваши подсчеты, – сказал Гей. – Держа листок Деспарда с подсчетом голосов в вытянутой руке, он сличил каждую запись с соответствующим избирательным бюллетенем. – Вы были правы, – не унывая сказал он Деспарду. – Превосходно. Семь голосов за доктора Кроуфорда. Я должен официально провозгласить его ректором нашего колледжа. В церкви опять воцарилась тишина. Гей – элегантный, улыбающийся и сдержанный – проговорил: – Доктор Редверс Томас Арбетнот Кроуфорд!

Кроуфорд встал. – Я провозглашаю вас ректором этого колледжа! – объявил Гей. А потом величественно, но очень естественно, добавил: – И поручаю колледж вашим заботам. – Благодарю вас, господин председатель, – спокойно проговорил Кроуфорд. – Благодарю вас, господа» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Традиционность выборов ректора (Мастера) с процедурой присяги приобретает черты религиозного ритуала, сохранившегося со времен монашеского братства:

“At ten o’clock in the morning of the appointed day the Fellows shall assemble in the chapel, and of the fellows then present that one who is first in order of precedence shall preside. He shall first read aloud – Gay looked up from the book. This is the appointed day, there’s no doubt about that. And I am the fellow first in order of precedence. Now is the time to do my duty...

Gay vigorously recited: I, Maurice Harvey Laurence Gay, do hereby declare that I have full knowledge of the statutes just read and will solemnly observe them. I do also hereby declare that without thought of gain or loss or worldly considerations whatsoever I will now choose as Master that man who in my belief will best maintain and increase the well being and glory of the college. I vow this in sincerity and truth” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «В назначенный день члены Совета должны явиться в храм колледжа к десяти часам утра и приступить к выборам нового ректора под председательством старшего из собравшихся членов Совета. Прежде всего он должен прочесть вслух – Тут Гей оторвал взгляд от Устава и посмотрел на нас. – Именно сегодня – назначенный день, в этом нет никаких сомнений, джентльмены, – сказал он. – А я – старший из собравшихся членов Совета. Поэтому я и приступил к выполнению моего долга.

Он принялся звонко декламировать, не заглядывая в Устав: – Я, Морис Гарвей Лоренс Гей, заявляю, что мне полностью понятны только что прочитанные параграфы Устава, и торжественно клянусь соблюдать их предписания. Я заявляю также, что без каких-либо корыстных помыслов изберу в ректоры нашего колледжа того, и только того человека, который, по моему глубокому убеждению, лучше других членов Совета сумеет поддерживать и приумножать благосостояние и добрую славу нашего сообщества. Я даю этот обет искренне, бескорыстно и честно» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Демократический принцип работы совета наставников, выбор которых считается актом независимого волеизъявления, подтверждается

описываемой в романе процедурой открытого голосования:

“The declarations passed across the table, came to the young men. At last Luke had completed his: we all stayed on our feet. Is that everyone? said Gay. – I want to be assured that everyone has made his declaration according to the statutes. That’s well done again. Now we may sit down and write our votes. Ah. All ready? Pray read over your votes, he said.

Then he called out: I will now request the junior fellow to collect your votes and deliver them to me. I shall then read them aloud, as prescribed in the statutes. I request the two next senior fellows to make a record of the votes as I announce them. Yes, that’s the work for them to do. Now is the time to read the votes, Gay announced. Once more he clutched the table and got to his feet. He held the slips at arm’s length, in order to focus his faded, long sighted eyes. He recited, in the clearest and most robust of tones: Here they are. – I, Walter John Luke, vote for Dr Paul Jago.

– I, Roy Clement Edward Calvert, elect Paul Jago” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Один за другим наставники вставали и произносили присягу. Через несколько минут очередь дошла до Льюка. Когда он замолчал, Гей спросил: – Больше никого нет? Я должен быть уверен, что присягнули все члены Совета, как того требует Устав. Значит, с этим тоже покончено. Теперь мы можем сесть и написать, кого мы выбираем. – Так-так, – проговорил он. – Все готовы? Прошу каждого перечитать то, что он написал. Потом Гей скомандовал: А теперь пусть младший член Совета соберет бюллетени и передаст их мне. Я, как того требует Устав, обнародую волю каждого члена Совета. А вы, Пилброу, и вы, Деспард, должны записать, кто за кого проголосовал – по Уставу эта работа поручается двум старшим, после председателя, членам Совета. – Настало время обнародовать волю членов Совета. – Опершись о столешницу, он встал и, держа пачку листков в вытянутой руке, потому что был дальновзорким, торжественно сказал: – Итак, будьте внимательны, джентльмены! – Я, Уолтер Джон Льюк, голосую за доктора Джего. – Я, Рой Клемент Эдвард Калверт, избираю в ректоры колледжа Пола Джего» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

4 Политические и религиозные разногласия между преподавателями колледжа, их взаимоотношения

Политические взгляды наставников различны, от умеренноконсервативных до крайне демократичных. Но в профессиональном сообществе им приходится проявлять лояльность, а иногда действовать «наперекор собственному мировоззрению», своим политическим взглядам: “They were both *sound* conservatives in politics, and in religion conforming and unenthusiastic churchmen. But in the college they formed the active, if sometimes invisible, part of a progressive government. (College politics often cut right across national ones: thus Winslow, an upper class radical, became in the college extremely reactionary, and Francis Getliffe and I, both men of the left, found ourselves in the college supporting the government” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Они были «надежно», то есть умеренно, консервативны и привычно – без воодушевления – религиозны, однако в колледже активно поддерживали прогрессивное руководство, хотя далеко не все наставники это замечали. Надо сказать, что во внутренней жизни колледжа многие из нас очень часто действовали наперекор собственному мировоззрению: так, например, крайний радикал Винслоу превращался в ярого реакционера, а мы с Фрэнсисом Гетлифом, не без оснований считая себя «левыми», всегда помогали «правительству» колледжа – Ройсу, Джего, Брауну и Кристлу, – хотя наши общеполитические взгляды были, по существу, противоположны воззрениям этой группы» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Отношения между коллегами колледжа как социальное явление представляют несомненный интерес в культурологическом аспекте. С одной стороны они свидетельствуют о сдержанности как национальной черте английского характера, с другой, об изолированности замкнутого университетского пространства, в котором сосуществование представляется единственно возможным вариантом существования. Наставникам приходится общаться в колледже независимо от истинного отношения друг к другу:

“He was the one man in the college whom I actively disliked, and he disliked

me at least as strongly. There was no reason for it; we had not one value or thought in common, but that was true with others whom I warmly liked; this was just an antipathy as specific as love. Anywhere but in the college we should have avoided each other. As it was, we met most nights at dinner, talked across the table, even spent, by the force of social custom, a little time together. It was one of the odd features of a college, I sometimes thought, that one lived in social intimacy with men one disliked: and, more than that, there were times when a fraction of one's future lay in their hands. For these societies were always making elections from their own members, they filled all their jobs from among themselves, and in those elections one's enemies took part" [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Найтингейл, единственный из всех наставников, был мне решительно неприятен, – да и он меня, мягко говоря, не жаловал. Наша взаимная неприязнь, подобно любви, вспыхнула, когда мы познакомились, без всяких видимых причин: у нас не было ни общих духовных интересов, ни разногласий – ничего общего, а ведь многим коллегам, столь же чуждым мне по духу, я искренне симпатизировал. Только колледж нас и объединял: в других условиях мы наверняка держались бы друг от друга подальше. Но здесь нам почти каждый вечер приходилось встречаться за обеденным столом и поддерживать вежливую беседу, а иногда – под давлением социальных обычаев – мы даже проводили вместе свое свободное время. Насильственная социальная общность – я часто размышлял об этой поразительной черте кембриджской жизни; но еще поразительнее было то, что нередко социальную судьбу ученого решали его враги. Все административные должности в колледжах были выборными, и, значит, человек, выдвинутый на какой-нибудь должностной пост, частично зависел от своих недругов, которые принимали участие в голосовании» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

5 Бытовые и финансовые условия преподавателей

Особенность финансовой стороны университетской жизни описана в эпизоде обсуждения преподавателями кандидатуры нового главы колледжа. Повышение зарплаты у наставников в колледже не прямо пропорционально

росту их служебного положения. Наставник зарабатывает 1800 фунтов в год, а ректор всего 1500, причем, ректор не имеет права заниматься ничем другим, кроме основной работы, совместительство ему запрещено:

“He may not be able to afford it. Put it another way – he’d certainly drop a bit over the exchange. With his university lectureship and his college teaching work, as Senior Tutor, he must make all of £1,800 a year, and the house rent free. As Master he’ll have to give up most of the other things, and the stipend of the Master is only £1,500. I’ve always thought it was disgracefully low, it’s scarcely decent. Of course, he gets the Lodge free, but the upkeep will run him into a lot more than the Tutor’s house” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Есть вероятность, что он не сможет занять этот пост. Или, говоря иначе, не сможет пойти на сокращение своих доходов. Сейчас, читая лекции в университете и курируя студентов как старший наставник, он зарабатывает тысячу восемьсот фунтов в год, причем, ему не надо платить за жилье. Став ректором, он будет вынужден отказаться от других занятий, а за ректорство у нас платят всего полторы тысячи фунтов. Я всегда считал, что это ничтожное, почти неприличное для главы колледжа жалование. Правда, Резиденцию колледж предоставляет ректору бесплатно, но на ее содержание Джего потребуется гораздо больше денег, чем на содержание его нынешнего дома» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Из-за ограниченности и замкнутости территории небольшого университетского городка проведение свободного времени преподавателей приобретает черты традиционности:

“While we were walking round the garden, Roy Calvert asked Winslow to go with him to the pictures. Winslow was puzzled by the invitation, grumbled that he had not been for years, and yet was touched. In the end, they went off together and I was left in search of Brown” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «После прогулки Рой предложил Винслоу посмотреть какой-нибудь фильм. Тот удивленно пробурчал, что не был в кино уже много лет, но его определенно обрадовало предложение Роя, и через несколько минут они распрощались со мной, а я отправился к Брауну» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Традиция сопровождать беседу курением и потреблением спиртного, закрепившаяся в европейской культуре, в том числе, английской, не осуждается автором, а констатируется как факт:

“He was smoking a pipe, and his expression was not as elated as it had been that morning. Even when Brown produced a bottle of madeira – it needs something rather out of the ordinary to drink Sir Horace’s health – Chrystal responded with a smile that was a little twisted, a little wan. He was dispirited because his triumph, like all triumphs, had not been as intoxicating as he had imagined it. He emptied his glass absently, and smoked away. He interrupted a conversation with a sharp question: What was your impression of this afternoon?” [Snow, 1959, Электронный ресурс].

«Он мрачно попыхивал трубкой и, когда Браун открыл бутылку мадеры, объявив, что за здоровье сэра Хораса надо выпить по-настоящему хорошего вина, улыбнулся словно бы через силу. Ему казалось, что его победу недооценили, это очень часто случается с победителями. Он равнодушно выпил вино, глубоко затянулся и, на полуслове прервав нашу беседу, спросил у Брауна:

– Так что вы думаете о собрании?» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Приверженность историческим традициям организации быта преподавателей подтверждается фактом предоставления профессорам служебных квартир на территории колледжа. Это одно из условий контракта, закрепленного Уставом и отсылающего к определенному историческому периоду. В отечественной практике также существует традиция предоставления квартир преподавателям. Например, в Москве – это дом профессоров МГУ на Ломоносовском проспекте, д. 14, в Новосибирске – академгородок рядом с университетом.

Квартира Артура Брауна:

“I called at Brown’s rooms, as we had arranged with Chrystal, at eleven o’clock next morning. They were on the next staircase to mine, and not such a handsome set; but Brown, though he went out each night to his house in the West

Road, had made them much more desirable to live in. That day he stood hands in pockets in front of the fire, warming his plump buttocks, his coat tails hitched up over his arms” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «На другой день я отправился к Брауну: накануне вечером, прощаясь, он предложил нам с Кристлом встретиться у него в одиннадцать часов утра. Его служебная квартира располагалась как раз рядом с моей. Изначально она была распланирована и отделана хуже, чем моя, но, хотя Браун каждый вечер уезжал к себе домой на Уэст-роуд, ему удалось превратить свою служебную квартиру в очень уютное жилище. Когда я пришел, он стоял спиной к пылающему камину, приподняв сзади фалды фрака и придерживая их по бокам засунутыми в карманы брюк руками» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Квартира Пола Элиота, персонажа, от лица которого ведется повествование:

“I had drawn my curtains early that evening and not moved out. The kitchens had sent up a meal, and I had eaten it as I read by the fire. The fire had been kept high and bright all day; though it was nearly ten o’clock now, I stoked it again, shovelling coal up the back of the chimney, throwing it on so it would burn for hours. It was scorchingly hot in front of the fire, and warm, cosy, shielded, in the zone of the two armchairs and the sofa which formed an island of comfort round the fireplace” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Я рано задернул шторы и весь вечер просидел дома. Присланный мне ужин я съел, читая книгу, на столике у камина. Огонь в камине ярко пылал весь день, и сейчас, хотя было уже почти десять часов, я сгреб еще не сгоревшие угли в кучу, подсыпал новых и сдвинул их к задней стенке камина, под тягу дымохода, чтобы пламя подольше не заглохло» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Квартира Альберта Теофилуса Деспарта-Смита:

“His inner room was dark, over furnished by the standards of the twentieth century, packed with cupboards, tables, glass fronted cases full of collections of pottery. Bleakly he said: Can I offer you a nightcap? and opened a cupboard by the fireplace. I had a glimpse of a great array of empty whisky bottles; he brought out one

half full and another glass” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Комната, загроможденная, по меркам двадцатого века, старомодной мебелью – столиками, шкафами, горками с керамикой, – казалась темноватой и тесной. Деспард угрюмо сказал: – Разрешите предложить вам вечернюю ч-чарочку, – и открыл шкаф, стоявший возле камина. На полках шкафа я разглядел батарею пустых бутылок; Деспард вытащил початую бутылку виски и чистый стаканчик» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

6 Сдержанность как национальная особенность английского характера

Сдержанность как черта английского воспитания: *«Спартанское воспитание, свойственное британскому характеру, выработанное на протяжении истории, требовало, чтобы при людях они скрывали свои чувства»*. Сдержанность в выражении эмоций, граничащая в некоторых ситуациях с равнодушием, по сути, не равнозначна черствости, отсутствия эмпатии. Коллеги пришли на отпевание ректора в церковь, чтобы выразить уважение и сопричастность чужому горю, поддержать семью ректора в тяжелую минуту пришли друзья юности, коллеги по работе, ректора других учебных заведений:

“Next afternoon, the bell tolled and the chapel filled up for the funeral. Lady Muriel and Joan sat in the front rows with their backs like pokers, not a tear on their faces, true to their Spartan training: they would not show a sign of grief in public and it was only with Roy that they broke down. All the fellows attended but Pilbrow, from whom there was still no news; even Winslow came into the chapel, for the first time since Royce’s election. Many of the heads of other colleges were there, all the seven professors of divinity, most of the orientlists and theologians in the university; and also a few men who went by habit from college to college for each funeral” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «На завтра, в четыре часа пополудни, церковный колокол возвестил о начале похоронной церемонии. Леди Мюриэл и Джоан сидели в церкви на передних скамьях – не сутулясь, с сухими глазами, – спартанское воспитание требовало, чтобы при людях они

скрывали свои чувства; их слезы видел только Рой Калверт. В церковь пришли все члены нашего Совета, кроме Пилброу, от которого до сих пор не было никаких вестей; пришел даже Винслоу – в первый раз после выборов Ройса. Среди собравшихся было несколько ректоров других колледжей, историки религии и востоковеды, университетские профессора богословия да пять или шесть любителей похоронных обрядов, которые неизменно присутствуют на любых похоронах» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

2.1.2.2. Роман “Corridors of Power” («Коридоры власти»)

В исследуемом романе социокультурный компонент представляет в реалистической манере, свойственной стилю писателя, структуры государственного аппарата и деятельность крупных чиновников Великобритании. По признанию автора, словосочетание «коридоры власти» как метафора властных структур было им придумано и использовано в одном из своих произведений и вскоре вошло в лексикон журналистов, поэтому для названия своего нового романа он выбрал его несмотря на то, что «коридоры власти» (кулуары власти) стали газетным штампом: “So I announced the title, and since have been stuck with it, while the phrase has kept swimming in print before my eyes about twice a week and four times on Sundays, and has, in fact, turned into a *cliché*. But I cannot help using it myself, without too much inconvenience. I console myself with the reflection that, if a man hasn’t the right to his own *cliché*, who has” [Snow, 1964, Электронный ресурс].

Классификация социокультурной лексики романа основана на анализе иллюстративного материала романа и включает следующие разделы:

- структурный состав чиновников Государственного управления; вопрос ядерного вооружения Англии как кульминация сюжетного развития романа;
- министерство, Парламент, географические названия, связанные с темой «госучреждения Англии»;
- власть и политика, политические и морально-этические разногласия между

- госчиновниками и учеными по вопросу ядерного вооружения Англии;
 – вопросы воспитанности и воспитания в традициях высшего общества.

1 Структурный состав чиновников Государственного управления.

Парламентская фракция консерваторов

Парламентская фракция консерваторов, основные действующие лица романа, как члены партии большинства, они занимают ключевые посты управления страной. Главным персонажем романа выступает **Роджер Куэйф**:

“Roger Quaife was a youngish Conservative member who was beginning to be talked about” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Роджер Куэйф – *депутат-консерватор*, из молодых, – в последнее время стал заметно выдвигаться» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Молодой представитель консервативной партии, выходец из провинции, он поставил перед собой цель добиться власти, то есть занять такой пост, который позволил бы ему иметь реальную власть над людьми и событиями. Провинциальное происхождение Куэйфа выдает его говор, произношение. Нельзя считать это английской национальной особенностью, в русском языке также различаются местные говоры, москвичи отличаются от петербуржцев, различаются южные, северные и другие говоры, провинциала замечают в столичных городах по манере говорить:

“His tone was different from that of his friends. I could not place his accent. But it was nothing like that of Eton and the Brigade; any of the others would have known, and Mrs Henneker might have said, that he did not come *out of the top drawer*. In fact, his father had been a design engineer, solid provincial middle-class. He wasn't young, despite Mrs Henneker's adjective. He was only five years younger than I was, which made him forty-five” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «У него была несколько иная интонация, чем у его приятелей. Но какая именно, определить я не мог. Воспитанники Итона и гвардейские офицеры говорят не так; прислушавшись, каждый заметил бы – а миссис Хеннекер могла бы и заявить во всеуслышание, – что к *«сливкам» он не принадлежит*. И в самом деле, отец его был инженер-конструктор, солидный, преуспевающий

провинциал. Хоть миссис Хеннекер и назвала его молодым человеком, он был не так молод, всего на пять лет моложе меня, следовательно, ему было все сорок пять» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Роджер Куэйф принадлежит среднему классу, он образован, достаточно обеспечен, но не богат. Женившись на аристократке, он достигает первой ступени своей цели – богатства и знатного титула:

“It was not that Roger Quaife had a title — but his wife was the daughter of an earl, one of a rich aristocratic family who in the nineteenth century had been Whig grandees” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «У самого Куэйфа титула не было, но жена его – дочь графа – принадлежала к богатому аристократическому роду, из которого в девятнадцатом столетии вышло несколько видных деятелей партии вигов» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Указание автора на принадлежность предков жены Роджера Куэйфа к партии вигов, о многом говорит английскому читателю, но требует социокультурного комментария в переводе: Партия вигов появилась как политическое образование в XVII веке, в нее вошли обедневшие аристократы, занявшиеся торговлей или промышленностью, именно такова родословная Кэро – жены Куэйфа. Она подчеркивает аристократизм своего происхождения фамильными драгоценностями, в которых она блистает на приемах высшего света:

“A maid took us upstairs to the drawing-room, bright with chandeliers, drink-trays, the dinner-shirts of the two men already standing there, the necklace of Caro Quaife glittering as she took our hands” [Snow, 1964, Электронный ресурс].

«Горничная проводила нас наверх в гостиную, где так и сверкали огни люстр, уставленные рюмками подносы, крахмальные рубашки двух опередивших нас гостей и ослепительно сияло ожерелье Кэро Куэйф: она подошла пожать нам руки» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Отношение Куэйфа к жене остается за текстом, но счастливый для Кэробрак представлен в ряде эпизодов:

“She was tall and pretty, in her middle thirties, just beginning, though she was

still elegant, to thicken a little through the waist. Her voice was warm, full, and often disconcertingly loud. She gave out a sense of natural and exuberant happiness – as though it were within the power of everyone around her to be as happy as she was” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Ей было лет тридцать пять; высокая и миловидная, она уже начинала полнеть, но еще оставалась изящной и стройной. Голос ее, выразительный и низкий, нередко звучал излишне громко. От нее веяло неподдельным, через край бьющим счастьем – невольно казалось, что и все вокруг могут стать такими же счастливыми, стоит только захотеть» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Члены парламента от консервативной партии.

В романе члены консервативной фракции парламента представлены среди гостей великосветского приема:

“As for the others, there appeared to be three couples, all the men Tory back-benchers, none of them older than forty, with wives to match, young, strapping matrons such as one saw in the *Kensington streets at four in the afternoon, collecting their children from fashionable pre-preparatory schools*. There was also an elderly woman called Mrs Henneker” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Что касается остальных приглашенных, то это были три супружеских пары: мужья – *рядовые члены парламента от консервативной партии*, все не старше сорока, жены им под стать – молодые, видные, подтянутые, каких встречаешь часа в четыре на улицах, прилегающих к *Кенсингтонскому парку*, когда они забирают детей из *фешенебельных детских садов*. И еще здесь была пожилая женщина – некая миссис Хеннекер» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Том Уиндем, зять Миссис Хеннекер по рождению принадлежит правящему классу:

“His interlocutor was Mrs Henneker’s son-in-law, amancalled Tom Wyndham. He confronted Rubin with a cheerful stare, full of the assurance of someone *brought up in a ruling class*, an assurance which did not exactly ignore changes in power, but shrugged them off” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Обладатель баса был некто *Том Уиндем* – зять миссис Хеннекер. Он весело

смотрел на Рубина, и во взгляде его была самоуверенность человека, *по рождению принадлежащего к правящему классу*, самоуверенность, которая не то, что позволяет закрывать глаза на возможность перехода власти в другие руки, но помогает спокойно отмахиваться от подобной перспективы» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Среди гостей приема внимание привлекает *группа ученых-физиков*, создателей атомного оружия. **Дэвид Рубин – американский физик**, известный ученый, советник американского премьер-министра, кандидатура Рубина выдвинута на Нобелевскую премию:

“I looked round, as Caro stood up with cries of welcome. I was taken aback. Yes, it was the David Rubin I knew very well, the American physicist. He came in, very quiet and guarded, *pearl cuff-links in his sleeves, his dinner jacket newer and more exquisite than any man's there*. He was, so my scientific friends said, one of the most distinguished of scientists: but unlike the rest of them, he was also something of *a dandy*” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Да, это он самый – Дэвид Рубин, *американский физик* и мой хороший знакомый. Он вошел, очень скромный, чуть настороженный; *смокинг на нем был с иголки*, куда более элегантный, чем на ком-либо из гостей, *манжеты скрепляли жемчужные запонки*. От своих приятелей в ученом мире я знал, что он один из самых выдающихся физиков современности, однако в отличие от них всех, он был еще *и франт*» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Занимая пост советника своего (американского) правительства, Рубин имел решающий голос по вопросу Проекта-А, в романе он представлен как скромный, вежливый, но уверенный в себе специалист:

“Rubin gave an apologetic smile. He was the most polite of men. He had been born in Brooklyn, his parents still spoke English as a foreign language. But he had his own kind of assurance: it did not surprise him to be told that he was the favourite for that year's *Nobel physics prize*. Rubin did not in any case, find it easy to be as direct as Roger. He was an adviser to his own government; further, and more inhibiting, he was hyper-cautious about giving pain” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Рубин

виновато улыбнулся. Он был на редкость вежливый человек. Родился он в Бруклине, и для его родителей английский так и не стал родным языком. Но и он не лишен был уверенности в себе: ничуть не удивился, узнав, что у него есть все шансы получить в этом году *Нобелевскую премию*. Рубину было нелегко ответить с той же прямоотой. Он занимал пост советника при своем правительстве» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Ученый, специалист в области ядерной физики Фрэнсис Гетлиф:

“As we waited for Roger, Francis was vexed. He was getting more irritable, more occupied with punctilio, as he grew older. He and I had been friends since our early twenties. At this time he was fifty-two, and already an elder statesman of science. He had thought more effectively about military-scientific strategy than anyone had, and it was his views which had influenced us most. But now he had to force himself to produce them. He had found a new field of research, and was working as obsessively as when he was a young man. It was a physical strain to be torn away from it, to be dragged up from Cambridge for that lunch. He stood by the window, his face sculptured, hidalgo-like, his fingers nervous, as he spun the stem of a glass” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Роджер запаздывал, и Фрэнсис постепенно накалялся. С годами он становился все раздражительнее, все педантичнее. Мы с ним подружились еще в студенческие годы. Сейчас ему было пятьдесят два, и он уже стал крупнейшей величиной в научном мире. Он лучше, чем кто-либо, разбирался в проблемах военно-научной стратегии, и с его мнением мы всегда считались больше всего. Но сейчас, чтобы высказать какое-то мнение, ему приходилось делать над собой усилие. Он нашел для себя новую область исследований и работал с юношеской одержимостью. Ему стоило большого труда оторваться ради этого завтрака от работы и приехать сюда из Кембриджа. Худой, с чеканным профилем испанского идадьго, он стоял у окна и нервно крутил в пальцах рюмку» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Персонаж Гетлифа реализует в романе конфликтную интригу вопроса ядерного вооружения Англии в середине прошлого века. Мнение некоторых ученых, таких, как он, занимавшихся разработкой независимой системы

доставки (ракетами серии Blue Streak), способствовало решению правительства страны о запуске Программы дальнейшей разработки средств доставки ядерного оружия:

“Francis, who did not often go in for public controversy, had not long before screwed himself up to write a pamphlet. In it he had said that there was no military rationale behind the nuclear policy. This analysis had got him into trouble, mostly in America, but also in England. In some Right-thinking circles, it had seemed not only preposterous, but also heretical, and something like wicked” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Фрэнсис, который не часто вступал в открытую полемику, незадолго до этого заставил себя написать популярную брошюру. В ней говорилось, что в военном отношении ядерная политика – бессмыслица. За это он подвергся яростным нападкам – главным образом в Америке, но и в Англии тоже. В некоторых правых кругах взгляды, высказанные в брошюре, сочли не только нелепыми, но и кощунственными и даже опасными» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Ученый-ядерщик Уолтер Льюк:

“By his side, Walter Luke looked seamed, confident, grizzled, low-slung, more prosaic. Yet the scientists said that he had been unlucky: he had a scientific imagination as powerful as Francis, or more so: in a peaceful world, he might have done work of genius. As it was, he had been busy on what he called *hardware* since 1939: he was still not forty-four, but he had been head of the *Atomic Energy* establishment for years. He was not as vexed as Francis, but was swearing like the dockyard hand his father used to be” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Рядом с ним Уолтер Льюк, седоватый и сутулый, с помятым, самонадеянным лицом, выглядел куда более заурядно. Однако ученые считали, что ему просто не повезло, что по размаху творческой мысли он ничуть не уступает Фрэнсису, а пожалуй, и превосходит его. В мирное время он, возможно, делал бы гениальные открытия. Но вышло так, что с 1939 года он занимался – по его выражению – «скобяным товаром». Ему не было еще и сорока четырех лет, а он уже многие годы возглавлял Атомный центр. Он не так злился на опоздание

Роджера, как Фрэнсис, но это не мешало ему сыпать отборными ругательствами, которым он выучился у своего отца – портового грузчика» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Льюк, как видно из указания на профессию его отца, не имеет аристократического происхождения, но он ключевая фигура атомной программы, известный гарвардский физик, и его присутствие на приеме необходимо. Раньше других осознав перспективу развития событий, он спокойно воспринимает их ход:

“Luke bristled with energy. From his manner, no one would have guessed that he hadn’t enjoyed coming down on this side. He had a simple, integral patriotism. He had shared the scientists’ moral concern, but if his country could have kept the highest military power, he would have made any sacrifice. His tough mind, though, told him it was impossible, and he put the regret behind him” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Льюк излучал неукротимую энергию. Слушая его, трудно было поверить, что он без особого восторга занял такую позицию. Он преданно и бесхитростно любил свое отечество. Он не хуже других ученых сознавал всю тяжесть лежащей на них моральной ответственности, однако, не задумываясь, пошел бы на любые жертвы, если бы это содействовало военному превосходству Англии. Но трезво рассудив, что это невозможно, он не стал тратить время на пустые сожаления» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Профессор Бродзинский, физик-ядерщик, работавший после войны в Барфорде:

“It was true that Brodzinski loved English flummery, with a passion that made Roger’s more conservative friends look like austere revolutionaries. He had been a refugee from Poland in the late ’thirties. During the war he had made a name, working in one of the Admiralty scientific departments. Afterwards he had spent some years at *Barford*, had quarrelled with Luke and others, and recently taken a professorship. It was true that he had immersed himself, with fanatical devotion, in what he thought of as English life. He knew all the English snobberies, and loved them so much that they seemed to him morally right. He had dedicated himself to the

politics of the English ultra-right. He addressed Francis Getliffe and Walter Luke, with extreme relish, as Sir Francis, and Sir Walter. Despite all that, or perhaps because of it, he was unyielding about his idea, and, instead of listening to Quaife's persuasions, he was determined to make Quaife listen to him" [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Бродзинский и правда был поклонником английской светской мишуры, да таким ревностным, что рядом с ним самые консервативные друзья Роджера казались суровыми революционерами. Он бежал в Англию из Польши в конце тридцатых годов. Выдвинулся во время войны, работая в одном из научных отделов Адмиралтейства. После войны несколько лет проработал в *Барфорде*, рассорился с Льюком и другими учеными и недавно был назначен профессором в Империял-Колледж. Правда и то, что он просто упивался тем, что казалось ему истинно английским образом жизни. Все оттенки английского снобизма были известны ему до тонкости и так его восхищали, что он полностью оправдывал их. Он горячо поддерживал крайне правых. Ему доставляло наслаждение величать Фрэнсиса Гетлифа и Уолтера Льюка «сэром Фрэнсисом» и «сэром Уолтером». И, несмотря на все это, а может быть, именно поэтому, он упрямо держался своего замысла, вовсе не желал слушать Куэйфа и, очевидно, решил во что бы то ни стало его переубедить» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Секретари Государственного управления Гектор Роуз и Дуглас Осбалдистон:

“The *Permanent Secretary* was an old colleague of mine, *Douglas Osbaldiston*, who was being talked of now just as Rose had been, nearly twenty years before. He was the newest bright star, the man who, as they used to say about Rose, would *be Head of the Civil Service* before he finished.

On the surface, he was very different from Rose, simple, unpretentious, straightforward where Rose was oblique, *humbly born while Rose was the son of an Archdeacon*, and yet as cultivated as an old-fashioned civil servant, and exuding the old-fashioned amateur air. He was no more an amateur than Rose, and at least as clever. Once, when he had been working under Rose, I had thought he would not be

tough enough for the top jobs. I could not have been more wrong.

He had studied Rose's career with forethought, and was determined not to duplicate it. He wanted to get out of his present job as soon as he had cleaned it up a little – This is a hiding to nothing, he said simply – and back to the *Treasury*” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Непременный секретарь был мой давнишний коллега Дуглас Осбалдистон, о котором сейчас говорили то же самое, что лет двадцать назад о Роузе. Его считали восходящей звездой и говорили (как когда-то о Роузе), что со временем он встанет во главе Государственного управления.

На первый взгляд он резко отличался от Роуза: прост в обращении, скромн, прямодушен в тех случаях, когда Роуз бывал уклончив; *невысокого происхождения, тогда как Роуз был сыном архидьякона*. Вместе с тем он обладал прекрасными манерами государственного чиновника старой школы и держался, как принято было держаться в старину – несколько небрежно. На самом деле небрежности в нем было не больше, чем в Роузе, а ума уж никак не меньше. Прежде, когда он еще работал под началом Роуза, я воображал, что для *высших должностей ему недостает твердости*. Я жестоко заблуждался.

Он тщательно изучил карьеру Роуза и твердо решил не повторять его ошибок. Он старался поскорее наладить дела, чтобы распрощиться с нынешней должностью (Тут же ничего не добьешься, – напрямик говорил он) и вернуться в *Казначейство*» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

О Гекторе Роузе автор замечает:

“The appointment had more than a conversational interest for Hector Rose. Since the war, what in our jargon we called *"the coordination of defence"* had been split up. The greater part had gone to a new Ministry. It was this Ministry of which Roger had just been appointed *Parliamentary Secretary*. In the process, Rose had lost a slice of his responsibilities and powers. Very unfairly, I could not help admitting. When I first met him, he had been the youngest Permanent Secretary in the service. Now he was only three years from retirement, having been in the same rank, and at the same job, longer than any of his colleagues. They had given him *the Grand Cross of the Bath*, the sort of decoration he and his friends prized, but which

no one else noticed. He still worked with the precision of a computer” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Назначение Роджера представляло для Роуза не только отвлеченный интерес. После войны так называемая *«работа на оборонку»* пошла у нас по разным каналам. Большею частью ею теперь занималось вновь созданное министерство, то самое, куда Роджера назначили сейчас *товарищем министра*. При этой *реорганизации Роуз лишился части своих обязанностей и полномочий*, что, на мой взгляд, было весьма несправедливо. Когда мы с ним познакомились, он был самым молодым непрямым секретарем в *Государственном управлении*. Теперь ему оставалось три года до отставки, и все это время он дольше, чем кто-либо из его коллег, пробыв в одном и том же чине, на одной и той же должности. Он *получил орден Бани – награду*, которую высоко ценили он и его приятели, но которую, кроме них, никто не замечал. Он по-прежнему работал с точностью электронно-счетной машины» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Министр – лорд Гилби:

Лорд Гилби внутри текстового пространства исследуемого романа возглавляет новое министерство. В романе переводчик предпочел назвать новую структуру ядерных вооружений *министерством*, а не *департаментом* или *управлением*, что соответствовало бы английскому названию *department*, возможно с целью унифицировать статус госчиновников нового подразделения и приравнять их к министерскому рангу.

Для развития сюжетной линии романа важно замечание о происхождении Гилби – из знатного аристократического рода, об участии в двух войнах – сражался на фронте, проявил себя храбрым офицером, о его взвешенных решениях важных вопросов:

“It was not even that Gilbey had been a soldier so eminent that his juniors could not nobble him now. When they called him *the Old Hero*, it was not a jibe; he had been an abnormally brave fighting officer in both wars, and had commanded a division in the second. That had been his ceiling. If he had been even reasonably capable, the military in the clubs used to say, he couldn’t have helped but go right to

the top, since it was hard for a man to be better connected. His peerage had come by birth, not as a military reward. So far as there were aristocrats in England, he was one” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Гилби не имел достаточно высокого воинского звания, что оказывало бы сдерживающее влияние на людей ниже его чином. *Прозвище Старый герой* было дано ему не в насмешку – обе войны он провел в действующей армии и показал себя исключительно храбрым офицером; во время второй мировой войны он командовал дивизией. Однако дальше он не пошел. Я слышал от военных, что, будь у него хотя бы средние способности, он автоматически дошел бы до самых вершин, ибо трудно было представить себе человека, обладающего лучшими связями. Звание пэра досталось ему по наследству, а не за заслуги в войне. Он был, что называется, потомственным английским аристократом» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В тексте информация о политической борьбе между партиями в парламенте, между сторонниками и противниками дальнейших разработок ядерных вооружений служит фоном для выявления философско-эстетической стороны текста, для выявления его содержательно-концептуальной информации, ключевого для автора вопроса отношения человека к власти, но без знания ситуации и происходящих событий эта задача трудновыполнима:

“The point was, the new department, like anything connected with modern war, spent money, but did not, in administrative terms, have anything to show for it. Rose and the other administrators had a feeling, the most disagreeable they could imagine, that things were slipping out of their control. No Minister had been any good. The present incumbent, Roger’s boss, *Lord Gilbey*, was the worst of any. Civil servants were used to Ministers who had to be persuaded or bullied into decisions. But they were at a loss when they came against one who, with extreme cordiality, would neither make a decision nor leave it to them” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Ни один из сменившихся здесь министров их не устраивал. Теперешний же – *лорд Гилби*, – непосредственное начальство Роджера, оказался хуже всех. Высшие государственные чиновники привыкли к министрам, которых приходилось или уговаривать, или запугивать, чтобы они приняли то или иное

решение, но, столкнувшись с таким, который, встречая их с отменной любезностью, не желал, однако, ни сам принять решение, ни предоставить это подчиненным, они окончательно растерялись» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Вопрос для Англии исторического периода, представленного в романе, заключался в выборе политического ориентирования страны и направления развития оборонного комплекса. В результате долгих споров и обсуждений в Парламенте, не без влияния экономического и политического характера Великобритании не стала запускать программу по разработке независимой системы доставки (ракетостроения) после отмены ракеты Blue Streak, а подписала договор о закупках у США готовой системы доставки (ракет) вместе с боеголовками:

“That morning, as we waited to go in to Gilbey, it did not take us five minutes to settle our tactics. First — we were both over-simplifying — there was a putative missile on which millions had been spent, and which had to be stopped: we had to persuade *the Old Hero*, as the civil servants called Lord Gilbey, to sign a Cabinet paper” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «В то утро, дожидаясь приема у Гилби, мы в два счета выработали план действий. Во-первых – это была, так сказать, грубая наметка, – необходимо добиться прекращения работ по созданию некой весьма проблематичной ракеты, на которую уже ухлопаны миллионы; нужно во что бы то ни стало убедить *Старого героя* – как прозвали лорда Гилби его подчиненные – подписать соответствующий приказ по министерству» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Министерство, Парламент, географические названия, связанные с темой «госучреждения Англии»

Парламент – демократический доступ к заседаниям парламента, процедура голосования:

“Just as he was holding open the door, bells began to ring in the passage, up the stairs, in the room we were leaving. It was something like being on board ship, with the bells ringing for lifeboat-drill. Immediately Roger, who a minute before had

seemed dignified — more than that, formidable — took on a sheepish smile. *Division bell*, he explained to David Rubin, still wearing the smile, ashamed, curiously boyish, and at the same time gratified, which comes on men when they are taking part in a collective private ritual. “We shan’t be long!” The members ran out of the house, like schoolboys frightened of being late, while David and I went upstairs alone” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Он распахнул дверь, и в это время в коридоре, в гостиной наверху, в столовой, откуда мы выходили, поднялся трезвон. Можно было подумать, что мы на корабле и звонки объявляют учебную тревогу. И тут же Роджер, который только что выглядел весьма достойно, даже, я бы сказал, внушительно, застенчиво улыбнулся. — *Сзывают на голосование*, — пояснил он Дэвиду Рубину все с той же улыбкой, смущенной, до странности детской и в то же время довольной, — так улыбаются люди, готовясь принять участие в обряде для избранных. — Мы ненадолго.

По лестнице гурьбой подымались мужчины. Голосование закончилось, правящая партия получила обычное большинство» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Еще одно описание работы Парламента:

“The election went according to plan, or rather, according to the plan of Roger’s friends. Their party came back with a majority of sixty; as prophesied by MrsHenneker at that dinner-party in Lord North Street, Roger duly got office” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Выборы прошли согласно намеченному плану — точнее сказать, согласно плану, намеченному приятелями Роджера. *Их партия вернулась к власти*, получив большинство в шестьдесят голосов. Как и предсказывала миссис Хеннекер на том званом обеде, Роджер получил пост в правительстве» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Галерея для публики в английском парламенте:

“In the central lobby, I smelled scent near by me, and, glancing round, saw Caro Quaife. Her eyes were full and bright: she did not pretend to hide her nervousness. — I’d better sit somewhere out of the way, she said. — Otherwise I’m going to fidget you.

I said that he would be all right. Instead of going to the civil servants Box, we walked up with her to the Strangers' Gallery. – This sort of speech is hell, said Caro. – I mean, when there's nothing to say. I could not argue with that. She knew the position as well as I did, and the House of Commons much better. We sat in the front row of the gallery, deserted except for a party of Indians. We looked down on the Chamber, half full of members, on the sea-green, comfortable benches, the green carpet hazy in the submarine light filtering through from the summer evening. – I've got the needle, said Caro. – This is a bit too raw" [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «В главном фойе на меня вдруг повеяло духами, я обернулся и увидел Кэро Куэйф. Глаза ее были широко открыты и блестели – она и не пыталась скрыть волнение. – Пойду сяду где-нибудь в сторонке, чтобы не действовать вам на нервы, – сказала она.

Я сказал, что за Роджера можно не бояться. Мы не пошли в ложу Государственного управления и отправились вместе с ней на галерею для публики. – Это просто ужас, – сказала Кэро, – выступать с речью по такому поводу, по которому ничего не скажешь. Что тут можно было возразить? Положение дел она знала не хуже моего, а палату общин куда лучше. Мы сели в первом ряду; если не считать компании индийцев, галерея была пуста. Мы смотрели в полупустой зал, на удобные скамьи цвета морской волны, на зеленый ковер – все это в проникавшем сюда свете летнего вечера казалось расплывчатым, словно под водой. – Я прямо как на иголках, – говорила Кэро. – Все-таки это ужасно» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Социокультурный компонент текста исследуемого романа содержит описание географических мест – улиц центра Лондона, где расположены правительственные учреждения и Парламент:

"I stopped the taxi at the corner of *Lord North Street*. My wife and I had the habit of being obsessively punctual, and that night we had, as usual, overdone it. There was a quarter of an hour to kill, so we dawdled down to the river. It was a pleasant evening, I said, conciliating the moment. The air was warm against the cheek, the trees in the *Embankment garden* stood bulky, leaves filling out although it

was only *March*, against the incandescent skyline. The light above *Big Ben* shone beneath the cloud-cap: the House was sitting. We walked a few yards further, in the direction of *Whitehall*. Across *Parliament Square*, in the *Treasury building*, another light was shining. A room lit up on the third storey, someone working late” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Я попросил шофера остановить такси на углу *Лорд- Норт-стрит*. Мы с женой помешаны на пунктуальности и в этот вечер по обыкновению приехали слишком рано. Нужно было как-то убить четверть часа, и мы лениво побрели в сторону *Набережной*. Какой хороший вечер, сказал я миролюбиво. Теплый воздух ласкал лицо, и, хотя был еще только март, на фоне закатного неба отчетливо вырисовывались набухшие почки на деревьях. В вышине над *Большим Беном* светился фонарь – шло заседание Парламента. Мы прошли чуть дальше по направлению к *Уайтхоллу*. По другую сторону *Парламентской площади* в здании *Казначейства* тоже горел свет» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В исследуемом фрагменте текста, представляющего содержательно-фактуальную информацию, обращает на себя внимание имя собственное – Барфорд. Английский читатель текста осведомлен (для читателя переводного текста сведения остаются за текстом), что *Барфорд* (в реальности – *Бергфилд*, название изменено по конспиративным соображениям) – это крупный объект в структуре “Directorate of Stockpile Management-DSM” – «Директората по управлению ядерным арсеналом». Объект “Royal Ordnance Factory” – «Королевский завод боеприпасов»), в настоящее время именуемый “AWE Burghfield”, был создан в середине прошлого века как завод окончательной сборки ядерных вооружений, находится в 8 км от Олдермастона, место, где расположен завод, не обозначено ни на одной из британских географических карт. В Бергфилде (Барфорде), крупном ядерном центре, работали персонажи романа, известные физики-ядерщики. В центре производится практически весь ядерный арсенал и неядерные компоненты ядерных вооружений, в том числе электронные компоненты, а также различные материалы для упаковки компонентов вооружений, некоторое количество единиц ядерного оружия

хранится на заводе с целью проведения техобслуживания или демонтажа. В предпереводческой обработке текста эти сведения уточняют, дополняют эксплицитно выраженную информацию, так как эквивалентный перевод фактуальной части влияет на понимание и выявление его содержательно-концептуальной информации.

2 Власть и политика: качества, необходимые политику; политические и морально-этические разногласия между госчиновниками и учеными

В романе “Corridors of Power” отношение человека к власти составляет содержательно-концептуальную информацию текста. В философском плане стремление человека властвовать можно рассматривать как генетически заложенную потребность проявлять свое превосходство. Власть может проявляться в физическом превосходстве, но современному человеку свойственно стремиться к иной разновидности власти – власти политической, власти на государственном уровне, власти в управлении людьми, событиями и страной. В середине прошлого века в Англии решался важный для страны вопрос о ядерном вооружении: создавать весь комплекс атомного вооружения от расщепляющихся материалов до средств доставки ядерного оружия, в каком соотношении развивать программы наземного, воздушного и морского вооружения, создавать и в какой пропорции атомное оружие в Соединенном королевстве / Англии. Испытания средств доставки ядерного оружия были приостановлены, реорганизованы структуры, ответственные за разработку программы ядерной политики. Для страны это был поворотный момент: ценой больших усилий, благополучия налогоплательщиков создать собственную разработку ракеты-носителя и выйти в число мировых ядерных держав или отказаться от амбициозных проектов, закупать американские ракеты вместе с боеголовками и ограничить ядерную программу ракетами для ВМФ. В такой политической ситуации решение вопроса зависит во многом от политика, способного к волевым действиям. Таким персонажем выступает Роджер Куэйф, стремящийся к власти провинциал, получивший доступ в высший свет

благодаря женитьбе на богатой аристократке:

“To put it at its simplest, we believed that most *people in power*, certainly in our own country, certainly in the West, had misjudged the meaning of nuclear arms. Yet we had got on to an escalator, and it would take abnormal daring to get off. There were two points of action, Roger and I both knew. One was in our own, English, hands. It was *not realistic for us to try indefinitely to possess our own weapons*. Could we slide out and manage to prevent the spread? The second point, about which I myself felt much more strongly, was not in our control. We might have an influence. If the nuclear arms race between *the United States and the Soviet Union* went on too long – how long was too long? none of us could guess – then I could see only one end.

– It mustn't happen, said Roger. Neither of us smiled. It was an occasion when only a platitude gave one support. Roger went on speaking with energy, calculation and warmth. It had to be solved. There were enough forces to be used, by determined and skilful men. He sounded impersonal, immersed. He wasn't thinking about me; both his psychological attention and his vanity had dropped away. He was utterly sure that he could be of some use.

After a time, when the concentration had slackened, I said: All this is fine, but isn't it curious, coming from your side? – He knew as well as I did that, I was no conservative” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Суть в том, что большинство людей, стоящих у власти (и в нашей стране, и вообще в странах Запада), безусловно, не представляют себе истинного значения ядерного оружия. Но – никуда не денешься – мы уже ступили на движущийся эскалатор, и, чтобы сойти с него, потребовалось бы незаурядное мужество. Можно действовать двумя способами. Один – в руках у нас, англичан. *Не можем же мы до бесконечности цепляться за производство собственного оружия – это нереалистично*. Так может быть, выйти из игры и попытаться как-то воспрепятствовать дальнейшему распространению этого оружия? Другой способ меня лично уж совсем не устраивал, так как тут мы ничего не могли решать. Все же оказать известное влияние мы могли бы и тут... Допустим,

гонка ядерных вооружений *между Соединенными Штатами и Советским Союзом* будет продолжаться слишком долго, а что значит «слишком долго»? — этого мы не знали. Что ж, в таком случае для меня исход совершенно ясен.

— Это не должно случиться, — сказал Роджер. Мы даже не улыбнулись. В таких случаях только и успокаиваешь себя общими фразами. Роджер продолжал говорить напористо, с жаром, у него все было продумано и взвешено. Надо с этим кончать. Если найдутся люди с ясным умом и твердой волей, то найдутся и силы, на которые они смогут опереться. Увлеченный всем этим, он словно бы и не думал о своей роли. Обо мне он вообще забыл. Куда девались его тщеславие, тонко рассчитанный интерес к собеседнику. Непокоримая уверенность, что он может принести пользу, владела им. Немного погодя, когда главное было уже высказано, я заметил: — Все это прекрасно. Но не странно ли, что этот вопрос будет поднят консерваторами? Роджер прекрасно знал, что я к его партии не принадлежу» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В политическую дискуссию вовлечены не только парламентские противники партии консерваторов, но и ученые-физики, разработчики ядерной программы. На страницах американской прессы появляется выступление профессора Бродзинского, поляка, эмигрировавшего в Англию, которая его восхищала, особенно чопорностью высшего света:

“It read: ‘To ask the Minister of— (Roger’s department) If he is satisfied with security arrangements in his department, especially among senior officials? That looked innocuous enough: but Douglas’ juniors, thorough as detectives, had noticed that this same member had been making a speech in his own constituency, a speech in which he had quoted from Brodzinski’s at Los Angeles. Here were the press cuttings, the local English paper, the *Los Angeles Times*, pasted on to the file’s second page.

With a curious sense of disbelief, mixed up with incredulity and a feeling that all this had happened time out of mind, I began reading them. Brodzinski’s lecture at UCLA: SCIENCE AND THE COMMUNIST THREAT: Danger, danger, danger:

Infiltration: Softening, Conscious, Unconscious: as bad or worse in his own country (UK) as in the US: People in high positions, scientific and non-scientific, betraying defence; best defence ideas sabotaged; security risks, security risks, security risks” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Запрос гласил: Удовлетворен ли министр (следовало название министерства Роджера) соблюдением военной тайны в его министерстве, в особенности вашими чиновниками?

Выглядело это довольно безобидно; но подчиненные Дугласа, дотошные, как сыщики, выяснили, что этот самый член Парламента выступил перед своими избирателями с речью, в которой ссылаясь на заявление Бродзинского в Лос-Анджелесе. На второй странице в папке были наклеены вырезки из местной английской газеты и из «Лос-Анджелес таймс». Со странным чувством, с недоверием и вместе с ощущением чего-то уже знакомого, но давным-давно забытого я принялся читать вырезки. Лекция Бродзинского в лос-анджелесском отделении Калифорнийского университета: «Наука и коммунистическая угроза»; опасность, опасность, опасность; проникновение; сознательные и бессознательные поправки; в его стране (в Соединенном Королевстве) дела обстоят ничуть не лучше, а может быть, и хуже, чем в Соединенных Штатах; люди, занимающие высокое положение как в области науки, так и вне ее, предают оборону страны; саботаж наиболее плодотворных идей укрепления обороноспособности; политическая неблагонадежность, политическая неблагонадежность» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Для Англии того периода, которая владела ядерными ракетами в составе ВМФ, решался вопрос создания воздушных и наземных ядерных сил. Испытания ракеты-носителя (Проект-«А») показали необходимость принятия политического решения: закрытия проекта или дальнейшей разработки и усовершенствования ракеты Blue Streak. Под давлением партии консерваторов было создано новое управление (в романе *department* переведено как *министерство*), которое функционирует самостоятельно, а не в формате Министерства обороны:

“The new department was the civil servants’ despair. It was true what Rose had

said: it had become a good place to send an enemy to.

The point was, the new department, like anything connected with modern war, spent money, but did not, in administrative terms, have anything to show for it. Rose and the other administrators had a feeling, the most disagreeable they could imagine, that things were slipping out of their control. No Minister had been any good” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Новое министерство было для чиновников Государственного управления постоянным источником огорчений. Роуз был прав – лучшее место, чтобы спровадить врага, трудно было придумать.

Нет, дело в том, что новое министерство – как и всякое учреждение, связанное с производством новейших средств ведения войны, – тратило уйму денег, но не могло с точки зрения Государственного управления ничего представить в оправдание своих расходов. Роуз и другие высшие чиновники испытывали пренеприятнейшее чувство, что события развиваются помимо них. Ни один из сменившихся здесь министров их не устраивал» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Министром новой структуры, которой поручено решение ядерного вопроса, назначен наследственный лорд Гилби, «старый вояка», прошедший две войны, ему противопоставлен персонаж молодого провинциала Куэйфа, стремящегося к власти как к цели жизни:

“Normally Gilbey would have called Osbaldiston by his Christian name alone. I caught a side-glance from my colleague, as from one who was being beaten over the head with very soft pillows. Once more he was discovering that the *Old Hero* was not only affable, but obstinate and vain. Osbaldiston knew only too well that immediately he was away from the office, Gilbey was likely to be *got at by business tycoons like Lord Lufkin*, to whom the stopping of this project meant the loss of millions, or old service friends, who believed that any weapon was better than none” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Обычно Гилби называл Осбалдистона просто по имени. Мой коллега бросил мне искоса взгляд, у него был вид человека, которого бьют по голове пуховыми подушками. В который уже раз он убеждался, что *Старый герой* не только любезен, но еще и упрям и тщеславен. Осбалдистон прекрасно

понимал, что, лишь только он выйдет за дверь, на Гилби «насядут» деловые тузы вроде лорда Лафкина, для которого отказ от этого проекта означал потерю миллионов, или старые боевые друзья, уверенные, что лучше хоть какое-то оружие, чем никакого» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В «коридорах» министерства группируется блок сторонников создания наземно-воздушных ядерных сил, они решают, в обход министра, подготовить проект вместе с физиками-ядерщиками:

”Inconsiderately, we had to bring him back to the point. This was my turn. I didn’t know whether any news had reached him, but there was a kite being flown for a new delivery system: from what we knew of Brodzinski, he wasn’t going to stop flying that kite just through lack of encouragement. Wouldn’t it be prudent – Rose and Osbaldiston both agreed with this – to deal with the problem before it got talked about, to bring in Getliffe, Luke and the Barford scientists straight away? It probably wasn’t pressing enough for the Minister himself, I said, but it might save trouble if Quaife, say, could start some informal talks” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Нам пришлось довольно бестактно заставить его вернуться к делу. Теперь настал мой черед. Слышал ли лорд Гилби, что кое-кто нащупывает почву относительно возможности производства новых средств доставки? Насколько мы знаем Бродзинского, вряд ли он уговорится только оттого, что его недостаточно поощряют. Не благоразумнее ли – так думают и Роуз и Осбалдистон – заняться этим делом, пока оно еще не получило огласки; не откладывая, привлечь Гетлифа, Льюка и других барфордских ученых? Вероятно, этим пока еще незачем заниматься самому министру, но, может быть, все же следует кому-нибудь – скажем, Куэйфу – уже сейчас начать по этому поводу неофициальные переговоры» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Принятие решения зависит от соображений экономического порядка, в состоянии ли экономика Англии реализовать амбициозный проект ядерного перевооружения или отступить и предоставить двум мировым державам оспаривать право первенства:

“I don’t know that I’m following you, he said. – Do you mean what the UK is

doing about your weapons? Or what we're doing? Or do you mean the whole world?

– They all enter, don't they? Everyone was looking at Roger as he asked the matter-of-fact question. – Would you tell us whether what this country's doing makes sense?

Rubin did not, in any case, find it easy to be as direct as Roger. He was an adviser to his own government; further, and more inhibiting, he was hyper-cautious about giving pain. So he did a lot of fencing. Was Roger talking about the bombs themselves, or the methods of delivery? He invoked me to help him out – as an official, I had heard these topics argued between the Americans and ourselves for years. There were other considerations besides the scientific ones, beside military ones, said Rubin, back on his last line of defence, why the UK might want their own weapon.” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Боюсь, я не совсем вас понял, – сказал он. – Что вы имеете в виду? *Ядерное оружие в Соединенном Королевстве?* Или у нас? Или вообще в мире? – Да разве можно это разделить?

– с трезвой практичностью сказал Роджер, и все взгляды обратились на него – есть ли какой-то смысл в том, что делает наша страна?

Рубину было нелегко ответить с той же прямоотой. Он занимал пост советника при своем правительстве. А еще больше мешала ему чрезмерная деликатность. Он сделал все, чтобы уклониться от прямого ответа. Интересуют ли Роджера бомбы, как таковые, или средства доставки? Он призвал на помощь меня: по долгу службы я в последние годы не раз присутствовал при том, как американские и наши эксперты обсуждали все это. Ведь помимо соображений научного и военного характера, говорил загнанный в угол Рубин, Соединенное Королевство, может быть, хочет иметь собственное оружие еще и по каким-то другим причинам» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Американский советник Дэвид Рубин, несмотря на учтивость, скромность и доброжелательность, ведет себя как представитель своей страны, защищая ее интересы:

“– It's our job to worry about that, isn't it? said Roger gently. – Tell us – look, you know this as well as anyone in the world – how significant, just in the crudest

practical terms, are our weapons going to be? – Well, if you must have it, Rubin answered, shrugging his shoulders, anything you can do doesn't count two per cent.

– I say, Professor Rubin, came a bass voice, you're kicking us downstairs pretty fast, aren't you? Rubin said: "I wish I could tell you something different" [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Ну, это уж наша забота, – мягко возразил Роджер.

– А вот вы скажите, хотя бы приблизительно, каков будет наш вклад в вооружение – вы ведь в этом разбираетесь, как никто другой.– Что ж, если вы настаиваете... – Рубин пожал плечами, – при всем старании вам не вытянуть и двух процентов.– Послушайте, профессор Рубин, – раздался чей-то густой бас, – вам не кажется, что вы очень уж легко вышвыриваете нас из игры?– Я был бы только рад, если б мог ответить по-другому, – сказал Рубин» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

3 Вопросы воспитанности и воспитания в традициях высшего общества

Рассуждения о том, что, кроме англичан, есть воспитанные люди, пугают миссис Хеннекер, для которой английская аристократия служит примером для подражания:

"I told her that *American manners were the best in the world*. – What's that? she cried. – *Russian manners are very good*, I added, as an afterthought. – Ours are some of the worst.

It was pleasing to have startled Mrs Henneker. It was true, I said, *getting immersed in comparative sociology, that English lower-class manners were rather good, appreciably better than American; but once you approached and passed the mid-point of society, theirs got steadily better and ours got steadily worse. American professional or upper-class manners were out of comparison better*. I proceeded to speculate as to why this should be" [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Я сказал ей, что *американцы самые воспитанные люди на свете*. – То есть как? – воскликнула она. – И *русские очень воспитанные*, – прибавил я после некоторого раздумья, – мы в этом отношении едва ли не хуже всех.

Лицо у нее стало испуганное, и я испытал истинное удовольствие. Правда, сказал я, углубляясь в сравнительную социологию, у *англичан низших классов манеры совсем не плохие, куда лучше, чем у американцев того же уровня, но, начиная приблизительно с середины социальной лестницы, манеры американцев становятся все лучше, а наши – все хуже. У американской интеллигенции и высшего класса манеры несравненно лучше наших.* И я продолжал рассуждать о причинах этого странного явления» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Аристократическое воспитание (развивающие дошкольные учреждения, закрытые платные школы, известные университеты) воспринималось русскоговорящим читателем в советский период создания и перевода романа как отрицательный показатель неравенства и отсутствия народной демократии в капиталистическом мире. В наши дни эти факты воспринимаются иначе, как пример для подражания, более того, вызывают желание нуворишей отправлять своих детей в английские учебные заведения:

“They had just started on what was becoming more and more a sacramental subject in such a drawing-room – schools for the children, or more exactly, how to get them in. One young wife, proud both of maternity and her educational acumen, with a son born three months before, announced that within an hour of his birth he had been put down not only for Eton, but for his first boarding school – And we’d have put him down for Balliol too, she went on, only they won’t let you do that, nowadays” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Дамы только что завели разговор на тему, которая приобретала все больше прав гражданства в подобных гостиных: *о школах* или, точнее, о том, как определять в них детей. Молоденькая мать, гордая и своим материнством, и прозорливостью в вопросах образования, объявила, что ее трехмесячный сын уже через час после своего рождения был внесен в списки Итона. Мы бы его и в Бейлиол записали, – прибавила она, – да только теперь туда, к сожалению, заранее не записывают» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Американский коллега Дэвид Рубин скептически относится к

проявлениям снобизма английского высшего общества, но когда речь идет о семье и детях, охотно следует английским традициям:

“What had Caro arranged for her children? What was Margaret doing for ours? Across the room I watched David Rubin listening, with his beautiful, careful, considerate courtesy, to plans for buying places thirteen years ahead for children he had never seen, in a system which in his heart he thought fantastic. He just let it slip once that, though he was only forty-one, his eldest son was a sophomore at Harvard” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Я издали наблюдал за Дэвидом Рубином: с обычной своей изысканной учтивостью он внимал рассказам о *порядках*, которые, конечно же, в душе считал нелепыми, о том, как за тринадцать лет вперед покупаются для детей места в привилегированных *школах*. Он лишь мимоходом упомянул, что, хотя ему самому только сорок один год, его старший сын уже на втором курсе Гарвардского университета» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

2.2. Средства достижения адекватного перевода социокультурного компонента с английского языка на русский

2.2.1. Социокультурная адаптация художественного текста

В процессе перевода исследуемых романов “The Masters”, “Corridors of Power” для создания равного по художественной ценности и по воздействию на реципиента произведения, используются переводческие приемы и средства, одним из основных среди них можно считать социокультурную адаптацию переводного текста. Термин «адаптация применяется в теории перевода для обозначения такого вида преобразования, в результате которого происходит не только изменение в описании той или иной предметной ситуации, но и заменяется сама предметная ситуация» [Гарбовский, 2010].

Социокультурная адаптация текста понимается как обработка, своего рода «приспособление» текста оригинала, отражающего объективную действительность, к социально-культурным условиям действительности народа-носителя языка переводчика. Она определяет стратегию трансформационного процесса и нацелена на достижение адекватности перевода. В переводе социокультурного компонента адаптация играет особую роль, так как обработка затрагивает разные тематические сегменты социокультурного компонента, о которых читатель переводного текста может не знать. В исследуемом романе “The Masters” выявлено шесть сегментов социокультурного компонента (см. классификацию выше).

Социокультурный компонент, обозначенный в английском романе (события в колледже Кембриджского университета), адаптирован, чтобы специальная лексика сферы университетского образования в переводном тексте стала более доступна для понимания читателя русской культуры и не подавляла основной эстетический эффект художественного произведения. Социокультурная адаптация, выполняя адаптивно-информативную функцию, предполагает сохранение художественных достоинств текста оригинала произведения.

Для решения проблемы восполнения отсутствующих у читателя необходимых знаний социокультурного характера переводчик прибегает к эксплицированию подразумеваемой в тексте оригинала информации. Для этого текст перевода дополняется соответствующими разъяснениями.

Необходимость в эксплицировании (объяснении и комментировании) информации появляется в связи с разными факторами. Один из них – это наличие в исходном тексте социокультурного компонента, представляющего собой фактуальную составляющую определенной тематики – сферу университетского образования Англии, включая реалии, имена собственные, географические названия. Для передачи этих явлений в переводе используются переводческие трансформации, такие как амплификация, редукция, антонимичный перевод, генерализация и конкретизация.

2.2.1.1. Роман “The Masters” («Наставники»)

Представление персонажей романа происходит в сцене заседания совета наставников (masters):

“The half hour struck. Despard Smith said, in his solemn voice – It is more than time we started, and we took our places in order of seniority, one to the right, and one to the left of the chair. *Round the table clockwise from Despard Smith’s left hand, the order became – Pilbrow, Crawford (whose place was still empty), Brown, Nightingale, myself, Luke, Calvert, Getliffe, Chrystal, Jago, Winslow, Gay.* There was one feature of this curious system of seating: it happened at that time to bring side by side the bitterest antipathies in the college, Jago and Winslow, Crawford and Brown, Nightingale and myself” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Пробило половину пятого. Деспард-Смит, по-обычному торжественно, сказал: «Время начинать», и мы принялись *рассаживаться вокруг стола для совещаний в порядке старшинства – по левую и по правую руку от председателя. Председательское место занял Деспард, и слева от него, вкруговую по часовой стрелке, должны были сесть Пилброу, Кроуфорд (который все еще не пришел), Браун, Найтингейл, я, Льюк, Калверт, Гетлиф, Кристл, Джего, Винслоу и Гей.* Этот освященный традицией порядок привел у нас к тому, что самым яростным противникам приходилось сидеть бок о бок друг с другом: Джего с Винслоу, Кроуфорду с Брауном, Найтингейлу со мной» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Перевод лексики – *tutor / наставник, куратор, научный руководитель; master / глава колледжа, учитель, наставник; magister / магистр; professor / преподаватель, профессор; rector / ректор.*

В английском тексте the Tutor – в русском переводе старший наставник:

“He’s done better *as Tutor* than I bargained for, said Despard Smith. – But he’s

got no head for affairs. – That needn't rule him out – Royce had no head for affairs, and they chose him, said Despard Smith" [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «А вам не кажется, что взгляды Джего созвучны вашим? – Джего справился с обязанностями *старшего наставника* гораздо лучше, чем я предполагал, – сказал Деспард-Смит. – Но у него нет деловой хватки» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Перевод не противоречит словарному значению и соответствует должности, занимаемой Джего в колледже. В русском языке слово «наставник» известно в значении «духовный наставник», «тренер» и т.п. В перечне профессорско-преподавательского состава российского университета такой должности нет, «наставнику» соответствует «куратор» и «научный руководитель». Выбор перевода можно квалифицировать как прием форенизации с целью подчеркнуть различия в системах университетского образования двух лингвокультур – английской и русской.

В английском тексте *a Master* – в русском переводе *ректор*:

"I'm still surprised you should vote for Crawford. – He's made a name for himself. That's good enough for *a Master*. They wouldn't choose me because I wasn't known outside *the college*" [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «У Ройса тоже не было деловой хватки, но они его выбрали, – проговорил Деспард. – Я все же не понимаю, почему вы поддерживаете Кроуфорда. – Он создал себе имя, а это очень важно для *ректора*» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Вопрос о правомерности передачи английского *a Master* русским словом *ректор* сложен. В русском языке слово *мастер* зафиксировано в Средние века. Учитывая влияние на русский язык византийской и греческой культуры, можно предположить происхождение этого слова от древнегреческого *masteros* со значением «ремесленник», «мастерской». Другой вариант этимологии слова *мастер* отсылает к латинскому источнику *magister* со значением «учитель» (ср.: *historia magistra vitae*). Если говорить о новых языках, то русское слово *мэтр* восходит к французскому *maître* из старофранцузского *meistre*. В религиозно-мистическом значении в русском языке используется «*мастер*» и «*магистр*»

(ордена). В системе современного высшего образования «*магистр*» используется как термин, обозначающий вторую ступень вузовского обучения, мастер образует сложный по составу термин «*мастер-класс*». В отечественной системе среднего профессионального образования есть должность мастер (производства) и ученик (в русском языке до революции существовал термин «подмастерье»).

Старший Мастер (в переводе *старший наставник*) в Кембриджском колледже – выборная должность Главы колледжа, тогда как *ректор* – выборная должность университета Кембриджа. Выборы главы колледжа обусловлены исторической традицией английских университетов Средних веков и Возрождения, когда школы при монастырях назывались колледжами. В романе, в описываемых событиях приводится положение Устава о назначении главы колледжа (Master) епископом в случае, если дважды результаты выборов окажутся недействительными. Этот факт подчеркивает приверженность двух старейших университетов Англии Оксфорда и Кембриджа историческим традициям и духовности как принципу образования. «Несите свет, и тьма сама рассеется» – сказал Эразм Роттердамский, преподававший богословие в Кембридже в эпоху Возрождения.

В переводе должность руководителя колледжа обозначена как должность ректора. Лексическая замена аргументирована, во-первых, замечанием автора романа о вымышленном, условном образе Кембриджского университета, во-вторых, приоритетным вниманием в переводе к основной эмотивно-эстетической функции романа как художественного произведения. Наконец, термин *Мастер* может быть истолкован русскоговорящим читателем в мистическо-религиозном смысле, тогда как в английской лингвокультуре это лишь дань традиции.

Перевод лексики – *the Dean* / декан; *the master* / наставник, член совета, старший член совета, зам. ректора; *the rector* / ректор, глава колледжа; *the headporter* / старший привратник; *underporters* / младший привратник; *the Bursar* / казначей, эконо́м; *the butler* / дворецкий.

В английском тексте *the Dean* / в русском переводе *декан; the master / наставник, член совета, старший член совета, зам. ректора; the rector / ректор, глава колледжа:*

“Chrystal wanted to be no more than *Dean*, but he wanted the *Dean*, in this little empire of the college, to be known as a man of power.

Jago enjoyed the dramatic impact of power, like Chrystal: but he was seeking for other things besides. He would love to hear himself called *Master*; he would love to begin a formal act at a college meeting "I, Paul Jago, *Master* of the college. He wanted the grandeur of the Lodge, he wanted to be styled among the heads of houses. He enjoyed the prospect of an entry in the college history – Dr P. Jago, 41st *Master*. For him, in every word that separated *the Master* from his fellows, in every ornament of the Lodge, in every act of formal duty, there was a gleam of magic” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Кристла вполне удовлетворяла должность *декана*, однако он хотел, чтобы в колледже – этом крохотном царстве – все чувствовали, что *декан* – человек по-настоящему могущественный.

Джего, как и Кристла, привлекал блеск полновластного могущества; однако ему хотелось не только власти. Он жаждал именоваться *ректором*, жаждал открывать официальные собрания ритуальным зачином: Я, Пол Джего, *ректор*. Его завораживала грандиозная роскошь Резиденции, завораживал *титул главы колледжа*. Он мечтал войти в историю колледжа как Д-р П. Джего, 41-й *ректор*. *Титул ректора*, автоматически выделяющий его из массы наставников, ректорские обязанности, освященные вековыми традициями, и величественные покои Резиденции виделись ему в ореоле волшебного блеска» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В английском тексте *the headporter* / в русском переводе *старший привратник; underporters / младший привратник:*

“The chapel door stood open, and *the head porter*, his top hat gleaming in the grey morning, was waiting to give the signal for the bell to peal. Two *under porters* walked behind him; I thought he must have commanded them, for they seemed mystified and had nothing to do” [Snow, 1959, Электронный ресурс].

«Церковные двери стояли открытыми, и *старший привратник* в черном цилиндре посматривал на главный вход, готовясь подать сигнал звонарю... За ним шли оба *младших привратника* – он, вероятно, заметил, что они маются от безделья, и послал их в церковь» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В английском тексте *the Bursar* – в русском переводе *казначей*:

“May I pour you some sherry, *Bursar*? said Jago, not at ease with him. – If you please. If, you please... Jago shook his head. – Will you have more sherry, *Bursar*? – If you please, my dear boy. If you please” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Вы позволите налить вам хересу, *казначей*? – слишком, на мой взгляд, официально спросил его Джего: он с трудом находил естественный тон, обращаясь к Винслоу. – Это будет очень любезно с вашей стороны. Очень... Джего недоуменно покачал головой и спросил: – Налить вам еще хереса, *казначей*? – Это будет очень любезно с вашей стороны, мой друг. Очень» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В исходном тексте романа используется английская реалия *the Bursar*, которая переводится как казначей и эконоом и которой нет соответствия в сфере отечественного университетского образования. Должность бухгалтера вуза занимает специалист в области экономики, должность не выборная и не рассчитана на то, чтобы ее занимал преподаватель.

В английском тексте *the butler* / в русском переводе *дворецкий*:

“Just then *the butler* entered with the dining list and presented it to Winslow” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Появился *дворецкий* и подал Винслоу список обедающих» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Должность в колледже Кембриджского университета, не имеющая аналога в отечественных вузах. Судя по описаниям сцен, в которых появляется дворецкий – распорядитель, в его обязанности входит обеспечение быта и материальная организация мероприятий в колледже.

Перевод лексики – *the square, the mortar board and gown* / университетская шапочка, головной убор с квадратным верхом; *the heavy coat* / шуба, тяжелое пальто; *the coat tails* / фалды фрака, хвосты пальто; *clerical*

collar / стоячий воротник мантии.

В английском тексте *The mortar board and gown, the square* / в русском переводе *университетская шапочка, головной убор с квадратным верхом.*

В английском тексте *the heavy coat* / в русском переводе *в огромной новой шубе:*

“He was wearing *mortar board and gown*, as he always did when he came to college; he was wrapped up in a new, *heavy coat* and padded thick with scarves; his beard looked as though it had been cut that morning” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Минут через пять, неспешно открыв дверь привратницкой, появился Гей – в университетской шапочке и огромной новой шубе, из-под которой виднелась мантия» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Еще пример: “Jago and Winslow came in nearly together. Winslow threw his *square* into one armchair and sat in another himself; he gave me his mordant, not unfriendly grin” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Джего и Винслоу пришли почти одновременно; Винслоу бросил свою университетскую шапочку с прямоугольным верхом на одно кресло, сам сел в другое и кивнул мне с чуть саркастической, но отнюдь не враждебной, улыбкой» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В английском тексте *the clerical collar* / в русском переводе *стоячий воротник мантии:*

“Despard Smith looked round the table for silence. His face looked grey, lined, mournful above *his clerical collar*, grey above his black coat” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Деспард-Смит оглядел собравшихся, дожидаясь тишины. Его мрачное морщинистое лицо над *стоячим воротником мантии* казалось землисто-серым» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В английском тексте *the coat tails* / в русском переводе *фалды фрака, хвосты пальто:*

“That day he stood hands in pockets in front of the fire, warming his plump buttocks, his *coat tails* hitched up over his arms” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Когда я пришел, он стоял спиной к пылающему камину, приподняв

сзади *фалды фрака* и придерживая их по бокам засунутыми в карманы брюк руками» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Возможен вариант перевода: «Когда я пришел, он стоял спиной к пылающему камину, не снимая пальто, он приподнял его полы, засунув руки в карманы брюк». Подробное описание позы и движений тела человека типично для западноевропейской литературной традиции. Для русского менталитета характерно обозначение цели: «Когда я вошел, он стоял спиной к пылающему камину, не сняв пальто и засунув руки в карманы брюк, чтобы согреться».

Перевод лексики – *The Lodge* / *Резиденция*; *the combination room* / *профессорская, многофункциональное помещение*; *first dinner in hall* / *обед, первый ужин в зале*.

В английском тексте *the Lodge* / в русском переводе *Резиденция*:

“He wanted the grandeur of *the Lodge*, he wanted to be styled among the heads of houses... For him, in every word that separated the Master from his fellows, in every ornament of *the Lodge*, in every act of formal duty, there was a gleam of magic” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Его завораживала грандиозная роскошь *Резиденции*, завораживал титул главы колледжа. Титул ректора, автоматически выделяющий его из массы наставников, ректорские обязанности, освященные вековыми традициями, и величественные покои *Резиденции* виделись ему в ореоле волшебного блеска» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

The Lodge – многозначное слово, обозначает дом приходского священника, квартира главы колледжа Кембриджского университета, масонская ложа. В переводе используется прием лексической замены квартиры на Резиденцию. При этом нейтрализуется мистическо-религиозный фон, заключающийся в том, что глава колледжа Мастер (Master of the college) занимает Ложу (*The Lodge*). В русском переводе ректор занимает роскошную резиденцию. Пример демонстрирует лингвокультурные различия, которые не равнозначно отражены в тексте оригинала и тексте перевода. Исключение из переводного текста термина «Ложа» и замена его «Резиденцией» можно

объяснить общей стратегией перевода, нацеленной на приоритет эмотивно-эстетического предназначения художественного текста и наличием словарного значения *квартира главы колледжа*, кроме того, переводчик не использует кальку *Мастер* (Master of the college).

В английском тексте *combination room* / в русском переводе *профессорская* (перевод в словаре – *многофункциональное помещение*):
 “When we returned to *the combination room*, there were several decanters on the table, the glass glittering, the silver shining” [Snow, 1959, Электронный ресурс].

«После обеда мы вернулись *в профессорскую* и обнаружили, что стол уже накрыт для десерта – хрусталь и серебро ослепительно сияли» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Аналогичный пример:

“The meeting was called for 4.30, the customary time, just as each alternate Monday was the customary day; the bell pealed, again according to custom, at four o’clock, and Brown came down his staircase, Francis Getliffe and Chrystal walked through the gate, I looked round for my gown, all of us on our way to *the combination room*. *The room* it self looked transformed from when it was laid for wine at night; a blotter, a neat pile of scribbling paper, an inkwell, pens and pencils, stood in each place instead of glasses; covered with paper, the table shone white, orderly, bleak; the curtains were not drawn, though the wall lights were switched on, and through the windows came the cold evening light. *The room* seemed larger, and its shape was changed.

Its shape was changed partly because another table, almost as long as the main one, was brought in specially for these occasions. This table was covered with a most substantial tea – great silver teapots and jugs, shining under the windows, plates of bread and butter, white, brown, wholemeal, bread with currants in it, bread with raisins in it, gigantic college cakes, black with fruit and already sliced, tarts, pastries, toasted teacakes under massive silver covers. It was for this tea that the bell pealed half an hour before the meeting; and it was for this tea that we came punctually when we heard the bell” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Собрание, как обычно,

начиналось в половине пятого пополудни, и понедельник был традиционным днем собраний, которые неукоснительно проводились каждые две недели; в четыре часа, тоже как обычно, прозвенел колокол, и я, торопливо отыскивая мантию, ясно представил себе спешащих к *профессорской* коллег – Браун спускался по лестнице своей служебной квартиры, Гетлиф и Кристл, свернув с улицы Сиднея, входили в главные ворота колледжа, легко шагал через внутренние дворики Джего... *Профессорская* ничуть не походила сегодня на уютную комнату для послеобеденного десерта: вливавшийся сквозь окна с незадернутыми шторами серовато-холодный свет зимних сумерек подчеркивал яркую желтизну уже включенных электрических ламп, стол, накрытый плотной бумагой, сиял сурово-официальной белизной, вместо бокалов на нем стояла чернильница, лежали карандаши и ручки, возвышались стопки промокательной и писчей бумаги.

Профессорская казалась непривычно большой и вместе с тем тесно заставленной, потому что в дни собраний сюда вносили еще один стол – для чая. К чаю обыкновенно подавалась обильная закуска: на дополнительном столе, кроме серебряных чайников и кувшинов для воды, стояли тарелочки с маслом и блюда с хлебом – белым, серым, обдирным, изюмным и коричневым, красовался заранее нарезанный гигантский фирменный торт нашего колледжа, виднелись тарелки с пирожками, пирожными и горячими кексами, которые были прикрыты массивными серебряными крышками. В четыре часа, за тридцать минут до собрания, колокол сзывал к чаю, поэтому-то мы и являлись в *профессорскую* без опозданий» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Профессорская предназначалась для проведения совета, который по традиции завершался чаепитием, в обычные дни здесь собирались преподаватели для послеобеденного десерта (after dinner wine):

“*The combination room* glowed warm when I entered it that evening” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «*Профессорскую* мягко озаряли отблески огня. Я пришел первый» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Еще пример на многозначное словосочетание *the combination room*:

“We returned to *the combination room*, and took our places for wine” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Мы вернулись в *профессорскую*, чтобы выпить после обеда по бокалу вина» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Замену лексической единицы «многофункциональное помещение» на «профессорская» можно рассматривать как конкретизацию.

В английском тексте *the gyp room* / в русском переводе кладовая, комната для слуг, детская комната:

“He looked into my eyes, and then into the fire. For a moment I left him, opened my door, went out into the glacial air, turned into *the gyp room*, collected together a bottle of whisky, a syphon, a jug of water. The night had gone colder; the jug felt as though the water inside had been iced” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Он поглядел мне в глаза и отвернулся к камину. Я оставил его на минуту одного и спустился в *кладовую*, чтобы принести кувшин с водой, сифон и бутылку виски. Мороз крепчал, вода в кувшине казалась ледяной» [Сноу, 1988, Электронный ресурс]. Для выбора одного из значений синонимического ряда *the gyp room* учитывается предметная ситуация: действие происходит в служебной квартире профессора коллежа, где не может быть детской или комнаты для слуг.

2.2.1.2. Роман “Corridors of Power” («Коридоры власти»)

Для восполнения отсутствующих у читателя необходимых знаний социокультурного характера в переводе используется прием эксплицирования подразумеваемой в тексте оригинала информации. Для этого текст перевода дополняется соответствующими разъяснениями.

Основные действующие лица исследуемого романа принадлежат высшему обществу Англии, это госчиновники, члены парламента, известные в научном мире ученые-атомщики и члены их семей. Их представление читателю происходит на закрытом рауте, где все знают друг друга, обращаются на «ты» и

не рискуют встретить незнакомого человека. Хозяйка этого салона, пожилая миссис Хеннекер, в результате многолетнего пребывания в высшем обществе, обладала не только обширными сведениями о благосостоянии и положении аристократических семей, но и даром предвидения политических событий. Ее зять Том Уиндэм воплощает в себе самоуверенность аристократа в непоколебимом и вечном английском укладе жизни. Непременным условием принадлежности к этому слою служит потомственный титул и состояние. Но времена меняются, и аристократический салон миссис Хеннекер открыт не только для провинциала Куэйфа, но и для известного своим портовым жаргоном физика Льюка и, скромного по происхождению, непрямого секретаря Парламента Осбалдистона, который, по всеобщему мнению, в свое время возглавит Государственное управление.

Перевод описания высшего общества Англии адаптирован для восприятия русскоговорящим читателем 80-х гг. прошлого века. В настоящее время чувствуется временной разрыв между событиями тех лет и современным восприятием происходящего. В советском периоде нашего государства не было социального слоя аристократов, поэтому при всей объективности перевода содержания романа прослеживается «классовое» отношение к аристократии. Главный герой романа, Роджер Куэйф, не принадлежит по рождению этой элите. Он – представитель среднего класса, выходец из семьи преуспевающего инженера, только женитьба на потомственной и богатой аристократке открыла для него доступ в высший свет.

Персонаж лорда Гилби один из основных, этому потомственному аристократу, участнику двух войн, «старому вояке» доверили возглавить новый департамент (в переводе – министерство), которому поручена разработка проекта ракетносителей атомного оружия. Лорд Гилби внутри текстового пространства исследуемого романа возглавляет новое министерство. В действительности, в Великобритании приобретение и развертывание ядерных вооружений осуществляются исключительно в формате организационной структуры Министерства обороны. Управлением (the department), отвечающим

в данной структуре за разработку и обслуживание ядерных вооружений, является “Atomic Weapons Establishment” – «Атомный оружейный комплекс». В романе переводчик предпочел назвать новую структуру ядерных вооружений *министерством*, возможно с целью унифицировать статус госчиновников нового подразделения и приравнять их к министерскому рангу.

Салон Миссис Хеннекер открыт для известных физиков-ядерщиков: американца Дэвида Рубина, советника при своем правительстве, от его мнения во много зависело решение английского парламента отказаться от проекта разработки средств доставки атомного оружия (ракетостроения) и закупки американского оружия вместе со средствами его доставки; профессора Бродзинского, польского эмигранта, с восхищением принимающего снобизм высшего общества за пример для подражания, о его работе в Барфорде (см. комментарий раздела «Географические названия»); Френсиса Гетлифа, крупнейшей величины в области ядерной физики, с его мнением считаются при принятии важных решений, но в последнее время его увлекли иные научные идеи, которым он посвящал все свое время; Уолтера Льюка, давно работающего на оборонном предприятии, несдержанного на словах и грязных ругательствах, которым он научился у отца – портового грузчика. Среди гостей салона присутствуют члены парламента от партии консерваторов.

Перевод лексики: *The Permanent Secretary, the Civil Service, the Minister, Admiralty scientific departments, "A"*.

Словосочетание ***The Permanent Secretary*** переведено в словаре как лидер партии парламентского большинства. В романе партию консерваторов (парламентское большинство) возглавляет лорд Гилби, для реализации Проекта-«А» создается новая структура, которая в романе названа министерством, соответственно, Гилби представлен как новый министр, а Куэйф назначен его заместителем.

Словосочетание ***The Civil Service*** можно перевести как госслужащие, госчиновники, аппарат государственного управления. В романе переведено как *Государственное Управление*, которого в реальности не существует, так что это

творчество автора и, вслед за ним, переводчика.

Слово ***The Minister*** многозначно, возможен перевод: *министр / глава департамента*. Автор называет новое ведомство по разработке ракеты-носителя *министерством*, главу нового ведомства – *министром*, а его заместителя Роджера Куэйфа – *товарищем министра*, используя прием архаизации. В отечественной номенклатуре дореволюционный термин сохранился лишь в судебной практике – *товарищ прокурора*.

Словосочетание ***The Admiralty scientific departments*** в современном понимании переводится как Управление по науке ВМФ. Переводчик сохраняет название *Адмиралтейство*, в ведомстве которого после войны находились подводные лодки с атомным оружием. Вопрос о разработке наземного атомного оружия составляет сюжет романа.

Проект-«А», редуцированное название “А” – речь идет о разработке ракеты *Blue Streak* как наземно-воздушного атомного оружия. К моменту описываемых в романе событий ракета прошла испытания, но требовала доработки. Вопрос решался о закрытии или продолжении разработки проекта. Итог парламентской дискуссии, представленной в романе, соответствует действительности. Англия отказалась от разработки и производства ракетостроения в пользу решения о закупке у США ракет в комплекте с боеголовками, оставив за собой производство ядерного вооружения на базе ВМФ. Сведения о разработке ракеты *Blue Streak* не представлены в тексте романа, они остаются за текстом и не доступны читателю.

2.2.2. Интерференция и средства ее компенсации в англо-русском переводе социокультурной лексики

Согласно концепции первичной и вторичной коммуникативной ситуации, «переводчик воспринимает и истолковывает содержание текста и его коммуникативную интенцию с позиций носителя другой культуры» [Швейцер, 1988, с. 57]. Социокультурный компонент воспринимаемого текста

анализируется в лингвокультурологическом плане, выявляются расхождения национальных языковых картин мира, в исходном тексте выделяются сегменты социокультурного компонента, трудные для их переложения на другом языке и в другую культуру. Социокультурный компонент может содержать информацию, как общеизвестную, известную, так и неизвестную адресату-читателю переводного текста.

При совпадении лингвокультурных пространств, перевод не вызывает затруднений, как, например, в описании служебных квартир, предоставляемых профессорам на территории колледжа. Подобная практика известна в отечественной системе высшего образования, что свидетельствует о сходных чертах в сопоставляемых лингвокультурах. Информация социокультурного компонента может быть общеизвестной, например, профессорское облачение – мантия и шапочка с квадратным верхом. Перевод подобной лексики также не составляет труда. В то же время перевод лексики, представляющей неизвестную информацию, вызывает определенные затруднения. Так, в описании традиционных встреч преподавателей в профессорской автор романа приводит такие особенности бытовой стороны, как организация послеобеденного десерта с заказом разных сортов вина, сервировка стола на серебряной посуде. В описании используется лексика, передача которой на русский язык требует от переводчика знаний английской культуры. При недостатке таких знаний в переводе наблюдается отрицательное явление лексической интерференции.

Переводчик учитывает предполагаемые фоновые знания адресата-читателя переводного текста, его культурную среду, социально-психологические характеристики. Так, в передаче на русский язык заглавия исследуемого романа “The Masters” переводчик отказывается от кальки *«Мастера» из-за различий в объеме значения и границ употребления *the master* / *мастер*. Переводчик останавливает свой выбор на словарном значении (классный) *наставник*, хотя речь идет о выборах нового главы колледжа Кембриджского университета, а не о мастере производства или школьном

учителе.

Различия между лингвокультурными пространствами представляют собой определенное препятствие при переводе художественной литературы. Интерференция родной культуры осложняет межкультурную коммуникацию. В исследуемом романе английская лексика: *master*, *bursar*, *square*, *rector*, *rectory*, *combination room* вызывает у русскоязычного читателя определенные ассоциации. *Master* – мастер, мэтр – перевод в словаре: классный руководитель, глава колледжа, в переводе романа: наставник; *bursar* – что-то, имеющее отношение к бурсе – в переводе романа: казначей; *square* – перевод в словаре: квадрат, сквер – в переводе романа – профессорская шапочка; *rectory* – что-то или кто-то, имеющий отношение к ректору, перевод в словаре: дом приходского священника, дом ректора, в переводе романа – резиденция главы колледжа; *combination room* – многофункциональное помещение, в переводе романа – преподавательская. Лингвокультурологический подход к переводу подобной лексики, предполагающий адаптацию текста, представляется целесообразным.

2.2.2.1. Роман “The Masters” («Наставники»)

Ниже приводятся примеры отрицательного влияния интерференции и средства ее преодоления в переводе.

Перевод словосочетания – *solid people* / *солидные люди*; **перевод слова** *the Visitor* / *чужак*:

“Chrystal’s plan was simple. The college was divided between two men, and did not wish for *an outsider*. It had a right to ask those two to save them from an outsider. Just one step was needed – for the *solid people* on both sides to get together and threaten to switch to a third candidate if the other two refused. Chrystal had already heard something from Getliffe and Despard Smith; they were no happier about *the Visitor* than he was; he was convinced that they would take part in his plan”

[Snow, 1959, Электронный ресурс]. «Его план был прост. Совет колледжа разделился на два лагеря, но единодушно не хотел, чтобы ректором стал *чужак*. Надо было заставить самих кандидатов вывести нас из этого тупика. В том случае, если они запрямятся, «*солидные люди*» обеих партий могли объединиться и пригрозить им третьей кандидатурой. Кристл, как я потом узнал, уже разговаривал об этом с Гетлифом и Деспардом – *чужак* пугал их не меньше, чем его, – и был уверен, что они поддержат предложенный им план» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Из словарных значений *solid people*: *солидные люди, серьезные люди, авторитетные люди, решительные люди*, которые можно считать синонимами, в переводе используется калька, что дает возможность сохранить национальный колорит английской лексики и лингвокультурного пространства; *the Visitor* переведено с использованием лексической замены как *чужак*, по тексту речь идет о повторных выборах ректора в присутствии *Епископа*.

Перевод словосочетаний – *the Queen Anne chairs* / *барочные кресла*; *bric a brac* / *безделушки*:

“Her mother entered; the thick upright figure bore towards us over the deep carpet, *past the Chinese screens, past the Queen Anne chairs*, past the lavish *bric a brac* of the long and ornate drawing room” [Snow, 1959, Электронный ресурс].

«Вскоре появилась ее мать: плотная и безукоризненно прямая, она бесшумно шла к нам по ворсистому ковру, привычно лавируя между *китайскими ширмами и тяжелыми барочными креслами просторной, вытянутой в длину гостиной со множеством дорогих безделушек*» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В переводе *the Queen Anne chairs* возможен вариант *кресла времен королевы Анны*, по аналогии *мебель петровского времени*. В истории Англии были две королевы Анны: Анна Болейн (эпоха Возрождения) и Анна Стюарт (эпоха Барокко). В материальной культуре Англии известность получил стиль королевы Анны Стюарт. Переводчик использует культурологические сведения для выбора варианта перевода. Перевод *the lavish bric a brac* соответствует

словарному значению.

Перевод слов *the hall* / *трапезная, зал, столовая*; *the combination room* / *профессорская*; **перевод словосочетания** *first Dinner in hall* / *обед в трапезной*: “The benches *in hall* were filled, there was a surge of noise before and after grace; feet ran up and down stairs, all evening long” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «В *трапезной* все лавки у столов были заняты, шум прекращался только во время молитвы, и весь вечер на лестницах, куда выходили комнаты

студентов, слышались торопливые шаги» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Английское слово *the hall* многозначно, заимствованное как калька в русский язык оно сохранило лишь значение «холл, вестибюль». В переводе используется значение *the hall* в соответствии с контекстом или ситуацией:

“When we returned to *the combination room*, there were several decanters on the table.

– Jago, said Crawford. Come and sit by me. Chrystal moved down one, we rearranged ourselves, and Jago walked to the place on Crawford’s left. – I am so very sorry, he said, “to have missed your *first dinner in hall*. I had something to discuss with my wife. I thought I might still be in time to drink your health” [Snow, 1959, Электронный ресурс]. «После обеда мы вернулись в *профессорскую* и обнаружили, что стол уже накрыт для десерта.

– Джего, спокойно сказал Кроуфорд, сядьте, пожалуйста, слева от меня. Кристл пересел, и Джего занял место по левую руку от Кроуфорда. – Мне очень жаль, сказал он, – что я не успел прийти к *обеду*. Мне надо было закончить довольно важный разговор с женой. Но я надеялся, что мне удастся поздравить вас за *десертом в профессорской*» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Перевод *the combination room* в словаре – многофункциональное помещение, в русском переводе «профессорская», используется конкретизация в соответствии с контекстом; *first dinner in hall* – *обед (в трапезной)* – пример

различия между английской и русской лингвокультурами: в русской – завтрак, обед, полдник, ужин / в английской – завтрак, ленч (второй завтрак), обед (первый ужин), ужин.

2.2.2.2. Роман “Corridors of Power” («Коридоры власти»)

Ниже приводится анализ примеров отрицательного влияния интерференции и предлагаются средства ее преодоления.

Перевод словосочетания *an adviser to his own government* / *советник при своем правительстве* переведено в соответствии со словарным значением (советник своего собственного правительства):

“Rubin did not, in any case, find it easy to be as direct as Roger. He was *an adviser to his own government*; further, and more inhibiting, he was hyper-cautious about giving pain” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Рубину было нелегко ответить с той же прямоотой. Он занимал пост советника при своем правительстве» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Перевод лексики – *department* / министерство, (словарь – департамент, отдел, управление, ведомство); *the civil servants* / чиновники *Государственного управления* (словарь – государственные служащие, госчиновники); *the Government about general policy* / *правительство*:

“The new *department* was *the civil servants* despair. It was true what Rose had said: it had become a good place to send an enemy to. Not that *the civil servants* had any quarrel with *the Government about general policy*. Rose and his colleagues were conservatives almost to a man, and they had been as pleased about the election results as the Quaifes’ circle themselves” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Вновь созданное министерство было для чиновников Государственного управления постоянным источником огорчений. Роуз был прав – лучшее место, чтобы спровадить врага, трудно было придумать. И не потому, что у Государственного управления и правительства были разногласия по основным

вопросам. Роуз и почти все его коллеги были консерваторами и исходу выборов радовались не меньше, чем круг Куэйфов» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

The new department переведено как *вновь созданное министерство*, что допустимо, но не соответствует действительности, все структуры (ведомства, департаменты) по атомному оружию находились в подчинении Министерства обороны; *the civil servants* – конкретизировано с использованием амплификации *чиновники Государственного управления* (вымышленной автором властной структуры и повторенной переводчиком); *the Government about general policy* (также вымышленная структура власти, чтобы не использовать термин «кабинет министров») переведено синонимом – *правительство*.

Перевод словосочетания *in administrative terms* / с точки зрения *Государственного управления* (в словаре – в административном отношении); *Civil servants* / *высшие чиновники*; *the Ministers* / *министры*:

“The point was, *the new department*, like anything connected with modern war, spent money, but did not, *in administrative terms*, have anything to show for it. Rose and the other administrators had a feeling, the most disagreeable they could imagine, that things were slipping out of their control. No Minister had been any good. The present incumbent, Roger’s boss, Lord Gilbey, was the worst of any. *Civil servants* were used to *Ministers* who had to be persuaded or bullied into decisions. But they were at a loss when they came against one who, with extreme cordiality, would neither make a decision nor leave it to them” [Snow, 1964, Электронный ресурс].

«Нет, дело в том, что новое *министерство* – как и всякое учреждение, связанное с производством новейших средств ведения войны, – тратило уйму денег, но не могло с точки зрения *Государственного управления* ничего представить в оправдание своих расходов. Роуз и другие *высшие чиновники* испытывали пренеприятнейшее чувство, что события развиваются помимо них. Ни один из сменившихся здесь *министров* их не устраивал. Теперешний же – лорд Гилби, – непосредственное начальство Роджера, оказался хуже всех.

Высшие государственные чиновники привыкли к министрам, которых приходилось или уговаривать, или запугивать, чтобы они приняли то или иное

решение, по, столкнувшись с таким, который, встречая их с отменной любезностью, не желал, однако, ни сам принять решение, ни предоставить это подчиненным, они окончательно растерялись» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Перевод *in administrative terms* с использованием лексической замены как *с точки зрения Государственного управления* может быть объяснен общей стратегией перевода, речь идет о чиновниках вымышленной структуры Государственного управления; *the Civil servants* – *высшие чиновники*, в переводе использована лексическая замена, чтобы не повторять в тексте *чиновники Государственного управления*; *the Ministers* переведено в соответствии со словарем – *министры*, хотя речь идет о руководителе департамента (комментарий перевод термина *the new department*).

Перевод словосочетания *new boy* / *новобранец* (словарь – новый мальчик, новичок):

“If we can get the ОН, – said Osbaldiston, ‘to let the *new boy* take it over, – By the new boy he meant Roger Quaife” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «– Если бы только нам удалось заставить старика передать дело *новобранцу*, сказал Осбалдистон. Под «*новобранцем*» он подразумевал Роджера Куэйфа» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В переводе выбор из синонимического ряда «армейской» лексики объясняется, видимо, желанием подчеркнуть военную биографию Гилби, его прозвище «старый вояка».

Перевод слова *Ministry* / *министерство* (в словаре – министерство):

“Since the war, what in our jargon we called “had been split up. The greater part had gone to a new *Ministry*” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «После войны так называемая «работа на оборонку» пошла у нас по разным каналам. Большей частью ею теперь занималось вновь созданное министерство, то самое, куда Роджера назначили сейчас *товарищем министра*» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В переводе не ставится акцент на точное название государственной

структуры, занимающейся атомными разработками в описываемый в романе период. Вновь созданная структура названа министерством. В Справочнике по атомной программе Англии указывается, что Атомная программа по обеспечению обороны страны находилась в ведении одного Министерства обороны, а вновь создаваемые структуры имели статус «управления».

Перевод слова *Parliamentary Secretary* / Товарищ министра (в словаре – секретарь парламента, лидер фракции большинства, партии, имеющей в парламенте большинство голосов):

“We set off down the corridor, empty except for a messenger, high and dark with the waste of space, the lavish clamminess, of nineteenth-century Whitehall. Two doors along, a rubric stood out from the tenebrous gloom: *Parliamentary Secretary, Mr Roger Quaife*” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Мы вышли в коридор, безлюдный – если не считать одинокого рассыльного, – высокий, излишне просторный и поэтому всегда темный, от которого так и веяло затхлой роскошью Уайтхолла прошлого столетия. В гнетущем мраке выделялись красные буквы над дверью: *Товарищ министра* мистер Роджер Куэйф» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В текстовом пространстве романа существует новое Министерство ядерного вооружения. В реальности все программы ядерного вооружения находились в пределах Министерства обороны, поэтому речь идет о создании управления, а не министерства. Но автор, а следом за ним переводчик решили использовать термин «министерство», хотя в тексте есть термин «департамент – управление». Это пример искажения реальности, возможно умышленного со стороны автора, так как речь идет о секретном проекте.

Перевод словосочетания *the political talents potters* / на политическом горизонте (словарный перевод – находка искателей политических талантов):

“That was Monty Cave, who, according to *the political talent spotters*, was another coming star. He had a plump face, lemur-like eyes, a quiet, subtle, modulated voice” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Это был Монти Кейв – еще одна восходящая звезда *на политическом горизонте*, как утверждали знатоки. У него

были пухлые щеки, большие грустные глаза и негромкий, мягкий и гибкий голос» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

В русском тексте метафора *находка искателей новых талантов* заменена на метафору «*восходящая звезда на политическом горизонте*», видимо, чтобы избежать более выразительной фразеологии и сохранить общий стиль повествования.

Перевод словосочетаний – *the youngest Permanent Secretary in the service* / «самым молодым непременным секретарем в Государственном управлении» (словарный перевод – постоянный секретарь на службе); *the Grand Cross of the Bath* / *орден Бани* (в словаре – Большой Крест Бани):

“When I first met him, he had been *the youngest Permanent Secretary in the service*. Now he was only three years from retirement, having been in the same rank, and at the same job, longer than any of his colleagues. They had given him *the Grand Cross of the Bath*, the sort of decoration he and his friends prized, but which no one else noticed. He still worked with the precision of a computer” [Snow, 1964, Электронный ресурс]. «Когда мы с ним познакомились, он был *самым молодым непременным секретарем в Государственном управлении*. Теперь ему оставалось три года до отставки, и все это время он дольше, чем кто-либо из его коллег, пробыл в одном и том же чине, на одной и той же должности. Он получил *орден Бани* – награду, которую высоко ценили он и его приятели, но которую, кроме них, никто не замечал. Он по-прежнему работал с точностью электронно-счетной машины» [Сноу, 1988, Электронный ресурс].

Русский перевод *the Grand Cross of the Bath* – *орден Бани* определяется как редукция, возможно, неоправданная; *the youngest Permanent Secretary in the service* переведено как *непременный секретарь* – пример форенизации, в отечественной системе госуправления существует понятие «освобожденный» секретарь (выполняющий возложенные обязанности без освобождения от основных функций по должности).

Выводы по главе 2

В главе 2 выявлены особенности перевода на русский язык социокультурного компонента английского художественного текста тематической направленности. Сопоставительный анализ, комментарий проведены на основе фактического материала романов C.P. Snow “The Masters” и “Corridors of Power” и их перевода на русский язык, исходный и переводной тексты рассмотрены на предмет выявления лингвокультурных особенностей при передаче социокультурного компонента.

– В романе “The Masters” социокультурный компонент отражает университетскую жизнь Кембриджа как собирательного образа известных своей историей престижных университетов Англии; в романе “Corridors of Power” – борьбу политических партий и личностей за право решать судьбу атомного проекта, определяющего оборонную мощь страны и ее место среди ядерных держав.

Социокультурный компонент исследован на предмет его тематической классификации, отражающей национальные особенности английского лингвокультурного пространства с акцентом на тематическую направленность (производственную / непроизводственную) сферу внутритекстовой действительности. В романе “The Masters” тематика социокультурного компонента включает социально-исторические особенности и традиции; организацию учебного процесса и научной деятельности колледжа; особенности быта преподавателей колледжа; выборы главы колледжа (как ключевого момента раскрытия содержательно-концептуальной информации текста). В романе “Corridors of Power” тематика социокультурного (фактуального) компонента обозначена описанием светского общества Англии, работы госчиновников высшего эшелона власти, членов Парламента, министров и их заместителей, известных ученых физиков-ядерщиков, борьбы политических партий и личностей за право решать судьбу и место страны в

мире как ядерной державы. Тематическая классификация лексики социокультурного компонента обоих романов совпадает по таким пунктам, как национальные черты английского характера, особенности быта определенного социального слоя.

В исследуемых текстах разная фактология – разные сюжеты, внутритекстовые миры, в которых разворачивается действие, разная профессиональная тематическая направленность, но в них можно найти сходство содержательно-концептуальной информации: борьба за должность (или принятие проекта), в основе которой лежит стремление человека к власти. Проблема отношения человека к власти рассмотрена в романах в философском плане. Власть может проявляться в физическом превосходстве, но современному человеку свойственно стремиться к иной разновидности власти – власти в коллективе и на государственном уровне. Социокультурный (фактуальный) компонент в исследуемых романах разный, но его предназначение не меняется – содержательно-фактуальная информация служит источником расшифровки содержательно-концептуальной информации художественного текста.

– Одной из особенностей языковой картины мира состоит в том, что реальная действительность отражается в разных культурных сегментах, в том числе в художественной литературе, индивидуально и приближенно, иногда со значительными отклонениями от реальности. Примером могут служить искаженные географические названия (Барфорд) и названия государственных структур, вымышленных автором и повторенные переводчиком в «Коридорах власти»: Государственное управление, новое министерство, товарищ министра, неменный секретарь. Главным в моделях действительности, представленных в художественном произведении, оказываются не объективность, а образность и типичность персонажей, объединенных эстетико-философским замыслом автора. Образность отображения реального мира рассчитана на чувства человека, воспринимающего как реальный мир, так и созданную воображением модель. Этот процесс характеризуется двойным

искажением отражения мира: сначала создается неточная (вымышленная) автором художественного произведения модель реальной действительности автором художественного произведения, затем созданная модель субъективно интерпретируется ее получателем, при этом, интерпретация художественного произведения не обязательно и не всегда совпадает с замыслом автора. В переводе процесс отражения реального мира еще более сложен, так как переводчик при передаче текста с одного языка на другой (в процессе двустороннего перевода) выступает одновременно как получатель (текста оригинала) и как автор переводимого им текста.

– Двойственная позиция переводчика (получатель / отправитель текста) рассмотрена в работе на примере коммуникативной модели перевода, одним из компонентов которой считается предметная ситуация первичной и вторичной коммуникации. Одна и та же внеязыковая ситуация, представленная в текстах, функционирующих в разной языковой и культурной среде, может быть представлена с определенными различиями. Анализ предметной ситуации свывявлением языковых и культурных особенностей, представляет собой часть первого этапа перевода – интерпретации текста, когда переводчик выступает его получателем. На этом этапе не вся информация, необходимая для передачи текста на другой язык, представлена эксплицитно. Важное значение приобретают эрудиция переводчика и знания в области предметной ситуации текста, его социокультурного компонента. Переводчик интерпретирует английское лингвокультурное пространство с целью его адекватной передачи на родной для него язык. Когда представленный в тексте языковой материал недостаточен для однозначной интерпретации, для адекватного понимания текста требуются традиционно называемые «фоновые знания», конкретизированные в пределах переводимого текста в его социокультурный компонент. В исследуемых романах социокультурный компонент тематически определен и ограничен профессиональной деятельностью человека, поэтому фоновые знания, необходимые для интерпретации переводимого текста конкретизированы тематикой и ориентированы на профессиональную сферу:

университетского образования / структур государственной власти.

Так, в романе “The Masters” для перевода социокультурного (фактуального) компонента требуются знания в области истории средневековой Англии, создания монашеских братств, открытия колледжей при монастырях. Как пример, слово *master* в одном из своих значений до настоящего времени скрывает духовный подтекст, также традиции духовного воспитания закреплены Уставом с тем, чтобы их соблюдать в университетской практике. В романе “Corridors of Power” для выполнения требования адекватности перевода фактуальной составляющей необходимы знания «исторического» момента середины прошлого века: отказа Англии от собственной разработки средств доставки ядерного оружия в пользу их закупки (вместе с ядерным оружием) в США.

В одних случаях неудачная интерпретация может стать результатом многозначности слова. Например, словарные значения *master*, подходящие для анализируемой ситуации: *form master* – классный наставник и *master* – глава колледжа. Переводчик находится перед выбором – в первом значении слова речь идет о школьном, а не университетском образовании; по поводу второго значения в словаре есть точное указание на то, что глава Кембриджского колледжа переводится как *master*. Однако в переводе используется не «глава», а «ректор» колледжа. Заметим, что в английской реальности ректор – это выборная должность Кембриджского университета, а не колледжа.

– Роль переводчика как специалиста в области двух культур, владеющего двумя языками, отличается от роли обычного получателя текста: он не просто осмысливает текст с позиций одного и того же языка и одной и той же культуры, он замечает особенности текста в лингвокультурологическом плане, расхождения национальных языковых картин мира, в частности элементы лежащей за текстом предметной ситуации, неизвестные, на его взгляд, получателю переводного текста, например, Проект «А» или г. Барфорд. Этот этап представляет собой предпереводческую обработку текста. Для исследуемых романов этот этап можно считать тем более важным, что

переводчик использует не просто «фоновые» знания, для лингвокультурологической характеристики ему необходимо освоить специальную лексику определенной тематики.

На этапе вторичной коммуникативной ситуации, когда переводчик выступает создателем текста, перед переводчиком стоит задача преодоления противоречия, вызванного установкой первичного и вторичного текстов на разных получателей. Переводчик учитывает лингвокультурное пространство, уровень образования и культуры потенциального читателя, предполагаемые последствия интерференции. Эти факторы определяют временную и культурную дистанцию, разделяющую первичную и вторичную коммуникативные ситуации. Так, в переводе заголовка романа “The Masters” переводчик остановил свой выбор на первом значении Master – (классный) наставник, хотя речь идет о выборах нового главы колледжа Кембриджского университета. Перевод романа “Corridors of Power” адаптирован для русскоговорящего читателя 80-х гг. прошлого века, поэтому часть социокультурной (фактуальной) информации воспринимается современным читателем иначе вследствие социально-политических изменений в нашей стране.

Перевод социокультурного (фактуального) компонента осложняется интерференцией родной культуры, затрудняющей межкультурную коммуникацию. В исследуемом романе “The Masters” английская лексика: master, bursar, square, rector, rectory, combination room вызывает у русскоязычного читателя определенные ассоциации. Master – перевод в словаре: мастер, мэтр, классный руководитель, глава колледжа – в переводе романа: наставник; bursar – перевод в словаре: что-то, имеющее отношение к бирже – в переводе романа: казначей; square – перевод в словаре: квадрат, сквер – в переводе романа: профессорская шапочка; rectory – перевод в словаре: что-то или кто-то, имеющий отношение к ректору, дом приходского священника, дом ректора, в переводе романа: резиденция главы колледжа; combination room – перевод в словаре: комбинированное помещение – в

переводе романа: преподавательская. В романе “Corridors of Power” специальная лексика: the Permanent Secretary in the service, the Grand Cross of the Bath, the Parliamentary Secretary, the department, the civil servants... также вызывает у русскоговорящего читателя определенные ассоциации. Департамент, отдел, управление, ведомство существуют в русской специальной лексике, но в романе the department – министерство; the Permanent Secretary in the service в романе – неперменный секретарь, в русской лингвокультуре Permanent ассоциируется с понятием (секретарь) на постоянной основе, но не с понятием – товарищ министр; словосочетание the civil servants в наше время может быть переведено госчиновники, чиновники госаппарата, в период создания и перевода романа the civil servants могли восприниматься как номенклатурные работники.

Прагмакоммуникативный аспект перевода подобной лексики, предполагающий адаптацию текста, представляется необходимым.

Заключение

Исследование особенностей перевода социокультурного компонента художественного текста в лингвокультурологическом аспекте привело к следующему заключению.

Лингвокультурологический аспект перевода основан на теоретических положениях лингвокультурологии как междисциплинарной науки и одного из её главных постулатов – наличия национальной языковой картины мира, отражающей национальные языковые и культурные особенности. Специфика исследуемых текстов состоит в их четкой профессионально ограниченной тематике сферы университетского образования в романе “The Masters” и сферы государственного управления в романе “Corridors of Power”. Именно эти сферы английского лингвокультурного пространства актуализируются в переводе. Поэтому лингвокультурологическая характеристика исходного текста художественной литературы может считаться оправданным и целесообразным средством, а принцип лингвокультурного равноправия перевода – необходимым условием межкультурной, в том числе межъязыковой, коммуникации.

Художественный перевод оценивается по таким параметрам, как точность и художественная полноценность, которые достигаются за счет переводческой компетентности переводчика как творческой личности. Основная переводческая задача состоит в создании на языке перевода произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на читателя, равноценное воздействию исходного текста. Две взаимосвязанные составляющие, выявленные в художественном тексте – эмотивно-эстетическая и фактуальная, не равнозначны. В художественном тексте преобладает эмотивно-эстетическая составляющая, в отличие от специального текста (научного или технического) с преобладающей фактуальной частью. Перевод фактуальной составляющей художественного текста отличается от

специального перевода. В специальном переводе передача информации считается основной задачей. В художественном переводе при передаче определенной информации, в расчет принимаются факторы лингвокультурного и прагматического порядка, объединенные стремлением донести до читателя переводного текста философско-эстетическое послание автора, то есть основная задача состоит в реализации эмотивно-эстетической функции. Социокультурный компонент представляет собой фактуальную часть, отражающую в художественной форме и соответствующую философско-эстетическими взглядам автора действительность. В выявлении философско-эстетической, концептуальной составляющей он играет важную роль.

Для действительности нашего времени характерен научно-технический прогресс, высокий уровень образования, широкое использование электронных технологий. В художественной литературе, отражающей реальность, происходит смена тематики литературных произведений. Так называемый «производственный роман», реально имитирующий современное общество, оказавшееся под давлением технического прогресса, отражает тенденцию появления и развития новых литературных жанров.

Лексика художественного текста производственной тематики и ее перевод по сравнению с переводом лексики художественных текстов, отражающих лингвокультурное пространство без акцента на профессиональную сферу, отличаются характерными особенностями. Лексика профессионально маркированных художественных текстов носит контаминированный характер: кроме основного состава общелитературной, нейтральной, и общелитературной разговорной лексики текст включает специальную (отраслевую) литературно-книжную лексику, которая используется в специальном переводе, а также специальную литературно-разговорную лексику для передачи профессиональной диалогической речи. В результате насыщенности текста профессиональной лексикой (в нашем случае, лексикой сфер высшего образования и госуправления), происходит контаминация видов словесности и изменение пропорций между такими

признаками специального / художественного перевода, как фактуальность / фабульность. Реальное представление того, что происходит в «коридорах» английского Парламента во время решения проблем национального масштаба (“Corridors of Power”) или учебного процесса в колледже Кембриджа – собирательного образа традиционного английского университета (“The Masters”), использование специальной лексики сфер госуправления и университетской жизни – все это создает впечатление достоверности, фактуальности. Но это беллетристика, вымысел автора, его послание читателю с определенной целью повлиять определенным образом на него посредством эстетического восприятия художественного текста. Тематическая направленность романов может быть объяснена как социально-экономическими изменениями общества, так и стремлением автора к новизне и привлекательности своих произведений.

Художественные тексты производственной тематики в плане перевода содержащейся в них специальной лексики отличаются от научных и научно-технических текстов. Последние не допускают вымысел и искажение действительности, тогда как в художественном тексте специальная лексика представлена в преломлении разных лингвокультур, отмечена индивидуальным восприятием мира автора и творческим вымыслом переводчика. Специальная лексика: the Master, the combination room, the department, the Permanent Secretary in the service, the rectory, the Government about general policy, the Parliamentary Secretary и ее перевод не могут служить справочным материалом.

Одна из особенностей языковой картины мира состоит в том, что реальная действительность отражается в художественном тексте как ее имитация, иногда со значительными отклонениями от реальности. Главным в моделях действительности, представленных в художественном произведении, оказываются не объективность, а образность и типичность персонажей, объединенных эстетико-философским замыслом автора. Образность отображения реального мира рассчитана на чувства человека, воспринимающего как реальный мир, так и воображаемую модель. Этот

процесс характеризуется двойным неточным отражением мира: сначала создается неточная модель реальной действительности автором художественного текста, затем созданная модель субъективно интерпретируется получателем, при этом, его интерпретация художественного текста не обязательно и не всегда совпадает с замыслом автора. В переводе процесс отражения реального мира осложнен, так как переводчик в процессе двустороннего перевода выступает одновременно как адресат исходного текста и как адресант – автор переводного текста. Именно на этапе восприятия исходного текста важную роль играет лингвокультурологическая характеристика текста.

Художественный адекватный перевод предполагает точность перевода, передачу коммуникативного эффекта и сути исходного текста, особенно при передаче социокультурного компонента профессионально-тематической направленности, но при этом сохранение максимальной близости к философско-эстетическим положениям высказываний автора исходного текста.

Список литературы

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. 368 с.
2. Анцыферова О.Ю. Университетский роман: парадоксы жанровой номенклатуры. С. 5. Электронный ресурс: university-roman-haradoksy-zhanrovoy-nomenklatury-Adopt Acrobat Reader. Дата обращения: 15.02.2023, 21.34.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
4. Арутюнова Н.Д. Метафоры и дискурс // Теория метафоры. М.: Изд-во «Прогресс», 1990. 512 с.
5. Ахренова Н.А. Структурные особенности толкового англо-русского словаря языка интернета. // Преподавание русского языка как иностранного в вузе: опыт и перспективы: сб. науч. статей / сост. и науч. ред. М.В. Беляков, Н.Д. Афанасьева. МГИМО (ун-т) МИД РФ М.: МГИМО Университет. 2018. С. 410-418.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 240 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Изд-во «Искусство», 1986. 444 с.
8. Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. Вильгельм фон Гумбольдт – лингвист, переводчик, теоретик перевода // М.: Изд-во МГОУ, 2017. С. 5–10.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Степановой Ю.С. М.: Изд-во «Зеркало УРСС», 2009. 446 с.
10. Бобрышева Л.К. Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира (на материале русского и адыгейского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2009. 35 с.
11. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25–36.

12. Валуйцева И.И., Тихонова М.Д. «Языковой круг» Вильгельма фон Гумбольдта: социолингвистический аспект // М.: Изд-во МГОУ, 2017. С. 36–42.
13. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2001. 272 с.
14. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем. М.: Изд-во Эдиториал УРСС, 2004. 232 с.
15. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Изд-во «Индрик», 2005. 1038 с.
16. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Изд-во Айросс Пресс, 2004. 576с.
17. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.:Изд-во «Наука», 1980. 360 с.
18. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 253 с.
19. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
20. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.:Изд-во Московского университета, 1978. 174 с.
21. Винокур Г.О. Культура языка. Изд-во «URSS», 2018. 352 с.
22. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Изд-во «Высшая школа», 1991. 448 с.
23. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Изд-во «Р.Валент», 2009. 360 с.
24. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
25. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. 352 с.
26. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: «Искусство», 1991. 368 с.

27. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Изд-во «КомКнига», 2007. 144 с.
28. Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное общение как ценность // Иностранные языки в школе. 2012, №1. С. 3–11.
29. Гамов А.Н. Структурно-семантическая характеристика военной лексики в англоязычной прозе XX-XXI веков. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Мытищи: 2021. 21 с.
30. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
31. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Изд-во «Советский писатель», 1980. 225 с.
32. Гумбольд В. фон Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. / под ред. Г.В. Рамишвили. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
33. Гусева А.Е., Кузнецова Ю.Г. Функционально-стилистическая и экспрессивно-стилистическая характеристика фразеологических единиц лексико-фразеологического поля «мыслительная деятельность» (на материале современного английского языка) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 1.
34. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994, №4. С. 17–33.
35. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научной языке // Вопросы филологии. М.: Институт языкознания РАН, 2001. №1. С. 35–47.
36. Демьянков В.З. Прагматика коммуникации и когниция // Когнитивные исследования языка. Вып. 29. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 55–63.
37. Евграфова Ю.А. Сотрудничество адресанта и адресата: интерпретация экранного текста // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. № 4. 2020. С. 13 –

23.

38. Евграфова Ю.А. Черное зеркало: лингвосемиотический потенциал экранных текстов: монография. М.: Изд-во «Наука», 2020. 126 с.
39. Епифанцева Н.Г., Балута А.А., Бухтиярова С.А., Цепелева А.Н. Характеристика и коммуникативные функции местоимений // The characteristics and the communicative function of pronouns. Innovative technologies in science and education. Moscow, Rostov-on-Don, Russia, 2020. С. 1–8.
40. Епифанцева Н.Г. Культурологический вектор в переводе: передача на русский язык значений французских глаголов движений и жестов человека // Тамбов, Грамота, Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (79), 2018. Часть 2, 302-305 с.
41. Епифанцева Н.Г. Межкультурный подход к переводу: теоретическое обоснование и сфера применения // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2017. №5. С. 40–47.
42. Епифанцева Н.Г. Немецкий классический гуманизм эпохи Вильгельма и Александра фон Гумбольдтов // М.: Изд-во МГОУ, 2017. С.70–75.
43. Епифанцева Н.Г., Еплов С.С. Образовательный дискурс (французский и русский языки в сопоставлении) // М.: Вестник МГОУ. Серия Лингвистика, №6, 2022. С. 91-100.
44. Епифанцева Н.Г., Цепелева А.Н. Жанровая характеристика английского романа С.Р. Snow ‘Masters’ // Евразийское сотрудничество. Научные материалы Международного дня науки. М., МГОПУ, 2023. С. 126–131.
45. Епифанцева Н.Г., Цепелева А.Н. Особенности вузовского обучения практике перевода с учетом разграничения видов словесности // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2019. №1 (25). С. 18–26.
46. Епифанцева Н. Г., Цепелева А. Н. Сопоставительный анализ перевода социокультурного компонента английского художественного текста на русский язык (на примере романа Ch. P. Snow “Corridors of Power”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory &

Practice ISSN 2782-4543 (online) ISSN 1997-911 (print) 2022. Том 15. Выпуск 7. С. 2364–2368 | 2022. Volume 15. Issue 7. P. 2364–2368.

47. Жаркынбекова Ш.К. Ментальная репрезентация концептов разных лингвокультур и их культурно-специфическая представленность // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2006. С. 190–192.
48. Жаманова Ю.В. Авиационная лексика в англоязычном художественном тексте и ее передача на русский язык по творчеству А. Хейли. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 20 с.
49. Жирова И.Г., Дмитриева О.П., Анашкина Е.В. Репрезентация ценностных доминант в английских лексических образованиях с фокусной семой REALITY и их передача на русский язык (на материале произведения А. Мердок "The Bell" / "Колокол") // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice ISSN 2782-4543 (online) ISSN 1997-911 (print) 2022. Том 15. Выпуск 6. С. 1905–1912 | 2022. Volume 15. Issue 6. P. 1905–1912.
50. Жирова И.Г. Лингвокогнитивный аспект перевода лексико-семантической системы английского языка на русский // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 391–399.
51. Жирова И.Г. О проблеме перевода экстралингвистических компонентов с русского языка на английский // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013. №5. С. 60–66.
52. Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях. Калинин: Изд-во КГУ, 1978. 88 с.
53. Зубкова Л.Г. Лингвистическое учение конца XVIII – начала XX вв.: Развитие общей теории языка в системных концепциях. Монография. М.: Изд-во УДН, 1989. 212 с.
54. Иванов Н.В. Пять аспектов природы перевода // Вестник МГУ. Сер. 22.

Теория перевода. М.: МГУ, 2017. №2. С. 20–48.

55. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. 544 с.
56. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. Разновидности лингвокультурных концептов. Концептуарий культуры как новый тип словаря. Выводы. Иная ментальность. М.: Изд-во «Гнозис», 2005. 352 с.
57. Карасик В.И. Здравый смысл как лингвокультурный концепт // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / под ред. проф. Е.С.Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 184–203.
58. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2002. 477с.
59. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Изд-во «Парадигма», 2007. 520 с.
60. Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод // Для читателя-современника (Статьи и исследования). М.: Изд-во «Советский писатель», 1977. 558 с.
61. Кирьякова О.И. Особенности переводческой интерпретации синонимов базовой лексики «joy» на русский язык в художественных текстах XIX в. // Вестник Поморского университета, 2008. №13. С. 191–194.
62. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2000. 198 с.
63. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Изд-во «Высшая школа», 1990. 253 с.
64. Кошечкина И.Г., Кузьменко Е.Л., Макарова В.А. Художественное время во фразеологизмах // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2017. №4 (20). С. 68–75.
65. Кошечкина И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. М.: Изд-во «Высшая школа», 2008. 328 с.
66. Красина Е.А., Моктар А. Название фильма: перевод или переименование? // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2020. № 2.

67. Крюкова О.П. О будущем сдвиге лингвистической парадигмы (К вопросу о последствиях информатизации) // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2016. №2. С. 94–101.
68. Кубрякова Е.С. О ментальном лексиконе. Лексикон как компонент языковой способности человека // Язык и знание. М.: «Языки славянской культуры», 2004. С. 378–390.
69. Кудрина Н.А. Переводческие предпочтения при адаптации заимствованных терминов (на материале когнитивной лингвистической терминологии) /Актуальные проблемы германистики и романистики. Вып. 10. Ч. II: Язык в тексте. Смоленск: СмолГУ, 2006. С. 102–108.
70. Кузьменко Е.Л. Концепт «воображение» как часть концептосферы языковой личности // Перевод и когнитология в XXI в. / отв. ред. Л.Л. Нелюбин. М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 59–62.
71. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Изд-во «Прогресс», 1988. С. 12–53.
72. Латышев Л.К. Общественная детерминированность перевода и переводческая эквивалентность текста как инструмент общения. М.: АН СССР Институт языкознания, 1988. С. 103–120.
73. Лебедева А.А. К вопросу об эквивалентности лексических единиц при переводе // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2016. №2. С. 156–163.
74. Лебедева А.А. Проблемы корректной передачи семантической конфигурации текста на другой язык: роль культурологической компетенции и фоновых знаний при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. с. 79-88.
75. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
76. Левицкий А.Э. Диалог культур и языковая личность // В книге: Язык,

культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации. тезисы докладов международной научной конференции, приуроченной к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорусского государственного университета. Минск, 2021. С. 243-244.

77. Левченко М.Н. Категория информативности в философском тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. №1. с. 14-23.
78. Левченко М.Н. Локальный алгоритм текстов художественной немецкой прозы (на примере новеллы и исторического анекдота) // Большое евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты. М.: Изд-во МГОУ, 2018. С. 416–421.
79. Левый И. Искусство перевода. М.: Изд-во «Прогресс», 1974. 394 с.
80. Лиходкина И.А. Когнитивные подходы в переводоведении: текущие тенденции, проблемы и перспективы развития // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Жана Пиаже [Электронный ресурс] / отв. ред. Н.Г. Елифанцева. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 119–127.
81. Мазирка И.О., Сорокина Э.А. К вопросу о развитии семантической структуры слов латинского происхождения (латинизмов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. с. 67-76.
82. Максименко О.И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2016. №2. С. 111–116.
83. Максименко О.И., Подлегаева Е.П. Проблема перевода названий мультисемиотических текстов (на примере переводов названий мультсериала «Смешарики» на английский язык) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. с. 167-175.
84. Макеева М.Н., Бородулина Н.Ю. Взаимосвязь культурного и

метафорического пространства (на материале архитектурной метафоры) / В сборнике: Диалог культур. Культура диалога: от конфликта к взаимопониманию. материалы Второй международной конференции. Московский городской педагогический университет. Москва, 2020. С. 49-52.

85. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2008. 293 с.
86. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
87. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
88. Миньяр-Белоручев Р.К. Записи в последовательном переводе. М.: Издательский дом «Проспект-АП», 2005. 298 с.
89. Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. М.: Изд-во «Академия», 2006. 224 с.
90. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2012. 216 с.
91. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка. М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2007. 128 с.
92. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История и теория зарубежного перевода. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 144 с.
93. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История и теория перевода в России. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
94. Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М.: Изд-во «Эдитус», 2019. 190 с.
95. Опарина Е.О., Сандомирская И.И. Фразеология и коллективная культурная идентичность // *Profilowanie w języku i w tekście*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1998. S. 373–379.
96. Ортега-и-Гассиет Х. Дегуманизация искусства. Изд-во: «Радуга», 1991. 640 с.
97. Ощепкова В.В. Лингвокультурный типаж BOGAN в австралийской и новозеландской лингвокультурах // Вестник Московского

государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. с. 82-88.

98. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М./СПб.: ГПОССА/КАРО, 2004. 336 с.
99. Панфилов В.З. О некоторых аспектах социальной природы языка // Вопросы языкознания, 1982. №6. С. 160–164.
100. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 30 с.
101. Попова З.Д., Стернин И.А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка. Вып. 2. Кемерово, 2003. С. 6–17.
102. Попович А. Проблемы художественного перевода / под ред. П.М. Топера. М.: Изд-во «Высш. Школа», 1980. 199 с.
103. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Изд-во «Искусство», 1976. 614 с.
104. Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода. М.: Изд-во Академии педагог. наук, 1950. С. 156–183.
105. Рецкер Я.И. Лекции по теории и практике перевода (из архива Л.Л. Нелюбина). М.: МГОУ, 2012. 83 с.
106. Рябцева Н.К. Теория и практика перевода: Когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. М.: Изд-во «Наука», 1997. 531 с.
107. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: Изд-во «КомКнига», 2006. 310 с.
108. Свиридова Л.К. Перевод как обязательное выражение категории тождества // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. М.: Изд-во МГГУ, 2013. №2. С. 80–86.
109. Сепир Э. Положение лингвистики как науки // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Изд-во «Наука», 1960. С. 177–183.
110. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с

- англ. А.Е. Кибрик. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
111. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология. М.: Изд-во «Деловая книга», 2001. С. 549–562.
 112. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Изд-во ВГУ, 2004. №1. С. 29–34.
 113. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Изд-во «Academia», 2000. 128 с.
 114. Солдатова М.А. Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях // II Международные Бодуэновские чтения / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань.: Изд-во Казан. универс., 2003. Т. 2. С. 110–112.
 115. Сорокина Э.А. В диалоге языков и культур (VI Международная научно-дидактическая конференция 1-2 июня 2017 г., Польша, Варшава) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 6. с. 106-109.
 116. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Изд-во: «Ленанд», 2021. 334 с.
 117. Степанов Ю.С. Константы: Словарь Русской культуры. М.: Изд-во «Академический проект», 2004. 991 с.
 118. Тарева Е.Г. Межкультурный подход как лингводидактическая инновация // Теория и практика обучения иностранным языкам: традиции и инновации. М.: Изд-во «Тезаурус», 2013. С. 61–67.
 119. Тарнаева Л.П. Культурный концепт в контексте проблем переводоведения // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. В 3-х ч. Ч. 2 / отв. ред. Е.В. Рябцева при участии М.Н. Макеевой, А.А. Арестовой.

- Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. С. 286–288.
120. Телегин Л.А., Телегина Д.А. Полисемия сенсорных прилагательных с эквивалентными и противоположными значениями в русском, английском и французском языках // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2017. №3 (19). С. 60–67.
 121. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Изд-во «Наука», 1986. 143 с.
 122. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
 123. Теория и практика английской научной речи / Г.И. Ахманова, О.И. Богомолова, Е.В. Брагина и др. под ред. М.М. Глушко. М.: Изд-во МГУ, 1987. 240 с.
 124. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во «Слово/Slovo», 2000. 624 с.
 125. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Изд-во «Академия», 1997. С. 179–193.
 126. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Изд-во «Наследие», 2000. 254 с.
 127. Уорф Б.Л. Отношение нормы поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во «Наука», 1960. С. 174–190.
 128. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ. М.: ООО Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
 129. Федоров А.В. Язык и стиль художественного произведения. Л.: Гослитиздат, 1963. 130 с.
 130. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): дис. ... докт. филол. наук. М., 2015. 361 с.

131. Филиппова И.Н. Рецепция перевода читателями в свете трансцендентальности (на материале детективов-серий) // Теория языка и межкультурная коммуникация, 2017. №4 (27). С. 138–144.
132. Фрумкина Р.М. Лингвистика в поисках эпистемологии // Лингвистика на исходе XX в.: Итоги и перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 104–106.
133. Хайдеггер А.М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: Изд-во «Прогресс», 1986. 93 с.
134. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1995. 46 с.
135. Хосаинова О.С. Обучение студентов идиоматике иностранного языка в контексте межкультурного подхода на основе текста для чтения (на материале немецкого языка) // Дисс. канд. пед. наук. М., 2017. 245 с.
136. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Двухязычие или моновязычие? (О некоторых аспектах билингвизма и диглоссии в литературном творчестве) // Полилингвизм и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 196–203.
137. Цепелева А.Н. Виды художественного перевода и их характеристики // Язык. Культура. Перевод: сб. материалов IV Международной науч. конференции (Магадан, 30 сентября 2019 г.) / Сев.-Вост. гос. ун-т. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. С. 347–355.
138. Цепелева А.Н. Влияние концепции А. Шлейхера на классификацию А. Мейе // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Августа Шлейхера [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. (5,57 Мб). М.: ИИУ МГОУ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 283–288.
139. Цепелева А. Н. Жанровая характеристика тематически маркированных литературно-художественных текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 109–117.
140. Цепелева А.Н. Лексико-семантическая интерференция в переводе художественного текста // Modern Humanities Success / Успехи

гуманитарных наук, 2022, № 9. С. 125-132.

141. Цепелева А.Н. Особенности перевода на русский язык социокультурного компонента английской художественной литературы // «Лингвистическое наследие Л. В. Щербы в свете современной науки о языке» [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. (8,29 Мб). М.: ИИУ МГОУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 198–204.
142. Цепелева А.Н. Прагматический уровень эквивалентности в художественном переводе // *Modern humanities success / Успехи гуманитарных наук.* №10, 2021. С. 102–106.
143. Цепелева А.Н. Принцип в межкультурном подходе в художественном переводе // Сборник материалов международного научного семинара с участием иностранных студентов, магистрантов и аспирантов (25 ноября 2020 г. г. Москва). Киров.: 2021. С. 121 – 123.
144. Цепелева А.Н. Реалия: лингвистическая природа и особенности перевода в художественной литературе // Большое евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты сб. ст. по мат. Международной научно-практической конференции (15 декабря 2017 г.). М.: Изд-во МГОУ, 2018. С. 916–920.
145. Цепелева А.Н. Социальный аспект исследования социокультурной характеристики английского художественного текста и его перевода на русский язык // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Жана Пиаже [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. (5,57 Мб). М.: Изд-во МГОУ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 251–256.
146. Цепелева А.Н. Социокультурный компонент в аспекте перевода // Древние языки и культуры и их роль в образовательном процессе [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. (3,25 Мб). М.: ИИУ МГОУ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 129–134.
147. Цепелева А.Н. Социокультурный компонент аутентичного текста как фактор компетентностного подхода к изучению иностранного языка (на

материале английской художественной литературы) // Актуальные проблемы антропоцентризма в языке и речи: сб. науч. тр. Вып. 6. под ред. И.Г. Жировой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С.127–131.

148. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода: вводная часть. Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. 182 с.
149. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Изд-во «URSS», 2018. 280 с.
150. Швейцер А.Д. Теория перевода (статусы, проблемы, аспекты). М.: Изд-во «Наука», 1988. 216 с.
151. Шишков М.С. Православный компонент в лингвокультурном пространстве современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 183 с.
152. Шмелев А.Д. Язык и внеязыковая действительность. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2002. 391 с.
153. Irina G. Zhironova, Xingkai Sun. Adaptive Translation of Phraseological Units in Nikolai Ostrovsky's "How the Steel was Tempered" into Chinese and English // Research result. Theoretical and Applied Linguistics, 7 (2), 2021. P.104-113.
154. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N.Y.: Perseus Books, 1999. 624 p.
155. Nida E.A. Toward a science of translating: With special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.
156. Nida E.A., Taber Ch.R. The theory and practice of translating. Leiden: Brill, 1969. 220 p.
157. Makeeva M.N., Borodulina N.Yu., Glivenkova O.A. Linguocultural potential of animalistic metaphor in the practice of professional communication / В сборнике: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Conference proceedings. London, 2020. С. 553-561.
158. Wierzbicka, A. Culture & Psychology, 4, 1999. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Cambridge: University Press. P. 161–188.

Список словарей и энциклопедических изданий:

159. Англо-русский словарь синонимов. Тезаурус. М.: Изд-во «Оникс», 2005. 412 с.
160. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стереотип. М.: Изд-во «URSS, Дом Книга», 2007. 569 с.
161. Большой энциклопедический словарь: [А-Я] / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл. СПб.: Изд-во «Норинт», 1997. 1434 с.
162. Мюллер В.К. Англо-русский словарь: словарь. 23-е изд., стереотип. М.: Изд-во «Русский язык», 1990. 848 с.
163. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2003. 318 с.
164. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 17-е изд., испр. 1984. 797 с.
165. Педагогическая энциклопедия. Т.1, гл. ред. А.И. Каиров и Ф.Н. Петров. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1964. 832 с.
166. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.–Л., 1948–1965.
167. Фразеологический словарь русского языка / сост. Степанова М.И. СПб.: Изд-во «Виктория плюс», 2003. 604 с.
168. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: под ред. Д.Н.Ушакова. М.: МУЛЬТИМЕДИА, 2003. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
169. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., М.: Изд-во «Норинт; Рипол классик», 2008. 1534 с.
170. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002. 709 с.
171. Hornby A.S. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.

Oxford University Press. London, 1974. 1540 p.

172. Longman Modern English Dictionary/ editor Owen Watson. London, 1976. 1698 p.

Список лингвистических материалов исследования:

173. Сноу Ч.П. Наставники; Коридоры власти: Романы: Пер. с англ. / Предисл. В. Ивашевой. М.: Изд-во «Прогресс», 1988. 432 с.
174. Snow C.P. Corridors of Power. 1New York, USA. Book-of-the-Month Club, Inc. 1964. 403 p.
175. Snow C.P. The Masters: [A novel] London, Macmillan. 1959. 387 p.

Электронный ресурс:

176. Англо-русский словарь Мюллера. М.: Изд-во АСТ, 2015. 1184 с. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.transneed.com/> (дата обращения: 23.05.2020).
177. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.- М.: Изд-во Тип. М.О. ВольфаМ., 1880-1882 [Электронный ресурс]: URL: <https://runivers.ru/lib/book3178/> (дата обращения: 03.08.2020).
178. Образцова Е.В. Понятие лингвокультурного концепта в аспекте междисциплинарных исследований [Электронный ресурс]: URL: <http://e-lib.gasu.ru/vmu/arhive/2004/01/15.shtml> (дата обращения: 15.04.2018).
179. Сноу Ч.П. Наставники; Коридоры власти: Романы: Пер. с англ. / Предисл. В. Ивашевой. М.: Изд-во «Прогресс», 1988. [Электронный ресурс]. [2022] URL: https://www.ozon.ru/product/nastavniki-koridory-vlasti-169575030/?_bctx=CAUQr-QT&asb2=kVkqAcGFxR-mrwvwBn2Ddlo-dTo0H4advZ6-DxHcsqPPrcwSbVduRC5pGirXxNGq&sh=rdcM2AAAAA

(Дата обращения 23.02.2022).

180. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rulit.me/books/nablyudaya-za-anglichanami-skrytye-pravila-povedeniya-> (дата обращения: 03.04.2020).
181. GoogleПереводчик [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/WqaKG> (Дата обращения: 15.06.2020).
182. Snow C.P. Corridors of Power. 1New York, USA. Book-of-the-Month Club, Inc. 1964. [Электронный ресурс]. [2022] URL: <https://www.biblio.com/book/corridors-power-strangers-brothers-series-snow/d/1176931896> (Дата обращения 23.02.2022).
183. Snow C.P. The Masters: [A novel] London, Macmillan. 1959. [Электронный ресурс]. [2022] URL: https://www.ebay.co.uk/itm/The-Masters-By-C-P-Snow-1959-/363656243815?nma=true&si=pPclcHr1geEm7qkKi5353KsL5Z4%253D&orig_cvip=true&nordt=true&rt=nc&_trksid=p2047675.l2557 (Дата обращения 23.02.2022).